

МОЛИТВА КО СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ГЕОРГИЮ ПОБЕДОНОСЦУ

Святый, славный и всехвальный великомучениче Георгие! Собрании в храме твоём и пред иконою твою святою поклоняющиеся людие, молим тя, известный желания нашего ходатаю, моли с нами и о нас умоляемаго от Своего благоутробия Бога, да милостивно услышит нас, просящих Его благостыню, и не оставит вся наша ко спасению и житию нужная прошения, и дарует стране нашей победу на сопротивных; и паки, припадающе, молим тя, святый победоносче: укрепи данную тебе благодатию во бранех православное воинство, разруши силы возстающих враг наших, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят, яко мы имамы Божественную помощь, и всем, в скорби и обстоянии сущим, многомощное яви свое заступление. Призри на ны скорою твою помощию и умоли Человеколюбца Бога, да не осудит нас, грешных, по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости. Не презри моления нашего, но испроси нам у Христа Бога нашего тихое и богоугодное житие, здравие же душевное и телесное, земли плодородие и во всем изобилие, и да не во зло обратим благая, даруемая нам тобою от Всещедраго Бога, но во славу Святаго имени Его и в прославление крепкаго твоего заступления, да подаст Он стране нашей и всему боголюбивому воинству на супостаты одоление, и да укрепит непремняемым миром и благословением. Изряднее же да оградит нас святых Ангел Своих ополчением, во еже избавится нам, по исходе нашем из жития сего, от козней лукаваго и тяжких воздушных мытарств его, и неосужденными предстати Престолу Господа славы. Услыши нас, страстотерпче Христов Георгие, и моли за ны непрестанно Триипостаснаго Владыку всех Бога, да благодатию Его и человеколюбием, твою же помощию и заступлением обрящем милость со Ангелы и Архангелы и всеми святыми одесную Правосуднаго Судии стати, и Того выну славити со Отцем и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2015 №3(77)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Богородцев
Диакон Алексей Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:

Мария Винникова – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Коваленко – корректор
Галина Гражданкина – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: dsobesednik@bk.ru, albina063@mail.ru

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА КО СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ
ГЕОРГИЮ ПОБЕДОНОСЦУ**..... 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО
Митрополип Сергий (Спрагородский)
Послание пастырям и пасомым
Христовой Православной Церкви 4

АРХИВ
Русская Православная Церковь
и Великая Отечественная война 6

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ
Из опыта Оппиной
О молитве Иисусовой..... 18

ПАМЯТЬ СЕРДЦА
Митрополип Мануил (Лемешевский)
«Прежде всего я монах»
Из дневника святителя (1959 год)..... 20

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА
Иван Солоневич
Миф о Николае Втором 44
Игуменья Нина (Механикова)
«Николай II – последний христианский Царь» 72

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
Максим Размолодин
Иденпификация понятия «русский народ»
в идеологии черной сопни 94
Пою Богу моему
«Смерпью смерпть поправ»
Поэзия Великой Отецественной войны 116

ПОСЛАНИЕ ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Местооблостителя Патриаршего престола Митрополита
Московского и Коломенского СЕРГИЯ от 22 июня 1941 года

Глава Русской Православной Церкви Митрополит Сергий в первый же день войны обратился к народу с воззванием, в котором пророчески сказал, что враг будет разбит, Господь дарует нам победу. Отпечатанное на обычной пишущей машинке послание Митрополита Сергия опередило речь Верховного главнокомандующего.

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно

обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах – а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью по-

служить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

...Именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснятся еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выразался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

*Патриарший Местоблюститель смиренный Сергей,
Митрополит Московский и Коломенский.*

Москва,

22 июня 1941 года

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

О нападении фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Митрополит Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил Божественную литургию в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших. Первосвященитель ясно сознавал, что в этот тяжкий час испытаний для всего народа Русская Церковь, верная своим традициям, должна быть вместе с народом, питая его духовные силы.

Митрополит Сергей ушел к себе в кабинет, и вскоре его близкие услышали стук пишущей машинки: Патриарший Местоблюститель писал Послание к Церкви по случаю начала войны.

«Невзирая на свои физические недостатки – глухоту и малоподвижность, – вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), – Митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным: свое Послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам нашей необъятной Родины в первый же день войны»¹.

Это историческое Послание указало тот путь, которым должна идти Церковь, разделяя со своим народом все трудности и невзгоды.

Во исполнение призыва своего Первосвященителя Русская Церковь с первого же дня войны, не прерывая молитв своих ни на один день, за всеми церковными службами усердно молилась Господу о даровании успеха и победы нашему воинству: «О еже подати силу неослабну, непребориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...». Она подавала руку помощи скорбящим и страждущим от лишения близких своих на брани; она неустанно поминала перед Престолом Господним всех, «имже судил Господь положить на брани души своя».

Как говорил Митрополит Сергей, эта молитва о воинах, на поле брани убиенных... есть наш непременный долг, не исполняя которого мы не останемся без вины»².

Молитвы Церкви не были тщетными. Благословение ее придавало ту непреборимую силу русскому оружию, которую враг так и не смог преодолеть.

В последующее время Митрополит Сергей обратился к Церкви Русской с 23 посланиями по разным случаям. И во всех посланиях выражалась твердая надежда на то, что Господь дарует русскому народу конечную победу.

Между тем шел тяжелый пятый месяц войны. Фашистские полчища находились на подступах к Москве. 14/1 октября, в день праздника Покрова

Пресвятой Богородицы, Митрополит Сергей обращается к «православной и боголюбивой пастве московской» со своим вторым Посланием по случаю войны.

«Вторгшийся в наши пределы коварный и жестокий враг, – писал Патриарший Местоблюститель, – по видимому, напрягает все свои силы...

С Божией помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет по-прежнему постоять за себя, и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина.

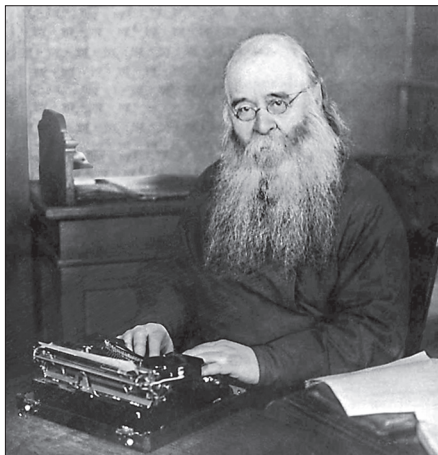
Такая надежда, как железная броня, да оградит нас от всякого малодушия перед нашествием врага. Каждый на своей страже, на своем посту будет бодро стоять, содействуя обороне Отечества нашего, святой православной веры»³.

В отношении Московской Патриархии Исполнительный комитет Московского городского Совета 7 октября 1941 г. постановил «предложить последнему временно покинуть Москву»⁴.

Первоначально предполагалось разместить Патриархию в г. Чкалове (Оренбурге), однако затем, идя навстречу желанию Митрополита Сергея, не хотевшего удалиться от Волги, Исполком Моссовета разрешил разместиться Патриархии в Ульяновске. Там с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. вместе с рядом сотрудников Патриархии находился Блаженнейший Сергей, продолжая в Ульяновске осуществлять церковное руководство.

С первых же дней войны единодушно откликаясь на обращение Митрополита Сергея «трусами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам»⁵, все без исключения приходы начали широкий сбор денежных пожертвований и ценных предметов на нужды обороны. Так, в течение нескольких месяцев верующие одного только Троицкого храма в г. Горьком внесли в Фонд обороны более миллиона рублей. Когда об этом доложили Митрополиту Сергию, то на извещении появилась резолюция Блаженнейшего Сергея: «Браво. Нижний Новгород не посрамил мининскую память»⁶.

Воодушевляемые такими поощряющими резолюциями, духовенство и верующие с постоянно растущей ревностью продолжали необходимую Родине работу. В Саратове в течение только 1943 г. было внесено от прихожан и священнослужителей более двух миллионов, а в Орле, после освобождения его от захватчиков, два миллиона рублей⁷. Всего же за годы войны церковные пожертвования на нужды обороны составили несколько сот миллионов рублей.

Митрополит Сергей (Страгородский)

Помимо сбора средств в Фонд обороны, Церковь в патриотическом желании помочь Родине благословила и организовала сбор денежных средств в Фонд помощи детям и семьям воинов Красной Армии.

Как отмечал в своем послании митрополит Ленинградский Алексей, «эта забота со стороны верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины»⁸.

Одним из самых ярких свидетельств участия Церкви во всенародном подвиге в годы войны явился сбор церковных пожертвований на сооружение танковой колонны имени Димитрия Донского.

Самый выбор этого имени не был случайным. Великий светильник земли русской преподобный Сергий, благословив Димитрия Донского на Куликовскую битву, послал в ряды русских войск двух своих сподвижников из числа братии Троицкой обители. Эти два воина-инока, Александр Пересвет и Андрей Ослябя, не только своим присутствием, но и тем, что «положили души своя» на поле брани, засвидетельствовали перед всем верующим русским воинством, что Русская Православная Церковь благословляет его на святое дело спасения Родины, а молитвы Преподобного Сергия сопровождают его в этом великом подвиге.

Так и ныне, по мысли Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Митрополита Сергия, Русская Церковь, руководствуясь примером преподобного Сергия, вновь посылала в помощь русским воинам свое благословение, зримый знак того, что она никогда не оставляет своих воинов, что она их благословляет на битву.

Тридцатого декабря 1942 г. Блаженнейший Митрополит Сергий обратился «к архипастырям и приходским общинам» всей Церкви с призывом внести церковно-патриотические пожертвования на сооружение танковой колонны. «Пусть наша церковная колонна, – писал Блаженнейший Сергий, – понесет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского оружия. Нам же всем дает утешительное сознание, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения Родины»⁹.

Не было ни одного храма, ни одной церковной общины во всей стране, которые оказались бы в стороне или уклонились от дела служения Родине. В короткие сроки на общецерковную танковую колонну имени Димитрия Донского духовенством и верующими было собрано свыше восьми миллионов рублей.

В начале 1944 г. танковая колонна от имени Русской Православной Церкви была передана Красной Армии митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем. Обращаясь к воинам, митрополит Николай сказал: «Духом с вами будем все мы, весь наш советский народ во всех ваших бранных подвигах. Мы пламенно молимся о победе нашего оружия и пламенно веруем в конечное торжество свободы, правды, мира, под знаменем которых воюет наш народ»¹⁰.

Другим примером патриотического служения Русской Церкви в годы войны явилось сооружение на средства, собранные православными верующими, авиационной эскадрильи имени Александра Невского.

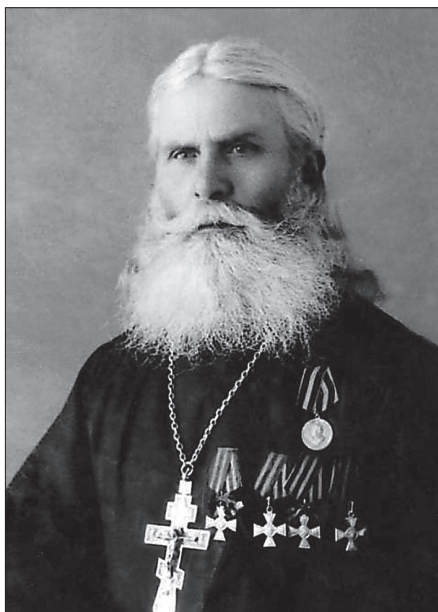
Патриотическая деятельность Русской Церкви, направленная на защиту своего Отечества, не ограничивалась заботой только о внутренних нуждах государства: не забывала Церковь своих братьев по вере и на Балканах. В ноябре и декабре 1942 г. от имени Русской Православной Церкви Митрополит Сергей обращается к православному румынскому духовенству, верующим и солдатам румынской армии с призывами «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единокровной крови»¹¹.

К празднику Святой Пасхи 1943 г.

Первосвященник направил Обращение к православным христианам оккупированных стран, в котором говорилось, что «вместе с народом идет и наша Православная Церковь, а народ наш всем сердцем и мысленно с вами. Он готов и на деле проливать кровь вместе с вами за веру и вашу свободу ... Неужели сербы, не один раз за веру и отечество всенародно полагавшие свою жизнь, когда-нибудь успокоятся под фашистским сапогом?.. Неужели православный греческий народ может остаться на фашистской цепи?»¹²

Многообразное проявление патриотической деятельности Церкви, ее неустанная забота о благе Родины во время войны во многом послужили к установлению взаимопонимания с Советским государством. Появилась возможность открывать некоторые из закрытых прежде храмов, восстанавливать епископские кафедры.

В Ульяновск стали приезжать за назначениями епископы. А порой и вдовые представители приходского духовенства (основной тогдашний резерв архиерейских кадров) здесь же принимали монашеский постриг, и над ними совершалась монашеская хиротония. Среди последних были профессор протоиерей Николай Чуков и протоиерей Сергей Городцов, впоследствии видные иерархи – митрополиты Ленинградский Григорий и Новосибирский Варфоломей.

Полный Георгиевский кавалер священник Георгий Пухнов. Уржум. Награжден медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)

Не оставались без внимания Московской Патриархии и территории, освобожденные советскими войсками от фашистской оккупации. «По мере освобождения нашей Родины... – писал протоиерей Александр Смирнов, – Блаженнейший Митрополит проявил огромную заботу об устройении церковной жизни в освобожденных от врага епархиях. Он посылал туда с особыми полномочиями иерархов или заслуженных протоиереев, давал им соответствующие инструкции и препровождал с ними нарочитые послания...».

Кроме того, через представителей Московской Патриархии был обследован в отношении верности канонам ряд епархий, откуда на имя Митрополита Сергия были присланы с многочисленными подписями трогательные заявления от духовенства и верующих о преданности ему как Предстоятелю Русской Православной Церкви. «Чувствуя над собой Ваше высокое покровительство, – писали пастыри этих епархий, – мы ободрились и с удвоенной энергией будем трудиться на духовной ниве по распространению слова Божия и по укреплению веры Христовой и патриотических чувств среди своих пасомых»¹³.

Но в годы войны произошло горестное для Православной Церкви событие – епископ Владимиро-Волынский Поликарп (Сикорский) во время немецкой оккупации Украины порвал связь с Матерью – Церковью Русской – и объявил себя «администратором» «автокефальной» Украинской православной церкви. Таким образом, была возобновлена деятельность раскольничьей группировки, «самоликвидировавшейся» в 1930 году.

Еще 5 февраля 1942 г. Блаженнейший Митрополит Сергей обратился к православной украинской пастве со специальным посланием, в котором разоблачил подлинное лицо Поликарпа (Сикорского), оказавшегося орудием гитлеровской политики на Украине. Митрополит Сергей призывал православное украинское население не поддаваться на уговоры Поликарпа, а православных украинских епископов умолял бодренно и молитвенно стоять на страже и не отдавать боговрученной паствы на расхищение волкам, ее губящим.

По делу Поликарпа (Сикорского) Блаженнейший Митрополит Сергей сносился с Блаженнейшими Антиохийским и Иерусалимским Патриархами и установил полное единство с ними во взглядах о необходимости церковного суда над ним¹⁴. Двадцать восьмого марта 1942 г. состоявшийся в Ульяновске Собор епископов назначил Поликарпу, еще ранее запрещенному Патриаршим Местоблюстителем в священнослужении и управлении епархией, двухмесячный срок для представления в Патриархию своих оправданий. В случае пренебрежения запрещением он объявлялся лишенным сана и монашества¹⁵.

После войны оказавшиеся за рубежом сторонники Сикорского образовали группировку, именующую себя «Украинская автокефальная православная церковь за границей».

Следует отметить, что на временно оккупированных территориях СССР порой обнаруживались сепаратистские тенденции среди части духовенства и

мирян. Так, в Эстонии некоторые приходы вместе с митрополитом Александром (Паулусом) отделились от Московской Патриархии и ее Экзарха в Прибалтике. Такая же попытка, хотя и неудачная, была предпринята в Латвии находившимся на покое митрополитом Августиним (Петерсоном). Что касается Украины, то только небольшая часть духовенства и паствы последовала за Поликарпом (Сикорским) и его соперником в борьбе за возглавление раскола Феофилом (Булдовским). Большинство же из них вошло в организованную на началах автономии (в соответствии с определением Поместного Собора (1917 – 1918 гг.) Православную Церковь на Украине, сохранявшую каноническое общение с Московской Патриархией. Ее Предстоятелем стал митрополит Волынский Алексей (Громадский; † 8. V. 1943).

В то же время немецким оккупантам фактически не удалось осуществить введение «автокефалии» в Православной Церкви в Белоруссии.

Посетивший в 1943 году освобожденный советскими войсками г. Орел английский журналист А. Верт отмечал патриотическую деятельность православных церковных общин во время немецко-фашистской оккупации. Эти общины, писал он, «неофициально создавали кружки взаимной помощи, чтобы помогать самым бедным и оказывать посильную помощь и поддержку военнопленным... Они (православные храмы) превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания»¹⁶.

Действительно, подавляющее большинство духовенства и верующих, оказавшихся на оккупированных территориях, было настроено патриотически. Обращаясь к ним, Митрополит Сергей призывал: «Каждый из вас, как истый патриот, должен быть всецело с партизанами и если не прямо участвовать в их рядах, то всеми способами им содействовать. Одним словом, вы всегда должны жить надеждой своего скорого освобождения советскими войсками и быть готовыми с чистой совестью радостно встретить освободителей»¹⁷.

Отвечом на призыв Первосвященника Русской Церкви явилось участие духовенства и верующих в партизанском движении в тылу врага. Многие из них отдали свою жизнь в борьбе с фашистскими оккупантами. В Орле, например, были расстреляны священники-патриоты отец Николай Оболенский и отец Тихон Орлов¹⁸.

Несмотря на военное время, отношения Московской Патриархии с Восточными Патриархами осуществлялись нормально. Был регулярным обмен приветствиями между Восточными Патриархами и Митрополитом Сергием по случаю великих христианских праздников. Блаженнейший Патриарх Александрийский Христофор направил в январе 1942 г. телеграмму Митрополиту Сергию с выражением молитвенной поддержки русскому народу в связи с выпавшими на его долю тяжкими испытаниями войны¹⁹.

Возобновлялась издательская деятельность Московской Патриархии. В государственных типографиях печатались Послания Патриаршего Местоблюстителя. Кроме того, в целях разъяснения патриотического курса Патри-

архии были выпущены две книги – «Правда о религии в России» (М., изд. Московской Патриархии, 1942) и «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Сборник документов (М., изд. Московской Патриархии, 1943). В свою очередь деятельность Русской Православной Церкви по сбору средств на нужды фронта и для оказания помощи жертвам войны получила одобрение Верховного командования.

В то время руководство Московской епархией осуществлял митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), человек необычной энергии, блестящий проповедник, общий любимец паствы. Начало войны застало его, тогда еще митрополита Луцкого, Патриаршего Экзарха Западных Украины и Белоруссии, в прифронтовой полосе. Пятнадцатого июля 1941 г. следует его назначение на остававшуюся вакантной Киевскую кафедру. Пребывая на этой кафедре, митрополит Николай совершал богослужения в прифронтовой полосе, укрепляя архиерейским словом дух местного населения²⁰.

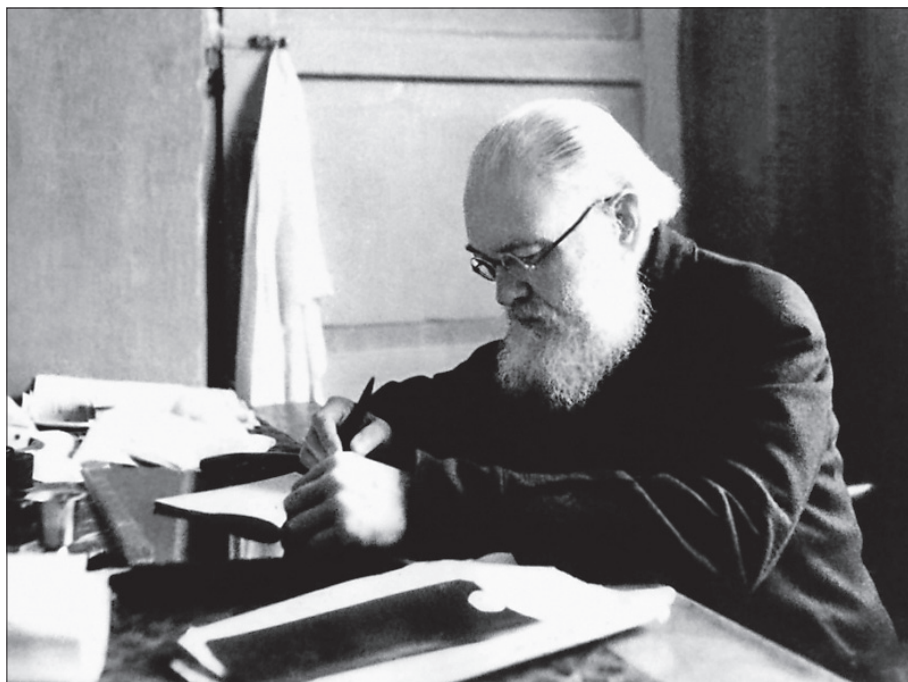
Но 19 сентября советские войска вынуждены были оставить Киев. Митрополит Николай спешит в Москву, чтобы в столь важное для страны и Церкви время быть надежной опорой Патриаршего Местоблюстителя. В тяжелые дни первых двух лет войны он совершает богослужения в московских храмах, пламенными речами поддерживая дух паствы. В ноябре 1942 г. его назначают членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Кроме того, митрополит Николай представляет Русскую Православную Церковь в созданном тогда Всеславянском комитете.

В осажденном Ленинграде архиерейские труды нес митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), проведший 900-дневную блокаду со своей многострадальной паствой, деля с ней лишения и скорби.

Двадцать второго июня 1941 г., в Неделю Всех святых земли Российской он совершал Божественную литургию в Князь-Владимирском соборе, а вернувшись днем домой, узнал о начале войны.

Двадцать шестого июля митрополит Алексей обратился к верующим Ленинградской епархии с посланием «Церковь зовет к защите Родины»²¹. А 10 августа за богослужением в Богоявленском соборе в Москве он горячо, с пафосом произнес слово на ту же тему. «Мы веруем, – говорил митрополит Алексей, – что и теперь великий предстатель за землю Русскую преподобный Сергей простирает свою помощь и свое благословение русским воинам. И эта вера дает нам неиссякаемые силы для упорной и неустанной борьбы. И какие бы ужасы ни постигли нас в этой борьбе, мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу правды над злом и окончательную победу над врагом...»²².

Через несколько дней митрополит Алексей возвращается в Ленинград, к которому уже рухнули фашистские соединения. Второго сентября вокруг города сомкнулось кольцо блокады. Архиерей остался в осажденном городе и разделил с паствой ужасы блокадных дней.

Епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Май, 1942 г.

Двенадцатого октября 1941 г. Митрополит Сергей написал завещательное распоряжение, которым назначил владыку Алексия своим преемником.

«Нет слов, – пишет очевидец, – чтобы описать ужасы, которые переживали ленинградцы в дни жестокой блокады своего города. Непрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод и отсутствие воды, лютые морозы и кромешная тьма, погибшие голодной смертью люди, – все это трудно представить тем, кто не пережил этого. Митрополит Алексей сам испытывал все эти бедствия и проявил героическую бодрость духа и огромное самообладание, он постоянно совершал богослужения, ободрял и утешал верующих.

И несмотря на голод и бомбежки, обессиленные люди с опухшими лицами, едва держась на ногах, ежедневно наполняли храм, где служил архипастырь, и во множестве приобщались у него Святых Христовых Таин.

В дни блокады владыка Алексей служил Божественную литургию один, без диакона, сам читал помянники и каждый вечер служил молебен Святителю Николаю, а затем обходил Николо-Богоявленский собор, в котором в то время жил, с иконой великого угодника Божия, моля его, чтобы он сохранил храм и город от вражеского разрушения²³.

В дни праздников, а также и по другим случаям митрополит Алексей обращался к своей пастве с посланиями духовно-утешительного и патриотического содержания.

В ленинградских храмах в дни блокады не прекращался сбор средств на оборону, на помощь раненым и сиротам. Всего же было собрано в 1941 – 1944 гг. более 13 млн. рублей²⁴. За проведение патриотической деятельности в храмах Ленинграда в период блокады митрополит Алексей с группой духовенства был удостоен правительственной награды – медали «За оборону Ленинграда».

В Красноярске в годы войны в должности главного хирурга эвакогоспиталя трудился епископ Лука (Войно-Ясенецкий; известный ученый-медик, в 1923 г. ставший священником, а затем – епископом Ташкентским). Благодаря его операциям немалому числу раненых воинов были возвращены жизнь и здоровье. С 1944 г. он – архиепископ Тамбовский и Мичуринский (скончался в 1961 г. архиепископом Симферопольским и Крымским). Его авторитет в медицинских кругах был весьма велик. В 1946 г. за капитальный труд «Очерки гнойной хирургии» архиепископу Луке была присуждена Государственная премия I степени, большую часть которой он пожертвовал на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов»²⁵.

Во время войны также кипучую патриотическую деятельность вел проживавший тогда в США Экзарх Московской Патриархии в Северной и Южной Америке митрополит Вениамин (Федченков). Он постоянно выступал на различных митингах, ратуя за скорейшее открытие Второго фронта и призывая к пожертвованиям в пользу Красной Армии²⁶.

В оккупированных нацистами странах Западной Европы было немало православных русских людей, участвовавших в движении Сопротивления. Среди них были расстрелянные нацистами Борис Вильде и Анатолий Левицкий, казненная в берлинской тюрьме В. А. Оболенская, а также А. А. Угримов, И. А. Кривошеин, Н. А. Полторацкий (ныне преподаватель ОДС), архимандрит Афанасий (Сахаров; † 1943), протоиерей Андрей Сергеенко, В. Н. Лосский, А. Блум (ныне митрополит Сурожский Антоний).

В занятом фашистами Париже продолжала свою деятельность русская церковно-общественная организация «Православное действие». Ее участники укрывали евреев и советских военнопленных. Руководители движения монахиня Мария (Кузьмина-Караваева; † 1945) и священник Димитрий Калинин († 1944) приняли мученическую кончину в нацистских концлагерях²⁷.

С самого начала Великой Отечественной войны героическая борьба советского народа с фашистскими агрессорами и патриотическое служение Русской Церкви своей Родине нашли живое сочувствие и поддержку среди многих христиан за рубежом. Духовенство Церкви Англии во главе с архиепископом Кентерберийским Козмо Г. Лангом, написавшим специальную молитву о даровании победы русскому воинству, активно участвовало в сборе средств в помощь нашей стране. Свыше тысячи деятелей Епископальной церкви и других представителей духовенства США обратились с письмом к президенту США Ф. Рузвельту, в котором призывали оказать максимальную помощь России. «Мы присоединяемся к Англиканской и Русской Православ-

ной Церквам, – говорилось в письме, – и призываем к поддержке русского народа и его Красной Армии»²⁸.

Как народы стран антигитлеровской коалиции в тесном союзе боролись с фашизмом за установление прочного мира и сотрудничества в Европе и во всем мире, так и Церкви, и религиозные объединения этих стран, благословляя эту борьбу, закладывали надежную основу для будущего диалога и взаимопонимания.

СОБОР ЕПИСКОПОВ 1943 ГОДА

В конце лета 1943 г. Митрополит Сергей возвратился в Москву. Четвертого сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа Председателя Совнаркома с Патриаршим Местоблюстителем Блаженнейшим Митрополитом Московским и Коломенским Сергием, митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием и Патриаршим Экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Николаем.

«Во время беседы, – сообщала на следующий день газета «Известия», – Митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Глава Правительства И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий»²⁹.

Собор епископов состоялся в Москве 8 сентября 1943 года³⁰. В нем участвовало 19 иерархов (3 митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов).

Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей сделал основной доклад «О патриотической работе Православной Русской Церкви в годы Великой Отечественной войны».

Затем к собравшимся обратился митрополит Алексей. «Уже давно среди нас, епископов, – сказал он, – зрел вопрос, что необходимо довершить строительство церковное настоящим возглавлением нашей Православной Русской Церкви Святейшим Патриархом. Владыка Митрополит Сергей в течение 17 лет фактически несет обязанности Патриарха. В настоящее время мы здесь собрались Собором епископов, чтобы избрать Святейшего Патриарха. Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас уже имеется носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто ненужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании Патриаршего Местоблюстителя».

Митрополит Сергей поблагодарил за избрание, прося у собратьев-епископов молитв и содействия в предстоящем ему патриаршем служении. Двенадцатого сентября 1943 г. в Московском Богоявленском, что в Елохове, соборе состоялась интронизация новоизбранного Патриарха.

Приветствуя Патриарха Сергия с вступлением на Патриарший престол, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Каллистрат обратился к Его Святейшеству с Посланием, в котором выразил «желание видеть общение между обеими Церквями восстановленным и надежду на то, что Церкви-Сестры заживут в добром согласии, духовном единении и взаимной любви»³¹.

Святейший Патриарх Сергий, живо откликнувшийся на этот призыв, направил в Грузию архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония для выяснения способов восстановления молитвенного и канонического единства между Русской и Грузинской Церквями.

После предварительных переговоров все вопросы, могущие препятствовать объединению Церквей в духе святых канонов, были благополучно разрешены и, как сказано в определении Священного Синода нашей Церкви, «Русская Православная Церковь... с радостью раскрывает свои сестринские объятия навстречу Автокефальной Грузинской Православной Церкви, ищущей общения с нами в молитвах и Таинствах»³².

Тридцать первого октября 1943 г. в древнем Сионском соборе г. Тбилиси состоялось восстановление молитвенного и Евхаристического общения между двумя Автокефальными Церквями-сестрами – Грузинской и Русской.

* * *

Высшее церковное управление Святейший Патриарх Сергий осуществлял совместно со Священным Синодом (при Председателе – Патриархе), который состоял теперь из трех постоянных членов – митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого и трех приглашаемых на сессии из числа епархиальных архиереев.

В городах и селах продолжали открываться храмы, восстанавливались все новые епархии, и к весне 1944 года насчитывалось уже около 40 правящих архиереев.

В сентябре 1943 г. была организована редакция и возобновлен издававшийся ранее «Журнал Московской Патриархии». Первым ответственным редактором был Патриарх Сергий. Публикация на страницах журнала материалов богословского содержания и документов, освещавших события церковной жизни, способствовала духовному просвещению верующих и вводила их в сферу общецерковных интересов.

Одной из основных внутрицерковных забот Первосвятителя являлось решение вопроса о создании духовных учебных заведений, которые бы готовили кадры церковнослужителей и священнослужителей Русской Православной Церкви. По мысли Патриарха Сергия, эти школы должны были воспринять и обогатить опыт духовных школ дооктябрьского периода.

В октябре 1943 г. проект учреждения духовных школ двух типов обсуждался на заседании Священного Синода. Было принято решение организовать в Москве Православный Богословский институт, а по епархиям –

Пастырско-богословские курсы. Начались и подготовительные работы для исполнения этого решения, а в декабрьском номере «Журнала Московской Патриархии» было помещено объявление о приеме учащихся в Православный Богословский институт и на Пастырско-богословские курсы в Москве.

Всего месяц не дожидаясь их торжественного открытия Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий. Предстоятель Русской Православной Церкви, подвижнически служивший ей в течение 55 лет, почил о Господе 15 (2) мая 1944 г. и погребен в Никольском приделе Богоявленского патриаршего собора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Патриарх* Сергий и его духовное наследство. М.: Изд. Московской Патриархии, 1947. С. 79.
2. *Правда* о религии в России. М.: Изд. Московской Патриархии, 1942. С. 76.
3. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. М.: Изд. Московской Патриархии, 1943. С. 67.
4. *Патриарх* Сергий и его духовное наследство. С. 237.
5. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 7.
6. *Правда* о религии в России. С. 57.
7. *ЖМП*. 1944. № 7. С. 39.
8. *Патриарх* Сергий и его духовное наследство. С. 292.
9. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 42.
10. *ЖМП*. 1944. № 4. С. 15.
11. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 77.
12. Там же. С. 83 – 85.
13. *Патриарх* Сергий и его духовное наследство. С. 243.
14. Там же. С. 47 – 48. Осудил деятельность Поликарпа (Сикорского) также Патриарх Александрийский Христофор (*Правда* о религии в России. С. 270 – 272).
15. Определение № 12 от 28 марта 1942 г., подписанное одиннадцатью епископами (полный текст см. сб.: *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 22 – 23.
16. *Верт*. А. Россия в войне 1941 – 1945. М., 1967. С. 501.
17. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 50.
18. *Московский Патриархат 1917 – 1977*. М.: Изд. Московской Патриархии, 1978. С. 15.
19. *Правда* о религии в России. С. 268.
20. Там же. С. 112.
21. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. С. 51 – 54.
22. *Правда* о религии в России. С. 104.
23. *Добрынин* М. 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия // *ЖМП*. 1963. № 5. С. 66.
24. *Григорий (Чуков), архиепископ*. Ленинград в дни Великой Отечественной войны // *ЖМП*. 1944. № 10. С. 16.
25. *ЖМП*. 1946. № 3. С. 44.
26. В сб. «Правда о религии в России» помещены послания митрополита Вениамина «Ко всем русским людям в Америке» от 16 октября 1941 г. (с. 282 – 290) и его речь на массовом митинге в Мэдисон сквер гардене в Нью-Йорке 2 июля 1941 г., опубликованная затем нью-йоркской газете «Новое русское слово» (с. 291).
27. *Кривошеин* И. Мать Мария (Скобцова) // *ЖМП*. 1970. № 5. С. 30 – 42.
28. *Правда* о религии в России. С. 298.
29. *Известия*. 1943. 5 сентября. № 210.
30. *Материалы Собора епископов 1943 г.* // *ЖМП*. 1943. № 1.
31. *ЖМП*. 1943. № 3. С. 6.
32. Там же. С. 7 – 10.

КАК НАУЧИТЬСЯ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

Все пророки свидетельствуют, что оставление* грехов можно принять именем Иисуса Христа и что Он есть *нареченный от Бога Судья живым и мертвым* (Деян.10, 42 – 43). Сам Бог возвеличил Своего Единородного Сына Иисуса, нарек Его Судьей и дал власть судить живых и мертвых, и никто не может судить, как только Един Бог – Иисус Христос. Устрашиться и вы Иисуса, праведного Судью, дабы вам не подпасть под Его праведный гнев за умаление Его Божественного имени. Имена, принадлежащие Сыну Божию, все равносильны, нельзя одно имя умалять, а другое возвеличивать, нельзя отнять или отделить одно имя от другого, – так же, как нельзя отнять голову от туловища, так и имя Иисуса неотделимо от Сына Божия, Который есть Бог.

Преподобный Серафим Саровский говорит, что в молитвенном деле необходима собственная практика и развитие своих личных духовных сил. Книги молитве не научат, они нужны только для увеличения усердия, проверки и указания, а идти нужно самому, проторяя путь в молитву собственным трудом – долгим, непрерывным и многолетним. Нужно поставить приобретение Иисусовой молитвы главной целью своей жизни, ее коренным и существенным делом. Современные монахи ошибаются, когда хотят заменить молитву делами послушания – послушание ценно, если оно проникнуто молитвою. Оно хотя и полезно ради уничтожения своей воли, но не питает души бессмертной пищей. Вот почему почти повсюду в монастырях монахи и монахини скорбят, ропщут, малодушествуют, подвергают себя нерадению, впадают в уныние и лень. Душа духовно голодна, и ничто ее не насытит, как только молитва во имя Иисуса Христа, заключающая в себе беспредельную полноту духовных благ и соединяющая нас с Самим Сыном Божиим, Который есть Един Лик Святой Троицы. Без молитвы нельзя соединиться с Богом, а без этого какое может быть и спасение?.. Как пламенно молился святой апостол Павел: *преклоняю колена моя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, ...да даст вам, по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселится Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3,14,16). Свойство Иисусовой молитвы таково, что и сама вера в Господа Иисуса Христа может существовать, жить и идти вперед только молитвою, а без двигателя-молитвы вера мертва. Мирянин, удаляющийся от личной или общественно-церковной молитвы, удаляет себя от общения с Господом и, подобно не познавшему Бога иноплеменику, погибает. Таковой – не христианин, а язычник. Тем более монах, не имеющий монашеской печати – молитвы, – не монах, а простолюдин.

В наше время нередко можно слышать слова древней мудрости, которые относятся именно к монахам: «Спасаяй, да спасет свою душу». Это значит: не зевай, смотри в оба себе под ноги и на стороны не озирайся, углубись в совершение Иисусовой молитвы и пребывай внутри себя, как будто вокруг тебя никого нет, только ты да Бог. Время настало тяжелое, особенно для душ боголюбивых – везде им тесно: от мысленных врагов непрерывное штурмование всевозможными не-

* Оставление – освобождение (1 Макк. 10, 34), оставительный – (α'φέσιμος) = разрешительный, относящийся к прощению, оставительная – разрешительная грамота.

потребными внушениями помыслов и движений, а от окружающих – насмешки, презрение и клевета, по сказанному: *враги человеку – домашние его**. Быть может, недалеко и конец мира, поэтому и надо поспешить в занятии молитвою, которая для ищущих спасения ничем не заменима. Но писать о ней не хватит и целой жизни, читайте, где о ней еще подробнее разъясняется. Если вы не удовлетворитесь сей малой книжицей, то смотрите у Паисия (Величковского), Нила Сорского, епископов Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника и других...

Как пчела отовсюду собирает мед для питания, так и вы труды полагайте великие, ибо после покоя, сказано, никто не взойдет на небо. Без молитвы ко Иисусу Христу у нас доброго ничего быть не может. Она же зиждится на смирении и сокрушении в сердце о грехах своих. Нужно плакать и рыдать о своем растлении, в котором все мы находимся, но, к несчастью, не хотим этого осознать по своей гордости – от этого и нет преуспевания в духовной жизни. И вот теперь, если вы действительно хотите приобрести вечное спасение, то вам необходимо стараться о приобретении двух предметов: во-первых, непрестанного совершения внутренней молитвы Иисусовой, во-вторых, приобрести сердце печальное, болезненное и плачущее о грехах своих, отсюда, естественно, должно произойти смиренное о себе мнение и видение себя. На этой почве только и можно насаждать Иисусову молитву. Господь говорит: *Огня приидох вовреци на землю* (Лк. 12, 49) наших сердец. Сей огонь исходит от Господа и приобретает нами через любовь к Иисусу Христу и молитву, Его именем тайно действующую в сердце. А чтобы приобрести Иисусову молитву необходим личный труд, о чем написано много книг. Все мы, монахи, действительно можем быть осуждены за то, что, имея такие средства, не беспокоимся о приобретении безценного блага. Потому и вся жизнь наша не освящена внутренним светом Христовым, обычно изливающимся в сердце от имени Иисуса Христа, а проходит во тьме и сени смертной. Стараясь иноки чем-нибудь заменить Иисусову молитву, не терпя трудности ее делания, бываемого в начале, но напрасно – она лежит обязательным законом на каждом монахе, и нет средства, которым можно было бы ее заменить. Обычно успокаивают себя словами о том, что послушание выше поста и молитвы, не понимая смысла этих слов. По мысли святых отцов, истинное послушание служит необходимым основанием Иисусовой молитвы, у нас же приемлется противный этому смысл. Благодатный вершитель Иисусовой молитвы святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит о молитве: «Нищим свойственно просить, а обнищавшему грехопадением человеку свойственно молиться»**. Путь к Богу – молитва, измерение совершаемого пути – различные молитвенные состояния, в которые постепенно входит молящийся правильно и постоянно. Научись молиться Богу правильно; научившись молиться правильно, молись постоянно – и наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время. Для правильности молитвы надобно, чтобы она произносилась из сердца, пребывающего в чувстве нищеты духа, сердца сокрушенного и смиренного. Молитва – приращение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть.

Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. 1912 год

* Мих. 7, 6; Мф. 10, 36.

** Игнатий (Брянчанинов), свт. О молитве.

«ПРЕЖДЕ ВСЕГО Я МОНАХ»

Духовный сын владыки Мануила, митрополит Иоанн (Снычев), писал в своих воспоминаниях, что на молитвенном аналое святителя Мануила неизменно лежали молитвословия и напоминания под общим заглавием «Ныне последнее тебе слово». Денно и ночью пребывая в подвижническом труде, владыка Мануил никогда не оставлял своего монашеского делания: преобразования души. По-прежнему страницы его «Дневника» пронизаны покаянным воплем: «О, душе моя окаянная! Какое оскудение ощущаю я в себе. Снова переживаю чувство стыда за прошлую жизнь, за ошибки, сделанные мною, за обман окружающих, мнящих меня “святым, праведным, молитвенником, постником”». «Нечем оправдаться перед Богом. Слишком мало доброго сделано».

Непрестанный труд и скорбные обстоятельства жизни подточили здоровье Владыки, сердечные приступы следовали один за другим, и в конце Великого поста 1959 года святитель слег: «Покорюсь воле Твоей, Господи. Болезнь сия... для прозрения моего». И лишь одна смиренная просьба к Отцу Небесному: «Даруй мне образ истинного покаяния. Открой мне волю Свою обо мне», и одна лишь надежда на Кормчего: «Господь со мной, и Он ведет корабль моей жизни вперед уверенной рукой к пристани вечной жизни».

Архиепископ Чебоксарский Мануил (Лемешевский) со своим духовным сыном иеромонахом Иоанном (Снычевым)

ДНЕВНИК МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

1959 год

ЯНВАРЬ

1. I. Сегодня весь день испытывал подавленное настроение, тоску жгучую, доходящую до отчаяния. Безотчетное уныние. Ни луча радости духовной...

Сделать в «Каталоге» считку. Отзыв о «Каталоге».

5. I. Нужно служить не времени, а Господу, – учил св. Афанасий Великий. Кто помогает другим, помогает себе.

Сон Володи в конце декабря около 9 часов 15 минут вечера. Молитва о гонении на церковь св. Иоанна Златоуста. Слабость в ногах и общая, жажда сна.

12. I. Безволье – сестра преступления.

Ожившие дни юности.

Никогда не забегай вперед, разговаривая с начальством.

16. I. *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас бесполезно.*

Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно. Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам.

Бог же мира, воздвиженный из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса [Христа], да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа (Евр. 13,17 – 21). А я воспользуюсь этим заветом?

18. I. Кончен «Каталог» в шести томах. Общее число страниц 2204.

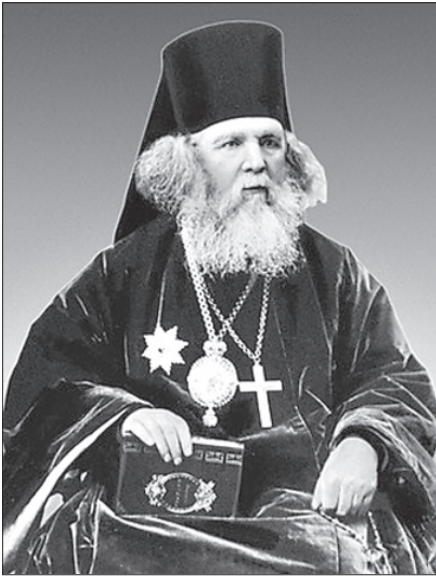
Из письма К. И. Глухой о кончине ее мужа Константина: «Я очень грешна, и Господь медлит со смертью, ждет очищения...». Так и мы должны о себе рассуждать.

Ночью пришел помысл, что меня убьют выстрелом из револьвера через мое окно и прямо на койке. И я долго не мог заснуть от этих мыслей. Внутреннее чувство подсказывает мне, что какое-то покушение надо ждать в ближайшие недели. А может быть и дни. Господь может попустить мне это испытание.

22. I. Игуменья Феофания Лебединская¹ в своем ответном поздравлении выражает глубокую, горькую нашему сердцу истину: «Каждый день дорог нам».

Публикуется впервые. Подготовлен к изданию по материалам фондов УСЕЦИМ кандидатом исторических наук А. П. Семеновой. Продолжение. Начало в «ДС» №2 (70), №3 (71), №6 (74) за 2014 г.; №1 (75), №2 (76) за 2015 г.

¹ Лебединский монастырь во имя свт. Николая Чудотворца основан в 1799 году в Чигиринском уезде Киевской губернии. В 1949 году после закрытия Козельщанского Рождество-Богородичного монастыря сестры вместе с игуменией Феофанией (Зоновой) переехали в Лебединский монастырь.

Епископ Виссарион (Нечаев)

23. I. Вчера вечером в Канашах умер бывший казначей, растратчик и сугубый вор церкви Константин. На запрос по телефону, как его хоронить, я дал распоряжение о запрещении хоронить его по чину, не заносить в храм, вынос гроба сделать из дома без священника и прямо на кладбище с пением «Святый Боже!» Пусть будет это грозным предупреждением остальным церковным вора.

26. I. Сегодня вечером напали на меня думы разные. Как мало люблю я и ценю церковные службы. Нет рвения к ежедневному славословию Господа, Пречистой Матери Его, нет подражания святым угодникам Божиим, которые ежедневно, как-то незримо и молчаливо проходят мимо меня. И эти мысли не покидали меня сегодня днем, утром и вечером.

27. I. На сегодняшний день я уловил в себе новые переживания. Идет церковная служба. На клиросе читают, поют, батюшка чередной положенное возглашает, а мысли мои так бесконечно далеки от всего совершаемого, чужды моей больной душе. А вдруг неожиданно смерть, как умер бывший казначей церкви Канашской. Невеселые мои епархиальные дела и невеселое настроение...

29. I. Сегодня после обедни заходил на именинный пирог к регентше инокине Леонилле. Вернулся домой на исходе второго часа дня и почувствовал такую опустошенность души, что даже ужаснулся. Все не то да не то... И подавленность. Сознание подсказывало, что не должен был идти (ничего не потерял бы).

ФЕВРАЛЬ

2. II. Не показывай упадка своих сил. Виссарион Костромской¹ образец для меня.

8. II. Предвидение ученого: «Китай пойдет быстро, и можно надеяться, что он наложит особый оригинальный, мудрый и мирный отпечаток на результаты своих успехов в новом направлении своего просвещения, так как

¹ Епископ Виссарион (Нечаев) с 1891 по 1905 год окормлял Костромскую епархию, был редактором-издателем журнала «Душеполезное чтение». Особую известность принесла ему проповедническая деятельность. Епископ Виссарион является также автором трудов, посвященных толкованию Священного Писания.

в Китае хранится с древности своеобразность, благоразумная осмотрительность и миролюбивость. А так как настойчивая трудолюбивость, талантливость и стремление к просвещению, не говоря уже о грамотности, широко распространены у китайцев, то вероятность скорых и крупных успехов Китая весьма велика...».

9. II. В дороге. Чувствую в последнее время, что мысли глубокие оставляют меня, затрудняюсь их излагать ясно. Мысли мои беднеют, поэтому и проповеди мои маловесны, несодержательны.

10. II. Снова я в Москве с большими подарками к Святейшему¹, митрополиту Николаю², о. Николаю Колчицкому³. Поездка в Переделкино. Беседа с Патриархом 2 часа 30 минут на веранде.

11. II. Митрополит Елевферий⁴ о поездке в Ленинград митрополита Николая, об его поездке в Финляндию. Его наружность, рост, голос, слабость в ногах.

Визит в Духовную академию к ректору и инспектору.

12. II. Ответ митрополита Киевского Иоанна⁵ на предложение ему членов Синода уйти на покой: «Не было в истории, чтобы Киевский митрополит уходил на покой». «Патриарх уйдет – и я уйду на второй день». «Пусть Борис⁶ не метит на мое место, он вперед меня туда умирать пойдет».

13. II. С утра боль колющая в левой части желудка. Прошла, когда забылся, отвлекся от нее.

22. II. Вечером после всенощной дивеевские, пензенские пели у тети Нasti стихи: «Как Петр, я в море утопаю»; «О, Всепетая Мати» и другие. На душе стало грустно, тяжело.

27. II. Почта принесла две патриаршие резолюции о награждении о. Иоанна⁷ крестом с украшениями и меня надеждой на получение звания кандидата богословия. Завтра возложу крест на о. Иоанна.

28. II. Вот что я должен сохранить в себе для окончания своих работ: неистощимую энергию, любовь и жалость к людям, умение организовать свой труд.

¹ Алексей I (Симанский) – Патриарх Московский и всея Руси (1945 – 1970).

² Митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) – управляющий Московской епархией с 1944 по 1960 год.

³ Николай Колчицкий, протопресвитер, управляющий делами Московской Патриархии.

⁴ Елевферий (Воронцов) с 1957 по 1959 год был митрополитом Ленинградским и Ладозским.

⁵ Иоанн (Соколов) – митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины с 1942 по 1966 год.

⁶ Борис (Вик) – архиепископ Херсонский и Одесский с 1956 по 1958 год; Патриарший экзарх в Северной Америке с 1958 года.

⁷ Иеромонах Иоанн (Снычев) – келейник архиепископа Мануила, его духовный сын.

МАРТ

2. III. Планов имею много, хотя у меня всего две руки и более 75 лет жизни и юношеской энергии.

4. III. Наш покой – в беспокойстве. До чего ослабла память. Сделанные в Москве записи недели две тому назад не могу никак воспроизвести.

7. III. Киев. Недовольство митрополита Иоанна: Ближние пещеры¹ отбирают, подводят мины под благополучие Церкви.

20. III. Правое плечо заболело. Усилилась эмфизема.

Мелькнула мысль предложить И. Макаренко должность личного секретаря вместо о. Иоанна с августа сего года. Буду ждать ответа от него.

21. III. Сейчас я взошел в покаянный тупик. Выхода нет.

23. III. Пятьдесят лет тому назад в эти дни с 22 на 23 марта у меня началась новая жизнь. Возвещение великим старцем² об уходе в монастырь – некоторым образом юбилей призыва Церкви Божией на мое главное служение ей через уход в монастырь.

Сегодня, как и вчера, к вечеру такая боль и слабость в ногах, что не узнаю себя. Хотя служба была длительная, благословлял людей без счета, но тяжесть в ногах была необычная.

Старость не страшна, если взял от людей лучшее и сам дал им кое-что взамен. Но как обидно, когда убеждаешься, что и взял меньше, чем мог, и отдал меньше, чем хотел. Но вечерней заре не дано ничего затмить, если человек честно жил, хорошо потрудился, а главное, помог другим легче жить.

24. III. Сегодня в 1 час 30 минут ночи во время моих занятий пробежал по столу паук среднего размера. Хотя приметам таким не верю, но по опыту знаю, что паук всегда предвещал мне новость или важное почтовое известие. Посмотрим и увидим.

27. III. Основной грех обновленчества не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество как корпорация или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от Святой Церкви «и иный алтарь водрузило». И не только водрузило алтарь для себя, но и всячески воевало против Святой Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это грех, который не омывается, по учению святых отцов, даже мученической кровью.

Сегодня за всенощной заупокойной чувствовал такую слабость, особенно в ногах, что задумался. Как же служить обедни? Говельщикова очень много. Как дальше жить, когда чувствуешь к себе благодать Божию и сознание неискупленных грехов. Как жить дальше?

¹ Ближние пещеры Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры находятся под расположенным на юг от летней резиденции киевских князей – села Берестово – ближним холмом. Здесь, на северном склоне оврага, отделявшего монастырь от с. Берестово, выкопал себе пещеру и жил отшельником основатель Киево-Печерской Лавры прп. Антоний Печерский.

² Имя старца, в марте 1909 года сказавшего Виктору Лемешевскому «кончай все мирское, все мирские слова и дела и собирайся в монастырь», осталось неизвестным.

Вспомнил о предсказании блаженного Никифора. Когда я заезжал в Загорск и заходил на дачу, где он проживал, он всегда встречал меня одним словом «Ленинград», повторяя его до трех раз. Но это было в 1928 – 1930 годы. А что ожидает меня теперь?

В 8 часов вечера получил из Ленинграда сообщение, что сегодня скончался митрополит Елевферий Ленинградский. Все мои Ленинградские духовные чада и верующие только и думают о моем назначении. Лично я спокоен, отдав себя на волю Божию. А паук оправдал важную весточку.

Сегодня в 9 часов вечера появилась боль в груди, не постоянная, но вроде колющей. Может быть, на нервной почве? Сообщение о кончине митрополита повлияло?

28. III. Мысли о назначении в Ленинград митрополита Питирима¹, а не меня. Недостоин я еще быть там, так как не искупил еще вины своей перед Богом. И страх разбирает, и осознаю свое ничтожество.

29. III. Слабость во время литургии. Видение у престола.

31. III. Необычайная слабость общая, все тело болит, руки, ноги и т. д. Тянет к койке.

АПРЕЛЬ

1. IV. Начинаю новый месяц жития своего. Поразили меня в чтении Слова Божия следующие слова: *И Давид действовал благоразумно везде, куда ни посылал его Саул* (1 Цар.18, 5). А как поступал и действовал я?

Второй день лежу на кровати. Жар и общая слабость приковали к одру. Но болезнь сия пришла ко мне для прозрения моего и познания всех моих ошибок, преступлений, познания слабостей... И душа, как истомленный олень, жаждет влаги от истоков вечной правды и чистоты побуждений, и порывов к небу, к новой жизни, ради которой считаю возможным испросить себе отсрочки от смерти.

Вновь прочитывая в Библии об избрании Давида, понял еще одну истину. *Господь сказал Самуилу: не смотри на вид его и на высоту роста его... Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

Итак, будь же и ты благоразумен в словах своих и в делах своих... Пожалей себя... ради чад своих, ради духовных своих, ради духовного сына своего о. Иоанна. Испытай его преданность себе...

2. IV. Раба Божия Екатерина одна из несчастнейших верующих женщин города Чебоксары. Пришла она к нам через несколько дней после того, как выписалась из больницы, пролежав там два месяца. Была сложная операция и это уже вторая. Во время ее пребывания в больнице муж ее помешался, и вернувшись домой, она застала сумасшедшего мужа и полнейшую ужасающую нужду. Куда все делось, она так и не узнала. От ее бедного ничтожного

¹ Питирим (Свиридов) был назначен в 1959 году на Ленинградскую и Ладужскую кафедр.

имуущества не осталось ничего. Сейчас ее мужа взяли в больницу как опасного больного, требующего изоляции.

Нет у нее ни подушки, ни матраца и она после перенесенной тяжелой операции лежала буквально «ни на чем». Получив крошечную сумму денег, купила она на базаре за шесть рублей соломы, и на этой соломе, ничем не прикрытой, спит. В комнате холодно – дров нет. Она к нам пришла в рваных валенках, сильно поношенной юбке, рваном ватнике – это, видимо, и все, что она имеет.

Безошибочно можно сказать, что это порядочная женщина, – не ханжа и не попрошайка, и только безвыходная, безысходная нужда заставила ее прийти в наш дом, чтобы попросить только кусочек хлеба. Это был ее первый приход.

И вот она опять пришла. Нужда, полное безденежье заставили ее переступить порог нашего дома. Рассказывает, что снова появились боли в брюшной полости, пришлось идти к врачу. Врач, осмотрев, нашел спайки и непроходимость кишок, и сказал, что снова нужно ложиться в больницу на операцию. Это уже третья операция. Есть ничего не может, кроме жидкой пищи и чая. Она долго не могла решиться придти к нам – не хватало смелости. Подходила к калитке, постояла... и ушла обратно.

В таком ужасном состоянии и настроении она и легла спать. И вот видит сон, что она страшно голодна (да и на самом деле было так), и этот голод заставляет ее пойти к нам, в архиерейский дом, и попросить кусочек хлеба. Подойдя к калитке, она увидела старичка, плохо одетого, с длинной седой бородой. Это был охранник. Она со страхом спрашивает его, можно ли войти? Что он ей ответил, она не поняла или забыла. Она смотрит на дом и видит, что он весь покрыт красивыми коврами. Тогда она снова обращается к старичку и спрашивает, почему увешан этот дом коврами, а остальные все дома стоят открытыми? Тогда он ей отчетливо и ясно сказал: «Это не ковры, а защита Божия». С этим она и проснулась и твердо решила идти в наш дом. Она пришла и хорошо сделала – здесь ей не откажут в помощи.

Пришла она попросить немного денег, чтобы сходить в баню, а потом поговорить и причаститься перед уходом в больницу. Ей кажется, что этой операции она не вынесет. Сила воли у нее громадная, держит себя в руках, нет ни жалоб, ни слез.

Толкование сна: защита ковровая – это символ моего жития в этом архиерейском доме и дальше...

4. IV. Все эти дни душа моя тревожится от мыслей, что я своим приездом и визитом ускорил кончину митрополита Елевферия, потому что после моей беседы с ним он стал появляться чаще на людях и службах, и даже приехал 5 марта на сессию.

7. IV. Сегодня годовщина моего благовещенского сна... Что он дал мне? Чего я за прошлый год достиг? Но что-то, в общем, выходит неважно.

19. IV. Даруй мне образ истинного покаяния.

25. IV. Вечерний визит доктора. Обнадёживает выздоровлением: «Еще до смерти далеко»...

28. IV. Самочувствие скверное. Надо, наконец, готовиться к отходу и дела привести в порядок.

30. IV. Уезжаю в Петропавловск к о. Сергию Ногачевскому, повидаться и посоветоваться...

Перед прощанием с о. Николаем в моей келье большой паук у икон быстро шел книзу.

Выехал благополучно.

МАЙ

1. V. Сегодня мне исполнилось 75 лет со дня рождения. Ночью был продолжающийся тяжелый припадок, и я заснул, измученный, только около трех часов. Тяжелый день начался. До вечера прошло благополучно. Что скажет ночь.

Духовенство и окружающие ничем не почли этот юбилей...

2. V. Замкнулся в себе... Из-за Питирима расстроился...

5. V. В первый раз сам вышел в садик посидеть и подышать воздухом. Доктор велел...

6. V. Страдания мои от моей общей неполноценности.

Воля Божия: *Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро* (Быт. 50, 20).

Лежал почти весь день от общей слабости и вялости. Угнетало назначение Питирима митрополитом, хотя в этом вижу волю Божию... От угнетения молился по четкам с призыванием: Господи, Иисусе Христе, открой мне волю Свою обо мне...

8. V. Особенно тяжело. Длительный припадок был сегодня.

9. V. День Ангела младенца Николая из деревни Якимовка и день кончины 8 мая.

13 – 14. V. Поездка в Наполье к брату Ивану.

14. V. Сильная тоска безотчетная охватывает сегодня меня часов с пяти дня. Здоровье заметно улучшается. Собираюсь служить в субботу всенощную. Просто не верится, что я болею уже 35 дней. Верю в молитву старца Иоанна из с. Напольное Поречского района.

*Митрополит Ленинградский и Ладожский
Елевферий (Воронцов)*

Еще как обрадуются люди без меня, когда умру. А я воображал о своей значимости.

19. V. Эти два дня особенно мне тяжело с сердцем. Почти весь день лежу, боль в области груди, и боли сердечные усиливаются. Лекарства явно не помогают. Не ясно ли, что надо готовиться к исходу, к вечному покою... И становится страшно. Нечем оправдаться перед Богом, слишком мало доброго и душеспасительного мною сделано... Надо кончать все свои дела.

Сегодня владыка Иосиф [(Чернов), архиепископ Петропавловский] известил меня о назначении митрополита Питирима в Ленинград, а в Минск архиепископа Антония Тульского¹ с возведением его митрополитом. И стало мне невыносимо тяжело: опять обошли меня, даже в Минск не назначили. Тяжело невыносимо... Но одно меня утешает, что Сам Господь заботится обо мне и, значит, так нужно.

20. V. Сон мой о любви к Спасителю. Плакал.

21. V. Господь соизмеряет твои силы и возможности и Сам отводит тебя от назначений и перемещений. Возложи на Господа все заботы о себе. И будет тебе благо...

Чем должен я успокаивать себя? Сознанием, что ты в данный момент и по состоянию здоровья, и убожеству физическому и умственному и оскудению мысли не годишься на новое место.

За всюнощной под Николу было много народу. Я отслужил без припадков, благополучно. Не смею думать о лучшем... А вот через час подошел припадок уплотненный.

22. V. День св. Николая. Все мысли и рассуждения с точки зрения «потусторонности».

24. V. Тоска снова подступила ко мне, но в связи с длительным припадком после обедни... Не вижу улучшения в своей болезни. Хочу во всем положиться на волю Божию. И может быть, мне уготовляется отход в вечность, и поэтому и болезнь служит указателем на этот исход. Покорюсь Твоей воле, Господи.

24 и 25. V. Два сна: первый – прислали жизнеописание схим. Вероники, умершей в Печорах. А затем в тонком сне – сообщение о кончине схимонахини Вероники и, очевидно, ее погребении.

Июнь

1. VI. Назначение Гурия² в Минск с возведением в митрополиты поразило меня, также Леонида³ архимандрита во епископа Курского... Вот последствия моей больной совести.

На этих днях я видел себя во сне в каком-то доме вечером, под ночь. Вдруг разразилась сильная гроза с молниями и раздалось подряд несколько ударов

¹ Митрополит Антоний (Кротевич), архиепископ Тульский и Белевский.

² Митрополит Гурий (Егоров) с 1959 по 1960 год окормлял Минскую епархию.

³ Архимандрит Леонид (Поляков) с 1959 по 1962 год возглавлял Курскую епархию.

грома. Я сразу проснулся и вспомнил сон апрельский в 1954 году, когда через несколько дней получил, как удар грома, отказ от Патриарха¹ хлопотать о взятии меня на поруки.

А сегодня с майской сессией сон мой уже исполнился: Минск ушел от меня.

7.VI. Получил письмо от митрополита Николая [Ярушевича] ободряющее, обещающее...

8. VI. Рассказ Елизаветы о явлении св. Николая: «Я возьму твоего сына из твоих рук...»

9. VI. «Отврати взор мой от совершенства в творениях Твоих, чтобы душе моей не было препятствия в стремлении к Тебе. Ниспосли мне спокойный переход за пределы суетности земной. Чувствую постепенность их приближения, и чем яснее их грань, тем попутнее становятся ветры. Избави меня от соблазнов земной любви, ибо она снижает полет мысли, загрязждает душу, мешая ей свободно вознестись в свойственную ей эфирную высь...» (Марич. «Северное сияние»).

18. VI. Сегодня во сне видел митрополита Гурия Минского. Он был бритый. Говорил с ним об Альбоме и том участии, какое принимает в моем фотоальбоме российских иерархов сам Святейший, передавший мне 104 снимка. Разговор шел на эту тему, и мы как будто разошлись.

Поделился я об этом сне с о. Иоанном. Тот рассказал мне свой сон. Он беседовал с о. И. Зубаревым, который заверил его, что по предсказанию скончавшегося архимандрита Маврикия митрополит Гурий должен быть митрополитом Ленинградским. Странно, что мы оба во сне разговаривали о митрополите Гурии. Что-то в его жизни ожидается, перемена какая-то. Это несомненно.

А митрополит Питирим и мне представлялся недолговечным... Да разве мне жалко продвижение митрополита Гурия в Ленинград. Ибо я ничего не достоин.

20.VI. Настроение тяжелое. В епархии Уполномоченный протестует на каждом шагу.

21. VI. Служу, как последнюю, обедню Троицкую... и особенно это тяжело.

23. VI. Наивное прошение Юрия Воробьева на имя ректора Саратовской Духовной семинарии: «Прошу Вашего благословения принять меня в первый класс Вашей Духовной Семинарии, так как я хочу повисить свои познания о Боге и обогатить свой духовный мир».

28. VI. Я в Печорах – городке по дороге к Псково-Печерскому монастырю.

¹ В 1954 году, когда владыка Мануил находился в заключении в Потемских лагерях, Президиум Верховного Совета СССР издал указ от 14 июля об условно-досрочном освобождении просидевших 2/3 своего срока и особенно престарелых. Владыка, в соответствии с указом, подлежал освобождению, но оно могло затянуться на долгие годы. Владыка Мануил письменно просил Патриарха обратиться к Генеральному Прокурору СССР с просьбой о пересмотре его дела, но Патриарх отказался.

Псково-Печерский монастырь. Фото 50-х гг.

Июль

4. VII. Дневник поездки в Москву и в Печоры. Начал «Оптинский Некрополь» перепечатывать.

Живи так, чтобы излучать из себя на окружающих дыхание божественной любви ко всему миру и живущим в нем. И люди будут тянуться к тебе интуитивно...

9. VII. Сильная общая и сердечная слабость, на душе тоскливо. Мысли о Мише [родственнике], как он живет.

Щедрость сердца (чуткость душевная, теплота, чуткость к людям).

10. VII. Сколько недостатков я замечаю в себе, сколько слабостей и пошлости проявляю я к себе и преступной жалости. Нет во мне требовательности к себе, вдумчивости и чувства ответственности.

11. VII. За всенощной воскресной и в память свв. апп. Петра и Павла пришел тревожный помысл – я стал небрежен к памяти усопших, запустил поминовение по синодикам, не привел в порядок заупокойные записи. И сразу стало стыдно... ведь они мои друзья – ходатаи, помощники в скорбях, защитники в несчастиях и бедствиях.

12. VII. Получил строгое письмо от духовника своего О. С. Как мало в нем любви. И постоянные запреты для моей измученной души, несоизмеримые с законами Христовой любви... Но прежде всего я монах и обязан подчиняться за послушание своему старцу духовнику.

13. VII. Из Оренбурга приехала на исповедь одна верующая девица Людмила. Язык ее оригинальный, например: «двусбруйный, мой труд – ваш урожай» и т. п. Но душа разбитая, «длинный язык», слишком длинный для нашего времени. А самое главное – никого не щадит, а всех строго и едко обличает...

16. VII. «Ежели услышишь, что епископы даже до кровопролития идут против епископов, причетники против причетников, и миряне против мирян, то не смущайся этим, ибо о сем предсказано а Писании: <...> Когда в апостолах открылось предательство, то чему дивиться, если в епископах откроется братоненавистничество? Но знамение касается не правителей только Церкви, но и мирян. Ибо говорит Христос: *и за умножение беззакония иссякнет любовь*»¹.

¹ Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 228 – 229.

23. VII. Отец Иоанн вернулся из Саратова. В Куйбышеве видел А. А. Савина¹. Митрополит Николай ему сказал: «Надо требовать, напоминать о себе... тогда...».

27. VII. Девиз на следующий день: тот впереди, кто других тянет.

Тот впереди, кто всегда делает оценку своих действий.

1. Как начать покаяние:

а) не возвращаться к старому, то есть к тому греху, который не дает покоя душевного и телесного;

б) не повторять старый грех – в вожделениях, воспоминаниях, в чувствах и в мыслях;

в) необходимо выяснить, бывает ли плотское воздействие на души (на слабых от сильных) для благой цели.

2. Что означают слова старца: «Я больше так (жить) не могу?»

На что надеяться? На совместное житие в загробной жизни?

Милый Миша! Почему не пишешь, в каком виде получили последние две посылки? Я послал варенье.

Пошлю 5 августа постное масло и свежей картошки. Ничего не пишешь, как отнесся О. С. к посланному «Последованию о духах нечистых». Для Дины теперь имеется все, кроме парамана и крестика. А у меня нет. Я надеюсь, что ты выклянчишь у старцев дешевенький параман и крестик.

Дорогой Миша! Как увидишь Надю, то расскажи ей, что Дима сегодня, прочитывая описание кладбища Оптиной пустыни, нашел следующую интересную запись: «Схимонахиня Татиана скончалась 18 октября 1905 года, 32-х лет от роду. Погребена на больничном кладбище № 7, могила № 49. Родом из г. Орла, была скотницей. Отличалась кротостью и миролюбием». Скажи О. С. об этом. Как смотрит она [Надя] на этот шаг старца Татианы, постригшего ее перед кончиной. Так это кажется мне. Интересный случай.

29. VII. Всегда и везде умей найти лучшее в жизни.

АВГУСТ

10. VIII. Снова я на Волге. Еду на германском пароходе «Илья Муромец».

11. VIII. Мечты сбываются после упорного труда.

12. VIII. Преждевременные «мученицы».

14. VIII. Настроение в Сызрани – в церковь не поехал из-за епископа Митрофана².

При множестве зеркал больше ощущаю в себе ничтожества.

Новая беда – не могу делать поклонов земных. Голова не позволяет.

15. VIII. Сон о пожаре архиерейского дома моего. Видел акты от 13 августа об этом пожаре, но не роптал и не боялся, что все потерял.

16. VIII. Снова мы на Волге. В 4 часа утра подошел теплоход «Рылеев». Светало, он подошел быстро, и мы с трудом и поспешностью сели. Благода-

¹ Андрей Андреевич Савин – секретарь Самарского епархиального управления.

² Епископом Самарским и Сызранским в 1956 – 1959 годах был Митрофан (Гутовский).

рение Господу Богу воздали за благополучную посадку на теплоход. Три дня, проведенные мною в Сызрани, прошли недаром для меня. Взойдя в новый дом о. Вениамина и осмотрев его, я убедился в том, что рассчитывать мне на «уголок» особый не приходится, и я должен на все эти надежды и мечты поставить крест. «Надежды погибшие не должны все же доводить меня до отчаяния. Господь со мной, и Он ведет корабль моей жизни вперед уверенной рукой к пристани вечной жизни».

18. VIII. Прожитое в дороге на пароходе и в Куйбышеве и в Сызрани прошло для меня лично бесплодно: намеченные работы даже не начинал. Окружающие не давали возможности сосредоточиться.

21. VIII. Сегодня ночью видел во сне Святейшего. Будто он где-то восседал, а я стоял перед ним на коленях. Он сказал что-то невнятное, а я, пользуясь молчанием, поцеловал его руку. И тут же проснулся.

23. VIII. В каждой избушке свои погремущки. Все в стороне, а я в бороне.

24. VIII. [План] на сентябрь – декабрь.

Господи, благослови благие намерения мои!

1. Месяцеслов архиерейский.

2. Помянник архиерейский.

3. Хронологическая канва в Истории Русской Церкви (даты памяти архиереев).

4. Архиерейское исповедание грехов (еп. Афанасия).

5. Оптина.

28. VIII. С утра пришел навязчивый помысл о кончине архиепископа Иова Казанского.

СЕНТЯБРЬ

4. IX. Демьянович О. Н. о секретном распоряжении ЦК. О фельетонах антирелигиозных.

Заболел воспалением левого легкого. В час дня в своем кресле потерял сознание на минуту. Ощущение было тяжелым. Лицо изменилось. Все испугались.

11. IX. Нарушил пятницу.

Кто выше людей, того не осквернит близость отверженных.

Сухие цветы не должны омрачать взор, их сжигают...

12. IX. Записка написана не Владыкой Мануилом, но сам Владыка сделал приписку и поставил дату: «Без скорбей жить нельзя, путь узкий, прискорбный Господь нам посылает. Господь Бог нас и утешает. Сашенька».

«От Сашеньки наставление» – рукописная приписка владыки Мануила.

16. IX. Будь верен своим клятвам хиротоний. Помни всегда, кто ты – и как ответственен перед Богом и людьми по сану своему.

20. IX. Когда замыкается сердце?

24. IX. Сегодня во сне видал себя болящим водянкой сердца. Какой-то врач определил это и сказал окружающим, что это точно и что я безнадежен.

Чебоксары. Набережная Волги. Худ. Скрябин С. Ф. 1959 г.

Стало мне жалко себя за невыполнение планов возможных, но по нерадению не законченных... И чувство страха объяло меня. И я проснулся.

ОКТАБРЬ

1. **Х.** Сегодня первый вечер, как я не имел сердечного приступа после многих месяцев страданий. Мне не так тяжело переживать неизвестность, как обиду за обман сегодня о. Н. Колчицкого, завтра митрополита Николая [Ярушевича]. Когда же закончится издевка надо мной? Который раз обещать и надсмехаться надо мною...

2. **Х.** Сегодня с утра идет снег. Что-то рановато. Самочувствие среднее. Муки ожидания продолжают невнятно, против желания, ибо в душе я корен и примиряюсь с волей Божией.

7. **Х.** Сегодня за обедней почувствовал такое сильное отвращение к себе, такую ненависть к себе за прошлую, поправшую все святое жизнь... Так хотелось выплакаться, но мешали окружающие батюшки. Предчувствия нет, но подсознание говорит, что мое назначение в Куйбышев не состоится, и боюсь быть назначенным в Саратов. Страх охватывает меня за общение с Семинарией.

8. **Х.** Вчера вечером, почувствовав сердечную боль после совершения правила, лег в кровать пораньше и вскоре вздремнул. Вдруг я увидел так назы-

ваемый двойной сон во сне. Проснулся от какого-то шума в воздухе. Словно слышу шум от сирены, но не боевой: подъемный, торжествующий, а скорее печальный. Одновременно, невзирая на закрытые ставни и три занавеса, я вижу явственно на небе пролетающую вроде световую ракету. Она шла по направлению от Москвы, но летела своим беловатым хвостом вперед. След ее был похож на след реактивных самолетов, во время полетов излучающих световой эффект.

Голова ракеты была подобна луне, она была шарообразна. И все это световое движение, проходившее мимо моего окна, исчезло. И я проснулся. Тотчас я разбудил Марию Сергеевну и просил ее сходить на двор к сторожу Николаю и спросить, не видал ли он на небе огненную ракету и не слышал ли шума. Ничего не видал и не слышал. Время показывало 11 часов 30 минут ночи.

Я снова заснул, но в мыслях немного разобрался. Мне кажется, что какие-то новости из Москвы пройдут мимо меня и не заденут моей судьбы. Иначе сказать, будут назначения, перемещения, но они не коснутся меня. А может быть, сирена предупреждала меня о какой-то опасности, грозящей мне, или она несла мне какое-то известие, но непосредственно меня не касающееся? Ближайшие дни покажут мне волю Божию.

Вдруг я увидел второй сон. Будто я стою на возвышенном месте. Напротив меня стоит четырехугольная заостренная башня из пустотелого серого металла. В ней несколько этажей, но она нежилая, без окон, без дверей, без полов и потолков. Вся она просвечивает. Мертвая давящая тишина окружает меня.

Вдруг башня наклоняется влево и бесшумно падает, обнажая свой фундамент. Людей вокруг нет. Отсутствие жизни вокруг башни давит меня. Я проснулся. Часы показывали 2 часа 30 минут ночи. И я уже не смог заснуть. Долго я страдал бессонницей и вдруг явственно услышал стук в мою дверь, выходящую в переднюю. Стук был сильный, как будто большим пальцем ударили в дверь. Но я не испугался, а вскоре заснул.

Что же все это означает? Пустотелые трубы, из которых была сооружена башня, могут обозначать необоснованность моих планов, наметок на будущее мое, на неосуществление задуманных мною или начатых мною работ.

Почти бесшумное падение башни может обозначать то, что в трагедии разрушения ее участвую я один, и никто из окружающих меня не должен потерпеть какой-либо урон или ущерб от падения башни. И факт падения башни показывает, что оно связано только со мною, что оно прошло не на людях, что оно совершилось бесславно, без излишних подробностей и касается моего будущего прозябания в мире. Но ничего радостного не предвещает...

11. X. Вновь повторился у меня припадок ненависти к себе за неправильное и ошибочно прожитую жизнь. Возненавидел себя ... и тяжело и стыдно за

Никола-Столпенский монастырь в начале XX в. Фото из коллекции Е. И. Ступкина

попранные обещания и клятвы. Неужели это я совершал не по совести поступки, за которые Господь еще не покарал меня? Поэтому могу ли я рассчитывать на перемещение в другую, более обеспеченную епархию.

13. X. Сегодня исполнилось накануне Покрова пятьдесят лет со дня вещания мне неизвестным голосом о том, что я скоро буду монахом. Через семь месяцев я поступил в Никола-Столпенскую пустынь послушником. Воспоминания об этом событии возгревают меня и ободряют, хотя я и не достиг желанного.

14. X. Сегодня во сне был я в каких-то церковных кругах, где обсуждалась новость об уходе Святейшего на покой. Кто-то сказал про меня, что теперь владыке Мануилу будет легче после строгостей Святейшего. И я также после мыслил во сне об этом, учитывая благорасположение ко мне митрополита Николая Крутицкого.

Снова переживаю чувство стыда за прошлую свою жизнь, за ошибки, сделанные мною, за обман окружающих, мнящих меня «святым, праведным, молитвенником, постником». Я за истекшие пятьдесят лет жизни, считая с 1909 года, ничего не достиг в духовных подвигах и даже растерял то, что тогда в себе возгревал...

16. X. Сегодня нахлынули на меня воспоминания прошлого, жизнь в Ленинграде, Москве, Чкалове... И некоторые из них связаны с запахами, например, бензина...

*Вид на Архангельский собор Кремля.
Москва. 1959 г.*

шев не пустят внешние». Отец Николай заверял, что они согласны на перемещение в Куйбышев, но Святейший явно предупрежден против меня. Впечатление такое, что все может сорваться из-за упорства Святейшего. Митрополит Николай (Ярушевич) в Сухуми до 20 ноября. А сессия Синода будет по его приезде.

Ездил в Загорск. Познакомился с о. Питиримом², профессором МДА Николаем Ивановичем Муравьевым, с ректором протоиереем К. Ружицким³. Был у преподобного Сергия. С сердечной болью прощался с ним. Молодежь как будто другая.

Патриарх Алексей, – Вы даже не оказываете никакого уважения к старости моей.

22. X. Святейший даже не соблаговолил настоять на моем приезде в Перedelкино [резиденция Патриарха]. А я был рад не попадаться ему на глаза.

¹ Епископ Пимен (Извеков), будущий Патриарх, в 1959 году был временно управляющим Костромской епархией.

² Будущий митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев) в 1959 году принял монашество в Троице-Сергиевой Лавре и 8 октября того же года был возведен в сан архимандрита и назначен инспектором Московской Духовной академии и семинарии. В те же годы он состоял членом редколлегии сборника «Богословские труды».

³ Ружицкий Константин Иванович, митрофорный протоиерей, ректор МДА, доктор богословия.

18. X. О митрополите Филарете [Дроздове]. Знаете ли вы, что декабристы хотели митрополита Филарета выдвинуть на государственный пост по перевороте 1825 года?

О снах. Толкование снов имеется у старца Амвросия Оптинского (Собр. писем. 1908 г. Часть 1. С. 14). Там связано с личностью митрополита Филарета и т. д.

20. X. Беседа с епископом Пименом¹. Рассказы о Костроме, Куйбышеве, о болезни епископа Угличского Исайи (Ковалева), о тяжестях в церковных делах у епископа Курского Леонида (Полякова), о тяге к бегству епископа Калининского Феодосия (Погорского). Мнение о выпадах против религии в газетах.

21. X. Беседа с Николаем Колчицким о Куйбышеве. Отзыв Святейшего: «Что ему не сидится там. Тихая епархия. Да, наконец, его в Куйбыше

Невольно возникают мысли о тихом уходе на покой. (А дела-то мои ведь не устроены...). Завтра уезжаю к себе в Чебоксары.

24. X. ...Но есть и большое искусство – слово воскрешающее и убивающее, как псалмы Давида. Путь к этому искусству через личный подвиг, путь жертвы, и лишь один из многих тысяч доходит до него.

25. X. О замыкании сердца (Патриарх Алексий и его слова: «Что ему не сидится в Чебоксарах, чем не доволен?»).

Об игумене Нектарии. Он говорил Нине раз о Фаворском свете. Это такой свет, когда он является, все в комнате им полно и под зеркалом светло, и под диваном. На столе каждая трещинка светится. В нем нет никакой тени, где тень, там смягченный свет. Теперь пришло время, когда надо, чтобы мир узнал об этом свете. Он благословил написать две иконы: «Преображение» и «Явление ангелов пастухам в ночь Рождества Христова». Первую – для Германии – благословил написать Лева: «Ваш образ будет иметь действие сначала на мысль, а потом на сердце».

28. X. И покой убежал от человека. Но весь мой портрет возненавидел. Все в нем противно мне. И художник не сумел меня точно изобразить.

30. X. Сегодня в полученном девятом номере Журнала Московской Патриархии читал биографию нового епископа Волоколамского Василия (Кривошеина). И такая зависть вошла в мою душу к этому новому архиерею, святильнику богословских родников. Знание языков современных и древних и эрудиция пленили, уязвили мое сердце. И на душе стало беспокойно, тревожно, тяжело за потерянные годы, прожитые бесплодно. О, душе моя окаянная! Какое оскудение ощущаю я...

Ноябрь

1. XI. Рассказ т. Симы о поездке в Почаев, об юродивом прозорливце, молодом иеромонахе Евтихии, о старце о. Иосифе¹, изгнателе бесов.

*Преподобный Иосиф (в схиме Амфилохий)
Почаевский*

¹ Иосиф (Головатюк) в схиме Амфилохий Почаевский, прп.: †1970. Память празднуется 29 апреля/12 мая. Мощи преподобного Амфилохия почивают рядом с мощами первого игумена Почаевского прп. Иова. Жизнеописание Амфилохия Почаевского читайте в «ДС» №3 (35) – 4 (36) за 2003 год.

6. XI. Сегодня за обедней пришел ко мне помысл: собрать в алфавитном порядке из «Ключей разумения» и из «Дневника» необходимые изречения для душевной настроенности. И сердце мое особенно ликovalo от мысли создать «Ключ».

9. XI. Сегодня Иван Федорович во сне видел Святейшего [Патриарха Алексия], владыку Казанского Иова [Кресовича] и меня. Будто готовились к службе и беседовали очень серьезно.

Не всегда должно руководствоваться своими интересами...

Это кончится, потому что всему бывает **конец**.

...Стоя перед иконой Божией Матери и глядя на отрадный святой лик, вы точно превращаетесь в незлобивого, доверчивого ребенка.

О чем молить Тебя, чего просить у Тебя? Ты ведь все видишь, знаешь Сама, посмотри мне в душу и дай ей то, что ей нужно. Ты, все претерпевшая, перемогшая, – все поймешь. Ты, повившая Младенца в яслях и принявшая Его Своими руками со Креста, Ты одна знаешь всю высоту радости, весь гнет горя. Ты, получившая в усыновление весь род человеческий, взгляни и на меня с материнской заботой. Из тенет греха приведи меня к Твоему Сыну. Я вижу слезу, оросившую Твой лик. Это надо мной Ты пролила ее, и пусть смоем она следы моих прегрешений.

Вот я пришел, я стою, я жду Твоего отклика, о, Богоматерь, о, Всепетая, о, Владычице! Ничего не прошу, только стою пред Тобой. Только сердце мое, бедное человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде, бросаю к пречистым ногам Твоим, Владычице! Дай всем, кто зовет Тебя, достигнуть Тобою вечного дня и лицом к лицу поклониться Тебе. (Е. Поселянин. «Вопль к Богоматери», 1910 г.)

Владычица Пречистая! Когда же Ты ответишь мне на мое приветствие: «Христос Воскресе!», сказанное мною Тебе во сне 2/15 июня 1955 года. Буду ждать преображения своей души и Твоего приветственного ответа: «Воистину Воскресе!»

Торопился свершить свои светские дела, зная, что жить ему осталось недолго... А я как поступаю?

Я желаю иметь свою собственную историю.

11. XI. Проснулся в час ночи. В 12 часов 30 минут мне сделали повязку над правым глазом. Лежал я удобно, боль сердце не давила. И вдруг кошмарный сон. Будто звонят тревожно, достаточно сильно в соборной нашей колокольне.

Пожар – была первая мысль. И я в страхе проснулся, но звук набата не оставлял меня. Я с трудом встал и пошел будить ночного сторожа и наших: Марию Сергеевну и чувашку. На улице тихо, пламени не видать... Что за наваждение такое! Но мысль была, что в Казани что-то неблагополучно. А вдруг скончался владыка Иов, а меня пошлют его отпевать? А я завтра собирался в Ленинград. Как тут быть?

12. XI. «Совет превечный»¹ любил петь епископ Пензенский Иннокентий².

15. XI. ...Во сне явился и обнимал меня.

Я даже занес его на мой синодик-диптих.

16. XI. Сегодня вечером я почувствовал кружение в голове с приступами мути. А в 9 часов вечера вдруг почувствовал, словно дыхание смерти приближается, и мне стало жутко, тем более, что кружение с мутью продолжались. Пришла мысль, что вдруг умру в квартире Оли в Ленинграде. Сколько хлопот причину окружающим.

18. XI. Об отсутствии чуткости у Патриарха Алексия ко мне...

20. XI. Сегодня вернулась из поездки к болящей Сашеньке Ардатовской техничка собора Груша и привезла следующее наставление ее ко мне: «Более, более старайтесь делаться твердым. [нрзб.] Так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется свободный вход в вечное Царство Иисуса нашего Спасителя Христа, и Он поможет Вам войти в вечное блаженство».

21. XI. Сегодня толпились мысли о ненужности мне новой и лучшей кафедр, например, хотя бы и Куйбышевской, что я недостойн и настоящей кафедры. А люди верующие везде. Так почему же я буду обижать здешних верующих, пренебрегая ими за счет других.

А как подумаю о том, что Святейший может назначить меня в Саратов, то становится беспокойно и страшно.

Я сознаю свою никчемность, худоумие, чрезвычайную непросвещенность, оскудение ума. И тогда становится мне страшно за ответственность свою перед Богом.

Память моя явно слабеет. Например, она не вмещает песнопения богослужебные, тексты Священного Писания и многое другое и Месяцеслов. Но я объясняю это тем, что сейчас я занят оформлением Каталогов и Альбомом русских архиереев. Надеюсь, когда закончу эту работу, то память получит большую разгрузку.

¹ Стихира праздника Благовещения. Музыка П. Г. Чеснокова.

² Свт. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский (Смирнов Иларион Дмитриевич), родился в 1784 году в семье бедного церковного причетника. Окончил Перервинскую Духовную семинарию лучшим учеником. С 1809 года он начал читать курс философии в семинарии и был назначен ее префектом. В том же году он был пострижен митрополитом Платоном (Левшиным) в монашество; в 1810 году иеромонах Иннокентий назначается игуменом Николаевского Угрешского монастыря, а с 1812 года он начинает преподавать богословие в Санкт-Петербургской Духовной академии. В августе 1812 года игумен Иннокентий возводится в сан архимандрита и назначается настоятелем Троице-Сергиевой пустыни. Современники отмечали, что при исключительном даре пронизательности он никогда никого не осуждал. Нестязательность его не знала границ, он делился с нуждавшимся последним, что имел. В марте 1819 года архимандрит Иннокентий был хиротонисан во епископа Пензенского и Саратовского. Но под видом повышения ему предстояла «благородная» высылка из Петербурга. Причиной послужила интрига против него министра духовных дел А. Н. Голицына: будучи замечательным проповедником, Иннокентий обличал модный в то время в высших кругах неправославный мистицизм и его адептов. Не отличавшийся крепким здоровьем, епископ Иннокентий простудился, объезжая свою епархию, и 10 октября этот земной ангел отошел ко Господу в 35 лет без единой жалобы и стона. Архиерейским Собором 2000 года епископ Иннокентий (Смирнов) причислен к лику святых.

23. XI. Сегодня никак не мог заснуть. Бессонница замучила, хотя я и творил молитву Иисусову и другие.

Дай мне, Господи, познать величие Твое в моем сердце. Я боюсь своими мыслями нарушить волю Твою, Господи.

Сегодня приехал из Московской Патриархии ревизор Владимир Александрович Любимов. Внешность солидная...

26. XI. Переживания из-за телеграммы о. Николая Колчицкого. А уверенности в переводе в Куйбышев все же нет. Недаром он пишет: «имеется в виду», а за этот месяц ожиданий могут быть такие перемены в составе епископата, о которых и не подумаешь.

В беседе со мной ревизор из Московской Патриархии Владимир Александрович Любимов услышал о жизни епископа Ижевского Михаила (Чуба).

Сегодня к вечеру почувствовал такое измождение плоти, вернее, сердечную слабость, что вынужден был лечь в кровать.

27. XI. Сегодня промелькнуло в мыслях: боязнь перемены. Я стал вращать в обиход своей жизни в Чебоксарах и при новом назначении куда бы ни было, чувствую, нелегко будет мне привыкать к новым условиям своей жизни в новом городе, в новом доме.

Русский народ обладает неисчерпаемым сокровищем – пословицами: выше головы не прыгнешь; смерть – ближе рубашки.

30. XI. Какие безграничные надежды теснили грудь мою, когда я вступал в монастырь, приобщаясь духовным стремлениям и порывам к необычному и непривычному. Но во всем этом недоставало мне выдержки и той настойчивости, которая создает бодрость в человеке.

Я жажду одиночества. Пусть оно будет угрюмым... Но на новом месте...

ДЕКАБРЬ

1. XII. Сегодня к вечеру я испытываю страх перед неизбежным, быть может и роковым, в жизни моей. Боязнь за назначение не в К., а в другой город... Какие там условия жизни, будет ли возможность взять с собой тот дружный коллектив, который меня ожидает и так складно выполняет свои работы. И многое другое мешает мне предать себя согласно воле Божией...

2. XII. В чем предрекается воля Божия?

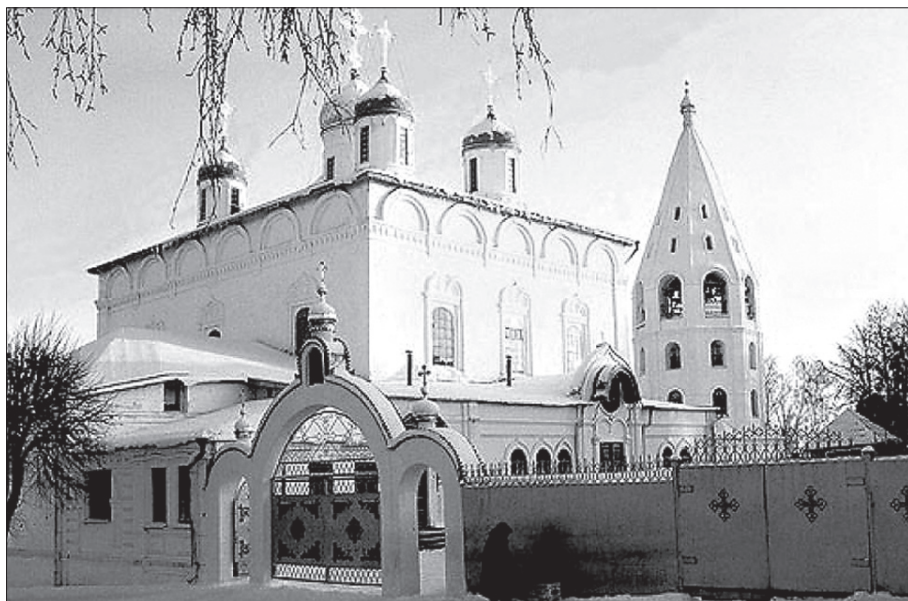
В августе я наметил к концу сего года закончить восемь работ. До конца года осталось четыре недели, а я не смог даже приступить к этому делу, так как все мои работники заняты оформлением и окончанием проверки «Каталога» и «Альбома», который я должен буду повести в Москву Святейшему

20. XII.

3. XII. Могу ли я молиться или желать ускорения назначения моего на другую кафедру... Конечно, нет и нет...

Да будет мне на пользу вещание воли Твоея, в чем бы оно не проявилось.

Снова снилась Казань, владыка Иов Казанский. Он как будто находился в вагоне, стоящем на запасном пути, и ко мне не появился.

Введенский кафедральный собор г. Чебоксары

Дай нам все необходимое. Характер. Дай мне силы выработать силу воли, упорство, выдержку и умение трудиться, большое трудолюбие, чуткость к людям, скромность.

Почему же человек притекает в храм Божий? Здесь нет волнений жизни. Здесь молчит всякая людская злоба и клевета, и черствые сердца, согреваясь огнем любви и сострадания людей Божиих, смягчаются. Здесь человек может найти себе покой.

4. XII. Сегодня у нас престольный праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Обедню служил при переполненном храме. На душе поэтому было особенно легко. И после Херувимской стало мне страшно, а при пении «Тебе поем» ланиты увлажнились слезами, и на душе испытывал необычайный страх перед Богом, трепет душевный. И этот страх охватывал душу волнением, что вдруг Господь накажет меня, и я не дослужу до конца, а паду мертвый...

Сегодня Господь сподобил меня, много лет спустя, вновь просмотреть «Последование о постриге в мантию». И повеяло на меня особой «благодатью прошлого». Сорок восемь лет разделяют меня от моего пострига. И как мало я радел о своих клятвах, обещаниях, без числа нарушавшихся. Даже на душе стало больно и стыдно.

5. XII. Неужели у меня начинается истинное преображение души моей. Какая-то внутренняя сила благодатная подсказывает мне все хорошее, и у меня на душе ощущается некое спокойствие, что Господь не допустит поги-

бели моей души. Как будто губка впитывает в себя моя душа все полезное, успокоительное.

6. XII. Нет у меня умения трудиться по совести, отсутствует та непреклонная воля, которую я все же обладал в молодые годы. А как же она мне нужна даже на оставшиеся до конца года неполные четыре недели... И думается мне часто, что если переведут куда-либо, то тогда и начать там жить по-новому.

После воскресной всенощной почувствовал какое-то острое измождение душевно-телесное... Очень я устал от затянувшегося оформления «Каталога русских архиереев» и «Альбома», которое нужно подогнать к 20 декабря, дню отъезда на сессию Синода. Осталось еще очень много недоделанного. И я так устал от этой суеты и от людей, работающих и соучаствующих в осуществлении начатых работ.

Сила молитв святых апостолов Англии епп. Павлина и Альбина. Девочка получала по английскому все двойки и дошла до отчаяния. А сейчас получила уже четыре с плюсом. Сияющая, рассказала мне.

9. XII. Вчера получил из Москвы сообщение о синодальных делах и о замещении Куйбышевской кафедры... и сильно расстроился...

А сегодня с утра на душе беспокойно, непонятная тревога одолевает душу мою – тут же бессилие в приятии воли Божией, и чрез это взошла в сердце мое тоска о молитве внутренней, уединенной...

Чем уединеннее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога.

11. XII. Сегодня епархиальный секретарь и его матушка обидели меня, вернее, оскорбили. Теперь я имею нравственный повод проситься в другую епархию, потому что в дальнейшем отношения мои с ними будут чисто функциональными, но не сердечными. Ах, как тяжело стало жить. И как люди злоупотребляют твоей деликатностью и незлобивостью.

12. XII. В ночь на сегодня во время чтения почувствовал такую общую сердечную слабость, что (вне правил) поел хлеба. У меня после вкушения пищи припадки эти проходили. Состояние духовной разбитости. Мысли о конце своем в это время являются основными, и сознание говорит, что я не готов к отшествию...

13. XII. Сусанна, монахиня. Тульская область. Умерла ста лет от роду. Была мать иеромонаха Евгения (мирское имя). Перед смертью он взял ее к себе, и она приняла монашеский чин.

«Дядя Гриша» – страдалец Григорий. Лежит двадцать семь лет. Живет на станции Болшево. Пользуется большим почитанием и любовью среди своих знакомых. Многие пользуются его советами. Женатый, но хорошей жизни. Утешал приходящих к нему.

Страдалец Петр Феодорович. Жил на Остоженке в одном из переулков. Большой. Тридцать два года лежал. Очень много ходило к нему народа за советом и утешением.

Перед своей смертью он просил созвать всех своих близких, которые к нему ходили. Все собрались около его постели и только не сообщили Марии,

которая была ему близка по духу и очень чтит его и пользовалась его советами и духовным руководством (не позвали из ревности). Тогда он обвел всех глазами и сказал: «Почему нет Марии?» – и велел позвать ее. Потом он спросил: «Кто хочет со мной идти?» Все молчали, и только одна Мария сказала: «Я». Он дунул на нее, и она тут же скончалась.

Умер Петр Феодорович 10 октября 1959 года. Погребен на Даниловском кладбище. Отпевали в церкви Ильи Обыденного. Народу была масса, со всей Москвы – так его чтит и уважали.

14. XII. Эти дни на душе у меня спокойствие. Враг не тешится. Оттеснились все мечты о жизни в новой епархии, сменились как бы безразличием к перемещению и сознанием, что лучше всего пока все эти мысли отбросить в сторону... Ведь, строго говоря, по совести я и этой кафедры не достоин, как в грехах нерадения пребывающий... Вот это и есть основное в моей настоящей жизни.

Перебирая свои записи для дневника, выписки из прочитанных книг, убеждался в бедности своих мыслей и глубине мыслей тех, кто попал мне на выписку. Обнаруживал значимость этих выписок. А за мной остается умение уложить их под соответствующей рубрикой в «Ключ разумения».

Был ли у меня в работе «разбег» их? Надо вспомнить моменты, когда я работал и в «разбеге работы» забывал о счастье видеть их и трудиться с ними...

Жизнь. Наблюдение. Бывает жизнь, прожитая ложно, несвершившаяся жизнь, выпавшая из времени, жизнь, не понятая самим человеком.

А как я прожил свою жизнь?

Болезнь во мне – за все мои неудачи в жизни.

15. XII. Лепообразность людей. Особенно отроков. Красота, изящество. Пригожий, украшенный этой пристойной красотой.

18. XII. Во время чтения жития святых овладевает чувство зависти к их подвигам и духовному их росту (прп. Даниил Столпник).

22. XII. Под влиянием разных нажимов на меня финорганов я сегодня долго не мог заснуть. Бессоница одолела меня часов до трех с половиной ночи. И такой холод я ощущал в своей душе, что выразить не могу.

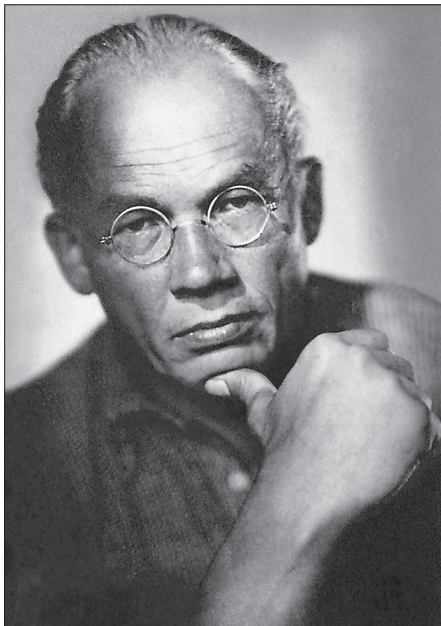
Боже мой, помоги мне, унывающему, согрей мое холодное сердце. Ах, как мало я люблю Тебя, Господи! Не могу согреться в душе. И еще так безразличен я к Твоим страданиям на Кресте, и никак они не согреют душу мою.

Черные тучи, нависшие надо мною, сегодня неожиданно рассеялись. Осталась большая налоговая тяжесть, но посильная мне пока. Благодарение Господу и Пречистой, что в день празднования Ее иконы «Нечаянная Радость» все это произошло. У меня чрез это сейчас умиленное состояние.

23. XII. Каталог (до сих пор не закончен). Альбом. Машины пиликают до вечера и порядком надоели. Недели через две закончим «Альбом» со «Справочником». И тогда угар торопливости в работе должен пройти, и немного можно будет позаботиться о своей тоскующей душе.

24. XII. Странное ощущение чего-то неизбежного, катастрофически надвигающегося на меня.

«Я ПРИНАДЛЕЖУ К ЧИСЛУ ТЕХ СТРАННЫХ ЛЮДЕЙ,
...ОТНОШЕНИЕ КОТОРЫХ К РУССКОЙ МОНАРХИИ
ВЫРАЖАЕТСЯ НЕНАУЧНЫМ ТЕРМИНОМ: ЛЮБОВЬ»

Первого ноября 1891 года в Вольском уезде Гродненской губернии в семье молодого мелко-го чиновника (впоследствии достаточно известного публициста), сына сельского священника Лукьяна Михайловича Солоневича и Юлии Викентьевны, в девичестве Ярушкевич, также из священнического рода, на свет появился первенец, названный Иваном.

Детство и юность Ивана Солоневича прошли в Гродно и Вильно. Учеба – в Гродненской гимназии. Аттестат зрелости он получил лишь в 1912 году, после сдачи экзаменов во 2-й Виленской гимназии.

Ещё в гимназические годы Иван начал печататься в газете «Северо-западная жизнь» (выходила в 1909 – 1915 годах; в 1909 – 1911 годах называлась «Белорусская жизнь»; редактором и издателем газеты был отец Ивана Солоневича, Л. М. Солоневич).

Этот начальный период политического опыта и писательства во многом уже сформировал его жизненные убеждения. Что такое политическая жизнь, И. Л. Солоневич почувствовал ещё в 1910 году – в то время, когда во главе русского правительства стоял П. А. Столыпин, а в Таврическом дворце заседала самая консервативная из всех Государственных Дум, третья по счету. Особое тактическое место в столыпинских реформах занимал курс на укрепление русского имени на окраинах. Наиболее ярким примером этого явилось введение русских избирательных курий в Западном крае, давших возможность русским людям выбирать русских же в члены Государственной Думы. Борьба за русское дело в Западном крае была всегда достаточно опасна, особенно после убийства П. А. Столыпина в 1911 году, когда враги русских снова воспряли духом и подняли головы.

Здесь же, в газете «Северо-западная жизнь», он знакомится со своей будущей женой – Тамарой Владимировной Воскресенской (1894 – 1938), дочерью офицера. Она окончила с золотым шифром Казачий институт благородных девиц в Новочеркаске, а затем – Высшие женские курсы в Петербурге и была направлена в Минск преподавателем французского языка женской гимназии.

Женившись на Тамаре Владимировне, И. Л. Солоневич переезжает в Петроград. Там вскоре и рождается их единственный сын Юрий.

В Петрограде И. Л. Солоневич поступает на юридический факультет университета и в начале Первой мировой устраивается на работу в известнейшую суворинскую газету «Новое время».

Бессмысленность и случайность стали управлять человеческой жизнью в России после Февраля [1917 г.]. Жизнь самого Ивана Солоневича отныне и вплоть до побега из СССР напоминала странную авантюру, хождение по краю пропасти: риск попасть в руки ЧК был постоянным.

Претерпев всевозможные мтарства советских лагерей, Солоневичи смогли бежать из Свирского лагеря, и 14 августа 1934 года Иван Солоневич с сыном Юрием удачно переходят финскую границу. Борису Солоневичу удалось это двумя днями раньше. Попав в Финляндии в фильтрационный лагерь, Иван Лукьянович, взяв займы карандаш и бумагу, начинает описывать всё то, что пережил в СССР. Так зародилась знаменитая книга «Россия в концлагере», принесящая автору мировую славу и финансовую независимость.

В 1936 году И. Л. Солоневич начал издавать в Софии газету «Голос России». Он старался организовать на основе кружков любителей газеты «Голос России» сплочённую организацию народно-монархического направления.

Подобная деятельность не осталась незамеченной советскими спецслужбами: 3 февраля 1938 года в редакции «Голоса России» прогремел взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь Николай Петрович Михайлов. Вскоре прекратилось и издание «Голоса России».

Весной 1938 года И. Л. Солоневич переезжает в национал-социалистскую Германию – единственное место, где он мог чувствовать себя в безопасности от преследований советских властей. Находясь в Германии, он организует в Болгарии новое издание – «Нашу газету», первый номер которой вышел 19 октября 1938 года, последний – 18 января 1940 года. С началом Второй Мировой войны издавать газету стало невозможно, и она прекратила своё существование.

После войны Солоневич попал в английскую оккупационную зону, где бедовал до 1948 года, когда решил переехать в Аргентину. В Аргентине он публикует главную книгу своей жизни – «Народную Монархию» (1952). Как писал сам И. Л. Солоневич, этот капитальный идеологический труд посвящён «познанию русского народа и его трагической судьбы. Ни один из выживших народов мира такой трагической судьбы не имел».

Прибыв в 1948 году в Аргентину, Солоневич вместе с сыном (художником) Юрием, финской невесткой (скульптором) Ингой и внуками Мишкой и Улитой поселился в Дель Висо, тогда почти безлюдном поселке в окрестностях Буэнос-Айреса, где им была снята «кинта» – аргентинский эквивалент русской дачи, под названием «Эль Мистерио» («Тайна»). Вскоре к ним присоединилась чета Левашовых-Дубровских и только через несколько месяцев – вторая жена Солоневича, немка Рут, намного моложе его, на которой он женился в Апплебеке (Западная Германия) в 1947 году. Став женой Солоневича, Рут сочла своим долгом сделаться русской, и не только русской, но и сподвижницей такого большого политического деятеля, каковым был Солоневич.

Умер Иван Солоневич 24 апреля 1953 года в итальянском госпитале в Монтевидео вскоре после перенесенной операции рака желудка.

МИФ О НИКОЛАЕ ВТОРОМ

В свое время я изрек некую истину: «Гений в политике – это хуже чумы». В те времена эта истина была сообщена почти без доказательств. Несколько позже по поводу нее меня свирепо допрашивали в Гестапо: кого это я, собственно, имел в виду? Я отвечал невинно: конечно, Сталина. Еще позже я пытался обосновать эту истину так: гений – это человек, выдумывающий нечто принципиально новое. Нечто принципиально новое, естественно, входит в конфликт со всем, что называется «старым». Но так как жизнь человеческого общества базируется на целой сумме старых навыков, верований, традиций и чего хотите еще, то гению остается одно: попробовать сломать «косность среды» методами вооруженных доказательств. Из этого никогда ничего путного не выходило.

Гений в политике – как и в других областях человеческой жизни, кроме науки, составляет ничем незаменимый материал для экранных и литературных Холливудов всех эпох. О докторе Дженкинсе, который нам с вами дал оспенную прививку, вы, я полагаю, не знаете или почти ничего или вовсе ничего. Вероятно, не знают о нем и сестры милосердия. Но о Екатерине Великой исписаны целые библиотеки романов и накручены миллионы верст фильмов. Я не занимаюсь никаким утопизмом и никаким прожектерством и не собираюсь предлагать Холливуду фильм из жизни Дженкинса или Менделеева. Но нынешнему русскому читателю стоит предложить некоторые – в общем довольно простые соображения. Вот из числа тех, которые нам в голову не приходили – пока голова была в безопасности.

Итак: Ганнибал был, вероятно, величайшим полководцем истории: его «Канны» с тех пор пытались «догнать и перегнать» все полководцы мира и никому это не удалось. Ганнибал действительно «чуть-чуть» не захватил Рим. Но Карфаген он погубил окончательно. И, в изгнании, покончил жизнь самоубийством.

Цезарь был тоже гением. Римскую демократию он заменил первым в европейской истории тоталитарным режимом, Рима не спас и был зарезан своим лучшим другом – почти как Троцкий.

Карл Великий резал публику налево и направо, никакой Империи не создал и вообще у него ни из чего ничего не вышло.

В гении попал и наш Петр Первый. Его карьера кончилась более мирно: капитуляция всей армии на Пруте, опустевший престол, почти сто лет порнокрапии и крепостное право.

Был гением и Наполеон: Ваграм и Аустерлиц, свод законов и стихи Гейне о двух гренадерах – коронный номер Шаляпина. Даже и Лермонтов соблазнился:

Публикуется по: «Наша страна», март-июнь 1949 г.

*Хвала, он русскому народу
Великий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

Какую это свободу каким это народам мог завещать наследник Цезаря и предшественник Сталина – остается мало понятным. Но в общем все это кончилось так: Франция обескровлена вконец, Европа разорена, тираны и казаки в Париже, а гений на острове Святой Елены. Потом был «гений Гитлера». Теперь живет еще гений Сталина. Подождем. Гениев по осени считают.

В числе тех еретических мыслей, которые в свое время были высказаны в моей газете, была и такая: Николай Второй был самым умным человеком России. Сейчас, восемь лет спустя, в мою фразу о Николае Втором я внес бы некоторое «уточнение»: с момента Его отречения от престола в мировой политике, – во всей мировой политике, более умного человека не было. Или, еще точнее – или осторожнее – никто ничего с тех пор более умного не сделал.

Напоминаю исторический и общественный ход событий. У нас после гибели Николая Второго были: Милюков, Керенский, Троцкий, Бухарин и еще несколько сотен столь же талантливых людей. И мы вместе с Милюковым, Керенским, Троцким, Бухариным и еще несколькими сотнями столь же умных людей тоже катимся со ступеньки на ступеньку.

В Германии с тех пор выведены в исторический и прочий расход Вильгельм Второй, Веймарская конституция и гитлеровский Третий Рейх. Немцы за это время проделали тот же процесс, что и мы. Или почти такой же.

После устранения двух реакционных монархов – в притоне Лиги Наций собрался «цвет человечества». Цвет человечества лил потоки красноречия и водопады шампанского. Клемансо – «отца победы» – вышибли вон. Вильсона, отца «четырнадцати пунктов» – вышибли вон. Ллойд Джорджа, отца «торговли с людоедами» – тоже вышибли вон. Ни из чего ничего не вышло: ни из примирения с Германией, ни из разоружения Германии. Ни из помощи Белой армии, ни из признания большевиков. Ни из посредничества между Японией и Китаем, ни из попыток посредничества в греко-турецкой войне. Я в свое время писал, что удостоверения Лиги наций следовало бы печатать на бланках желтых билетов. У М. Алданова есть очерки заседаний Лиги Наций, которые, вероятно, являются мировым рекордом в области политического репортажа. Прочтите их – и не пеняйте на желтый билет.

Итак вот: был цвет человечества. Самые избранные из самых избранных. Они произносили по сто красивых слов в минуту. Кое-кто и по триста. За это время шла война в России, шла война на Дальнем Востоке, шла война в Турции, шла война в Испании. Были и «инциденты»: польский генерал захватил литовскую Вильну. Муссолини захватил Абиссинию. Лига Наций говорила: ах, как нехорошо! Потом Гитлер захватил Рейнскую область. Потом Австрию. Потом Чехию. К моменту абиссинской войны «англичанин мудрец» оказался без снарядов: флот снарядов не имел. К моменту гитлеровских неприятно-

стей тот же мудрец страшно боялся... французского подводного флота. Словом – под прикрытием цвета человечества мирно зрел плод Второй Мировой войны. Потом было 110 союзных дивизий против пяти немецких – и, под прикрытием этого блефа, Гитлер съел Польшу. Сталин помогал, французы безмолвствовали. Потом Гитлер съел Францию – и Сталин был очень доволен. Потом у Гитлера оказались развязанные руки, и Сталин оказался лицом к лицу со своим вчерашним другом, союзником и почти благодетелем: на советском фронте германские самолеты питались сталинскими же смазочными маслами. Потом товарищ Сталин был лучшим другом Черчилля. Потом все это временно задержалось на линии Штеттин – Триест. А – что будет еще потом? Нет, я не считаю Николая Второго «гением»...

Очень трудно было бы считать «гением» и Александра Первого. В 1814 году «Лигой Наций» был он. Собственно в единственном числе. Никто повешен не был. Ни одного клочка земли у Франции отнято не было. Даже и от миллиардной контрибуции «всеевропейский жандарм» отказался. Не было: ни репараций, ни репатриаций. Ни революций, ни войн. Не было концентрационных лагерей, хотя нечто вроде колхозов у нас уже было: военные поселения. Военные поселения нам «втемяшили в голову». А знаете ли вы, что военные поселения были введены – как и колхозы – на самом строгом основании самой современной науки? И проект выработал наш ученый историк профессор кн. Щербатов. К сожалению, Александр Первый некоторое философское образование все-таки имел. Так что колхозы академика Щербатова были проведены в жизнь. Потом всю вину за них свалили на Аракчеева. О том – чего говорить не надо – наука умеет не говорить. Словом – в 1814 году была «кровавая реакция». В 1918 был бескровный прогресс.

Основное преимущество монархии (повторяю еще раз: я говорю только о русской монархии) заключается в том, что власть получает средний человек и получает ее по бесспорному праву случайности: по праву рождения.[...] Этот средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего – имеет наибольшую в мире свободу суждения. Американский писатель м-р Вудсворт – бывший коммунист и потом бывший банкир (может быть, раньше банкир и только потом коммунист) мечтал о том, как было бы хорошо, если бы на мирных и мировых конференциях заседали просто булочники, сапожники, портные и прочие – хуже Лиги Наций все-таки не было бы. Говоря очень грубо – русская монархия реализовала вудсвортовскую мечту: средний человек, по своему социальному положению лишенный необходимости «борьбы за власть» и *поэтому* лишенный по крайней мере необходимости делать и гнусности. Ошибки будет, конечно, делать и он. Но меньше, чем кто бы то ни было другой.

...Мы живем в мире втемяшенных представлений. Мы называем: Петра Первого – Великим, Александра Первого – Благословенным и Сталина – гением. Поставим вопрос по-иному.

При Петре Первом – Швеция Карла XII, которая Германией Вильгельма Второго, конечно, никак не была, – дошла до Полтавы. Александр Первый, которого история называет Благословенным, – пустил французов в Москву – правда, Наполеон был не чета Карлу. При Сталине, Гениальнейшем из всех Полководцев Мира, – немцы опустошили страну до Волги. При Николае Втором, который не был ни Великим, ни Благословенным, ни тем более Гениальнейшим, – немцев дальше Царства Польского **не пустили**: а Вильгельм Второй намного почище Гитлера.

* * *

При Николае Втором Россия к войне готова не была. При Сталине она готовилась к войне по меньшей мере двадцать лет. О шведской войне Ключевский пишет: «ни одна война не была так плохо подготовлена». Я утверждаю: никогда ни к одной войне Россия готова не была и никогда готова не будет. Мы этого не можем. Я не могу годами собирать крышки от тубиков, и вы тоже не можете. Я не хочу маршировать всю жизнь, и вы тоже не хотите. А немец – он может. В 1914 году Германия была, так сказать, абсолютно готова к войне. Это был предел почти полувековой концентрации всех сил страны. Это было как в спортивном тренинге: вы подымаете ваши силы до предела вашей физиологической возможности. Больше – поднять нельзя и нельзя держаться на этом уровне. Нужно: или выступить, или отказаться от выступления. Так было и с Германией Вильгельма. С Германией Гитлера был почти сплошной блеф.

Поэтому война с Германией была неизбежна. Это знал Николай Второй, и это знали все разумные и информированные люди страны – их было немного. И их травил интеллигенция. Один из самых реакционных публицистов этой эпохи, сотрудник «Нового Времени» М. О. Меньшиков повторил литературный фокус Катона Римского. Катон каждую свою речь кончал так: «прежде всего нужно разрушить Карфаген». М. О. Меньшиков каждую статью кончал так: «А есть ли у нас достаточно пулеметов?»

Пулеметов у нас было недостаточно. Не хватило, впрочем, их и у Вильгельма: к зиме 1914 – 1915 годов ни у кого ничего не хватило. Но нам от этого пришлось тяжелее всего: фронт был слишком широк.

До Русско-Германской войны была еще и русско-японская неудача. Война с Японией была так же неизбежна, как война с Германией – хотя и по другим причинам. Нам был нужен выход из всей Сибири, японцам никак не было нужно, чтобы мы этот выход имели бы под самым их носом. Истории с пресловутыми лесными концессиями на Ялу имеют точно такое же значение, как те обвинения, которые в ночь на 22 июня 1941 года герр Риббентроп предъявил Советскому Союзу: стопроцентная ерунда.

Войну с Японией мы прозевали и потом проиграли. В общем, она была повторением Крымской войны: чудовищные расстояния между страной и фронтом, морские коммуникации противника – и – о чем историки говорят глухо или не говорят вовсе – фантастический интендантский грабеж. В Крымскую войну

пропивалась даже «солома для лазаретов», а в Японскую целые дивизии сражались с картонными подметками к валенкам. В Крымскую войну этим промышляли сыновья декабристов, в Японскую – их правнуки. В Мировую Великий Князь Николай Николаевич вешал интендантов пачками: воровства не было.

Итак – неизбежная, но прозванная война, недооценка противника, 8 тысяч верст по единственной и еще недостроенной железной дороге – японцы так и начали войну – пока дорога еще не достроена – никаких особых неудач, средняцкое командование – героическая армия – и, как в 1917 году – «кинжал в спину победы» – тыловые части российского интендантства. Русская революционная интеллигенция идет на штурм. Революция 1905 года. В революции 1917 года немецкие деньги ясны. О японских деньгах в революции 1905 года наши историки говорят так же глухо, как и о задушевных планах декабристов. Или – о письме Бакунина царю.

Словом: соединенными усилиями японцев, интендантства и интеллигенции война проиграна. Наступает «Дума народного гнева». Дума народного гнева и также и ее последующее перевоплощение отклоняет военные кредиты: мы – демократы, и мы военщины не хотим. Николай Второй вооружает армию путем нарушения духа Основных Законов: в порядке 86-й статьи. Эта статья предусматривает право правительства в исключительных случаях и во время парламентских каникул проводить временные законы и без парламента – с тем, чтобы они задним числом вносились бы на первую же парламентскую сессию. Дума распускалась («каникуль»), и кредиты на пулеметы проходили и без Думы. А когда сессия начиналась – то сделать уже ничего было нельзя.

Так вот: одним из самых основных воителей против вооружения русского солдата был проф. П. Н. Милюков. И когда выяснилась недостаточность этих пулеметов – то именно профессор П. Н. Милюков и обвинил Николая Второго в «глупости или измене?».

М. О. Меньшиков был прав: с 1906 до 1914 года «пулеметы» были самой важной проблемой государственного существования России. По плану Николая II перевооружение русской армии и пополнение ее опустевших арсеналов должно было завершиться в 1918 году.

Русско-Германская война началась в 1914 году по той же причине, как и Русско-Японская в 1905: пока не был закончен великий сибирский путь и пока не было кончено перевооружение русской армии. Только и всего. Япония не могла ждать, как не могла ждать и Германия. Как в 1941 году не мог больше ждать Гитлер.

Итак: началась война. Правительство Николая Второго наделало много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, это особенно видно. Тогда, в 1914, это, может быть, так ясно не было. Основных ошибок было две: то, что призвали в армию металлистов, и то, что не повесили П. Н. Милюкова. Заводы лишились квалифицированных кадров, а в стране остался ее основной прохвост. В день объявления войны П. Н. Милюков написал в «Речи» пораженческую статью, «Речь» все-таки закрыли; потом Милюков ездил извиняться и объясняться к Вел. Кн. Николаю Николаевичу, и тот сделал ошибку: «Речь» снова вышла в свет, а Милюков снова стал ждать «своего Тулона». Тулон пришел в феврале 1917 года.

Это были две основные ошибки. Правда, в те времена до «мобилизации промышленности» люди еще не додумались, а политических противников вешать принято не было: реакция. Впрочем, своего сэра Кэзмента англичане все-таки повесили. Поплакали, но повесили.

В 1939 году Сталин с аппетитом смотрел, как немцы съели поодиночке Польшу, Голландию, Бельгию и, главное, – Францию. И – остался со своим другом, с глазу на глаз. В 1914 году положение на французском фронте было, собственно, таким же, как и в 1940: Жоффр расстреливал целые дивизии, чтобы удержать их на фронте. Германская армия двигалась с изумительно той же скоростью, как и в 1871, и в 1940. Русские реакционные железные дороги справились с мобилизацией армии на две недели раньше самого оптимистического расчета русского генерального штаба. И самого пессимистического расчета германского генерального штаба. Но наша мобилизация закончена все-таки не была: расстояния. Николай II – по своей Высочайшей инициативе – лично по своей – бросил самсоновскую армию на верную гибель. Армия Самсонова погибла. Но Париж был спасен. Была спасена, следовательно, и Россия – от всего того, что с ней в 1941 – 1945 гг. проделали Сталин и Гитлер. Ибо если бы Париж был взят, то Франция была бы кончена. И тогда против России были бы: вся Германия, вся Австрия и вся Турция. Тогда дело, может быть, не кончилось бы и на Волге.

Я еще помню атмосферу этих дней. Паника. Слухи. Измена. Глупость. Мясоедов, Сухомлинов, Распутин. Потом – после войны – Фош и Черчилль с благодарностью вспоминали «глупость или измену», которая спасла Париж, спасла союзников – и чуть-чуть было не спасла Россию.

Потом – война зарылась в землю. Русские, немецкие, французские, английские и прочие военные полуспецы, пишущие военные истории, разбирают военные ошибки: Жоффра и Фоша, Николая Николаевича и Алексева, Николая Второго и Черчилля, Гинденбурга и Людендорфа. Я стою на той точке зрения, что все это не имеет вовсе никакого значения. И по той совершенно простой причине, что на всех фронтах были одинаковые генералы, делавшие одинаковые ошибки, и что в конечном счете эти генералы и эти ошибки выравнялись автоматически. Сегодня – запоздал Ренненкампф, завтра – запоздает Макензен. Не судят, конечно, только победителей. Нужно же иметь символ победы. Или, в противном случае, – нужно же иметь козла отпущения. Иногда, впрочем, роли несколько перемешиваются: жертва поражения становится символом грядущей победы: так случилось с нашими декабристами.

Я не знаю, насколько наши генералы были хуже или лучше германских. Я не знаю, был ли Куропаткин действительно такой бездарностью, как у нас принято думать. Да, подбор и выдвижение высшего командного состава были поставлены отвратительно – об этом пишет и Деникин. Да, русская военная доктрина была чисто германской – о Суворове забыли начисто и зубрили Клаузевица. Но приблизительно так же был поставлен подбор генералитета и в германской армии. И она тоже базировалась на Клаузевице. Общая подготовка германской армии была неизмерно выше нашей: вся страна сотню лет экономически, психо-

логически и профессионально готовилась к войне – «последней и решающей». Во всяком деревенском трактире был свой почетный стол, за который могли садиться: аристократия деревни и участники войны – орденосцы. Если в каждой деревне так делается сто лет, то это, конечно, действует. У нас это просто не было возможно, – как и собирание тюбиков. Вся машина германской армии была сколочена гораздо крепче нашей – это помогло мало. Наша машина, как и всегда в нашей истории, сколачивалась на ходу. Недавнее прошлое этой машины – было очень плохо: две неудачные войны – Крымская и Японская, отвратительное положение офицерства – нищего, забитого, презираемого «общественностью» и преследуемого революционерами, общепринятая пропаганда против милитаризма, империализма, золотопогонников, опричников и прочее и прочее. И это, впрочем, помогло мало. Первые дни и месяцы войны продемонстрировали поистине изумительный сдвиг: вчерашних опричников носили на руках. Вчерашние демонстранты и революционеры перли добровольцами. Толпы и десятки тысяч человек ходили с царскими портретами. И вот, тут-то наши последующие историки нам говорят: даже и этого подъема Николай не сумел использовать. А – как было «использовать»?

Оглядываясь на эти героические и решающие годы, я теперь думаю, что во всей России было только три человека, которые точно знали, чего они хотели: Николай II, Милюков и Ленин. Русского народа, в сущности, не знал никто из них. Николай Второй его просто не мог знать во дворце, да еще и в нерусском Петербурге. Но Николай Второй действовал на основании традиции – и традиция более или менее совпадала и с общим инстинктом русского народа. Николай Второй хотел: победы, укрепления престола и замены Государственной Думы чем-то, по крайней мере, более приличным. Милюков и Ленин хотели власти и только власти. И никакие приличия на их дороге не стояли. Биография Ленина более или менее известна. В своей книге «Две Интеллигенции» я привожу самые основные этапы политической биографии Милюкова. Это – или полная бессмысленность или полная безмозглость. Или и то, и другое вместе взятые. Что в 1914 – 16 году означал рецепт: «использовать народный подъем»? Или «протянуть руку народу»? Или «найти общий язык со страной»? Только одно: передать всю власть в руки Милюкова-Ленина. То есть организовать полусовдепское временное правительство уже в 1914 году.

Подъем был действительно небывалый. Не потому ли Милюков сменил вехи и стал проповедывать захват Дарданелл? Еще летом 1917 года Ленин на митинге клялся и божился, что и он – за войну до полной победы – это Ленин, прибывший в Питер битком набитый немецким золотом и немецкими чеками. На этом митинге я в первый раз слышал Ленина. Оратор он был отвратительный: картавил, путался, потел и волновался страшно. Пролетариат Ленину не верил ни на копейку, и ленинская речь все время прерывалась ироническими возгласами. Было действительно трудно: на немецкие деньги изворачиваться о полной победе. Но Ленин знал, чего он хочет. Знал и Милюков. Не потому ли странные личные симпатии этих двух людей – Ленин несколько раз писал: из всех наших

противников Милюков самый умный. Милюков все время сворачивал на эволюцию советской власти. Очень вероятно, что в наследники этой эволюции метил он сам: милюковского дара предвидения хватило бы и на это.

Так вот: война. И еще до нее, после Столыпина, – начало перековки русской интеллигенции. Осенью 1912 года у нас в университете еще были забастовки и «беспорядки». И еще вмешивалась полиция. Зимой 1913 – 14 гг. мы уже обходились и без полиции – мы просто били социалистов по зубам. Это было, конечно, некультурно. Но, странным образом, это помогало лучше, чем полиция. Получивши несколько раз по морде – центральные комитеты и члены центральных студенческих комитетов РСДРП и СР как-то никли и куда-то проваливались. Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы – добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости. Не думаю, чтобы когда бы то ни было и где бы то ни было существовало правительство, которое держало бы свою интеллигенцию в такой золотой ватке и была бы интеллигенция, которая так гадила бы в эту ватку. Но уже и до 1914 года был перелом. В 1914 году наступил геологический сдвиг. Что было делать Николаю Второму и что было делать Милюкову?

Снарядов не было все равно. И никакой энтузиазм не мог накопить их раньше, чем года через два. Союзных поставок не было вовсе – мы были начисто отрезаны от внешнего мира. Стали строить заводы военного снаряжения и в непотребно короткий срок построили Мурманскую железную дорогу – кстати: в свое время постройка Сибирского пути шла почти в полтора раза скорее, чем современная ей постройка Тихоокеанского пути. «Стратегия войны» была проста до очевидности: нужно как-то продержаться. К тому именно времени относится почти анекдотический визит американской комиссии на русские военные заводы. Комиссия должна была их инспектировать. Комиссия осмотрела казенные военные заводы и довольно поспешно уехала обратно в САСШ: наши заводы оказались очень новы и очень нужны и для САСШ. В своей книге о социализме я ставлю и такой вопрос: казенные заводы были казенными заводами, то есть предприятиями социалистического типа. Нигде во всей русской литературе я не нашел не только ответа на вопрос, но даже и вопроса: чем объяснить их блестящую работу? Этим наша «наука» не поинтересовалась. А, может быть, и некоторый процент «социализма» был бы вовсе не так утопичен именно при «самодержавии»...

Имейте в виду: все эти годы я провел в качестве репортера. Может быть, мне когда-нибудь удастся написать о том, как шла в России настоящая борьба за власть: не о декоративных заседаниях, комиссиях, блоках, соглашениях, программах, обещаниях, восклицаниях и прочем – а о том, что совершалось на низах: в казармах, на заводах, на Обводном канале, в полицейских участках и ночлежках. Так, например, последние предреволюционные месяцы я был рядовым

лейб-гвардии Кексгольмского полка. Это был не полк и не гвардия и не армия. Это были лишённые офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их было до трехсот. Как могло правительство проворонить такие толпы? Летом 1917 года я говорил об этом Б. Савинкову – он тогда был военным министром. Савинков обозвал меня паникером.

Что было делать Николаю Второму? Только одно: готовить победу. Что было делать П. Н. Милюкову – только одно: срывать победу. Ибо, если бы конец 1917 года, как на это рассчитывал Николай Второй, принес бы России победу – то карьера П. Н. Милюкова и вместе с ней все надежды и все упования русской революционной интеллигенции были бы кончены навсегда. «Пятидесятилетний план» Николая Второго, Его деда и Его отца, Его предков и Его предшественников был бы «выполнен и перевыполнен». Россия одержала бы победу – под личным командованием Царя. При каком бы то ни было участии русского Царя в какой бы то ни было «лиге наций» ничего похожего на женевский публичный дом не было бы возможно. При консолидированной России – никакой Гитлер не попер бы на Вторую Мировую войну. Гитлер так и писал – «русская революция есть для нас указующий перст Провидения» – Провидение подвело. В 1930-х годах при соблюдении довоенного промышленного темпа – Россия приблизительно «обогнала» бы САСШ – не по всем показателям, но по очень многим. Мы с вами не сидели бы здесь – но это, конечно, не имеет никакого значения. Имеет значение другой вопрос: что стало бы с «эпохой войны и революций», на которую нацеливался ведь не только один Ленин. Для русской революционной интеллигенции, как для Японии 1905 года, для Германии 1914 или Сталина в 1947 году – выхода бы не было. О том, что Сталин в 1947 году не мог действовать иначе, чем он действовал, я пишу в другом месте. Сейчас скажу только очень схематически: принятие плана Маршалла означало бы подчинение капиталистическим методам, а эти методы Сталина бы съели. Очищение Венгрии или Польши или прочего в этом роде означало бы создание в Венгрии или Польше или в прочих – правительства и армии, исполненных предельной ненависти и к коммунистам, и к коммунистам-завоевателям. СССР оказался бы охваченным тесным кольцом стран и народов, на которых не могла бы подействовать никакая коммунистическая пропаганда. В СССР пришлось бы вернуть еще и еще сотни тысяч солдат и офицеров Красной армии. И на границах СССР держать новые миллионы – защиту против вчерашних «сателлитов». Пришлось бы поставить крест над мировой революцией. И ждать капиталистической консолидации всего мира, консолидации, которая в конечном счете не может не взять за горло русский отряд мировой революционной сволочи: всех этих коммунистов, энкаведистов, погонщиков и палачей. Их – от пяти до десяти миллионов. Под ними – вечно, хотя и глухо, бурлящее море недовольства. И в этой обстановке принять план Маршалла?

1916 год был последним годом интеллигентских надежд. Все, конечно, знали это – и союзники, и немцы, знал это, конечно, и Милюков, что армия нако-

нец вооружена. Что снаряды уже в избытке, и что 1917 год будет годом победы: над немцами и над революцией. Но тогда – конец. Не только для Милюкова, но и для всей интеллигентской традиции. Ибо она, эта традиция, будет разгромлена не только фактически – победой, одержанной без нее, – но и принципиально: будет доказано, что процветание, мир и мощь России достигнуты как раз теми антинаучными методами, против которых она боролась лет двести подряд, и что ее методы – научные и философские, не годятся никуда и что, следовательно, – она и сама никуда не годится.

То, что в России произошло 19 февраля 1861 года, с «научной» точки зрения есть чудо: вмешательство надклассовой личной воли в самый страшный узел русской истории. Что, если путем такого же «чуда» – и Царь и народ найдут пути к развязыванию и других узлов? Ведь вот – уже при министерстве С. Ю. Витте Николай Второй повелел разработать проект введения восьмичасового рабочего дня – восьмичасового рабочего дня тогда еще не было нигде. Этот проект был пока что утопичен, как был утопичен и манифест Павла Первого об ограничении барщины тремя днями в неделю. Но он – указывал направление и ставил цель. Направление было указано верно, и шестьдесят лет спустя цель была достигнута.

Что – если русское самодержавие достигнет русских целей и без Милюкова? Или человечество – человеческих целей и без Сталина? 1916 год был двенадцатым часом русской революции и русской революционной интеллигенции: или сейчас, или никогда. Завтра будет уже поздно...

И вот российская интеллигенция бросилась на заранее подготовленный штурм. Вся ее предыдущая вековая деятельность выяснила с предельной степенью ясности: ни за каким марксизмом, социализмом, интернационализмом – ни за какой философией русская масса не пойдет.

Вековая практическая деятельность социалистических партий доказала с предельной степенью наглядности: никакая пропаганда против царской власти не имеет никаких шансов на успех, и рабочие и тем более крестьянство такой пропагандой только отталкиваются – центральные комитеты С-Д и С-Р партий рекомендовали своим агитаторам ругать помещиков и фабрикантов, но совершенно обходить закон о царе. Революцию можно было провести только под патриотическим соусом. Он был найден.

Кто начал революцию? Думаю, что принципиально ее начал патриарх Никон: первой инъекцией иностранной схоластики в русскую жизнь. Его поддержал правящий слой, жаждавший привилегий по шляхетскому образцу. В 1914 – 1917 году самое страшное изобретение революции было сделано петербургской аристократией. Это – распутинская легенда. Напомню: он был единственным, кто поддерживал жизнь Наследника престола, который был болен гемофилией. Против гемофилии медицина бессильна. Распутин лечил гипнозом. Это была его единственная функция – никакой политической роли он не играл. При рождении – и при почти конце этой легенды я присутствовал сам. Родилась она в аристократических салонах – русская аристократия русской монархии не лю-

была очень – и наоборот. В эмигрантской литературе были и подтверждения этого расхождения. Эмигрантский военный историк Керсновский, идеолог офицерства – или еще точнее – офицерской касты – писал: «сплетня о царице – любовнице Распутина – родилась в “великосветских салонах”. За эту сплетню милюковцы ухватились руками и зубами: это было именно то, чего не хватало. “Проклятое самодержавие” на массы не действовало никак. Но царица – изменница и шпионка и любовница пьяного мужика. И царь, который все это видит и терпит. И армия, которая за все это платит кровью?»

Санкт-Петербург как истерическая баба. Трибуна Государственной Думы стала тем же, чем сейчас для товарища Молотова служит трибуна всех конференций: не для организации мира, а для разжигания революции. Милюков гремел: «Что это – глупость или измена?» Военная цензура запрещала публикацию его речей – они в миллионах оттисков расходились по всей стране. Я никак не думаю, чтобы они действовали на всю страну. Но на Петербург они действовали. Возьмите в руки Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – т. 65, стр. 270. Там сказано:

«Игородческое население живет около столицы, окружая ее плотным кольцом и достигая 90% общего числа населения. По переписи 1891 года – 85% (восемьдесят пять процентов) указали русский язык в качестве НЕ родного языка».

Но даже и Санкт-Петербург – город с тремя именами, чужой город на чужом болоте, был только одним из симптомов. Уже в Смутное время семибоярщина советовала полякам вырвать царский престол из Москвы и унести его куда-нибудь подальше. Этот проект и был реализован при Петре, – один из вариантов европейского разгрома русской государственной традиции. Страна в истерике не билась. Но в Петербурге, куда всякие милюковцы собрались «на ловлю счастья и чинов», денег и власти – все равно каких денег и какой власти – в Петербурге была истерика. В марте 1917 года толпы шатались по городу («с красным знаменем вперед – обалделый прет народ») и орали ура – своим собственным виселицам, голоду, подвалам и чрезвычайкам.

Итак: лозунг был найден. Патриотический и даже антимонархический – что и было нужно. Царь – дурак, пьяница и тряпка. У него под носом его жена изменяет с изменником Распутиным, он ничего не видит – царя нужно менять.

Позвольте рассказать один из заключительных штрихов распутинской истории.

У меня был старый товарищ юности – Евгений Михайлович Братин. В царское время он писал в синодальном органе «Колокол». Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином, в еврейской – евреем. Потом он, как и все неудачники, перешел к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом представителем ТАССа и «Известий» в Москве. Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез.

Летом 1917 года он перековался и стал работать в новой газете «Республика», основанной крупным спекулянтом Гутманом. В те же времена действова-

ла Чрезвычайная Следственная комиссия по делам о преступлениях старого режима. Положение комиссии было идиотским: никаких преступлений – хоть лавочку закрывай. Однажды пришел ко мне мой Женька Братин и сообщил: он-де нашел шифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме. Женьку Братина я выгнал вон. Но в «Республике» под колоссальными заголовками появились братинские разоблачения: тексты шифрованных телеграмм, какие-то кирпичи. Какие-то «обороты колеса» и вообще чушь совершенно несусветная. Чрезвычайная Комиссия, однако, обрадовалась до чрезвычайности, – наконец-то хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показаний» отказался наотрез: это-де его тайна. За Братина взялась контрразведка – и тут уж пришлось бедняге выложить все. Оказалось, что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братинным в сообществе с какой-то телеграфисткой.

Вообще за такое изобретение Братина следовало бы повесить, как, впрочем, и Милюкова. Но дело ограничилось только скандалом – из «Республики» Братина все-таки выгнали вон – его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарски-революционная – та, кажется, кончилась еще хуже. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из американских фильмов. Так пишется история.

Истории Государственной Думы у нас нет. То, что есть – такая же чушь, как и братинский шифр. Напомню о том, что классической формой русского народного представительства были Соборы. То есть деловое представительство, а не партийное. Напомню и еще об одном обстоятельстве: англо-американский парламентаризм есть внепартийный парламентаризм. По закону и традиции в парламент попадает тот, кто получил хотя бы относительное большинство голосов – это создает систему двух партий, из которых ни одна не имеет никакой программы. Работа партии м-ра Эттли – это первый в истории Великобритании опыт превращения отсталого английского острова в передовую европейскую страну. До этого ни тори, ни виги, ни консерваторы, ни либералы не имели никаких программ. Не имеют их ни республиканцы, ни демократы в САСШ. Не имели программы и русские Соборы. В первую же Государственную Думу хлынули десятки программ и революционных программ. Дума пришла – и положила ноги на стол. Ее разогнали – безо всякого ущерба для кого бы то ни было. Но не было использовано предостережение нашего единственного теоретика монархии – бывшего террориста Льва Тихомирова. Он писал, что в положении о Государственной Думе «национальная идея отсутствует, так же как и социальная» – нет органической связи с жизнью страны. До Тихомирова – после манифеста 1861 года Ю. Самарин писал: «народной конституции у нас пока быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства... есть ложь и обман». Так наша Дума и оказалась: ложью и обманом.

Монархия без народного представительства работать не может. Это было ясно Алексею Михайловичу и Николаю Александровичу. Но Николай Александрович поддался теориям государственного права и допустил перенос на рус-

скую точку зрения западноевропейского парламентаризма, который и у себя на родине, в Западной Европе, успел к этому времени продемонстрировать свою полную неспособность наладить нормальный государственный быт. Лев Тихомиров предлагал народное представительство по старомосковскому образцу: церковь, земство, купечество, наука, профессиональные союзы, кооперация промысла и прочее. То есть представительство, органически связанное с органическими выросшими общественными организациями. Вместо этого мы получили монопольное представительство интеллигенции, начисто оторванной от народа, «беспочвенной», книжной, философски блудливой и революционно неистовой. В Государственную Думу первого созыва так и попали наследники «Бесов» и Нечаева, сотоварищи Азефа и Савинкова, поклонники Гегеля и Маркса. Никому из них до реальной России не было никакого дела. Они были наполнены программами, теориями, утопиями и галлюцинациями – и больше всего жадной власти во имя программ и галлюцинаций. А может быть и еще проще: жадной власти во имя власти. Сегодняшнее НКВД с изумительной степенью точности воспроизводит на практике теоретическое построение Михайловского и Лаврова – художественно отраженное в «Бесах». Я более или менее знаю личный состав НКВД. Только окончательный идиот может предполагать, что у всех этих расстрельщиков есть какая бы то ни было «идея».

Вот – от всего этого нас всех и пытался защищать Николай Второй. Ему не удалось. Он наделал много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, они кажутся нам довольно очевидными – тридцать лет тому назад они такими очевидными не казались. Но нужно сказать и другое: история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности: нужно было бороться и с остатками дворянских привилегий, и со всей или почти со всей интеллигенцией. Имея в тылу интендантов и интеллигентов – нужно было бороться и с Японией, и с Германией. И между «царем и народом» существовала только одна – одна-единственная связь: чисто моральная. Даже и Церковь, подорванная реформами Никона и синодом Петра – Церковь, давно растерявшая свой морально-общественный авторитет, давным-давно потеряла и свой собственный голос. Сейчас она служит панихиды. Тогда она не шевельнула ни одним пальцем. Никто, впрочем, не шевельнул. Так был убит первый человек России. За Ним последовали и вторые, и десятки: до сих пор, в общем, миллионов пятьдесят. Но и это еще не конец...

Проблема русской монархии и Николая Второго в частности – это вовсе не проблема «реформы правления». Для России это есть вопрос о «быть или не быть». Ибо это есть вопрос морального порядка, а все то свое, что Россия давала или пыталась дать миру и самой себе – все то, на чем реально строилась наша история и наша национальная личность – было основано не на принципе насилия и не на принципе выгоды – а на чисто моральных исходных точках. Отказ от них – это отказ от самого себя. Отказ от монархии – есть отказ от тысячи лет нашей истории.

Если рассматривать вещи с точки зрения, допустим, А. Ф. Керенского, то эти тысяча лет были сплошной ошибкой. Сплошным насилием над «волей народа

русского», выраженной в философии Лейбница, Руссо, Сен-Симона, Фурье, Гегеля, Канта, Шеллинга, Ницше, Маркса, и Бог знает кого еще. Разумеется, всякий Лейбниц понимал «волю русского народа» лучше, чем понимал это сам русский народ. Если мы станем на такую точку зрения, то тогда нужно поставить крест не только надо всем прошлым, но также и надо всем будущим России: ибо если одиннадцать веков были сплошной ошибкой и сплошным насилием, то какой Лейбниц сможет гарантировать нам всем, родства не помнящим, что в двенадцатом веке будет мало-мальски лучше – даже и в том невероятном случае, если рецепты Лейбница будут применены без конкуренции со стороны других рецептов, рожденных органами усидчивости других властителей дум. Если за одиннадцать веков своего существования нация не смогла придумать ничего путного, то какое основание предполагать, что в двенадцатом или пятнадцатом она найдет что-то путное в картотеке очередного аспиранта на кафедру философской пропедевтики?

Русская история, при всей ее огромности, в сущности, очень проста. И если мы будем рассматривать ее не с философской, а с научной точки зрения – даже и отбрасывая в сторону какие бы то ни было «эмоции», то на протяжении одиннадцати веков мы можем установить такую связь явлений:

Чем было больше «самодержавия», тем больше росла и крепла страна.

Чем меньше было «самодержавия», тем стране было хуже.

Ликвидация самодержавия всегда влекла за собою катастрофу. Вспомним самые элементарные вещи.

Расцвет Киевский Руси закончился ее почти феодальным «удельным» разделом, то есть ликвидацией самодержавной власти – Киевскую Русь кочевники смели с лица земли.

После смерти Всеволода Большое Гнездо самодержавие никнет опять, и Россия попадает под татарский разгром.

Прекращение династии Грозного вызывает Смутное время.

Период безвластных императриц организует дворянское крепостное право.

Свержение Николая Второго вызывает рождение колхозного крепостного права.

Итак: в течение одиннадцати веков лозунг «долгой самодержавие» был реализован пять раз. И ни одного разу дело не обошлось без катастрофы.

Это, может быть, и не совсем «наука». Но есть все-таки факт. Целая цепь фактов, из которых при некотором напряжении нормальных умственных способностей можно было бы извлечь и некоторые политические уроки. Я очень боюсь, что русская интеллигенция этих уроков не извлекла. Между ней и действительностью висит этакий бумажный занавес, разрисованный всякими небылицами. И всякая небыллица кажется ей реальностью. И всякая мода – законом природы.

Около ста лет тому назад французский политический мыслитель Токвиль писал: «нет худших врагов прогресса, чем те, кого я бы назвал “профессиональными прогрессистами”, – люди, которые думают, что миру ничего больше не требуется, как радикальное проведение их специальных программ». Русская интелли-

генция в своей решающей части вот и состояла из «профессиональных прогрессистов». И у каждого была «специальная программа», и каждый был убежден в том, что миру ничего больше не требуется. На путях к реализации всех этих программ стояла традиция, в данном случае воплощенная в Царе. Русская профессионально прогрессивная интеллигенция ненавидела Царя лютой ненавистью: это именно он был преградой на путях к невыразимому блаженству: военных поселений, фаланстеров, коммун и колхозов. Профессионально-прогрессивная интеллигенция была профессионально-прогрессивной: она с этого кормилась. Верхи русской культуры к этой интеллигенции собственно никакого отношения не имели. От Пушкина до Толстого, от Ломоносова до Менделеева – эти верхи были религиозны, консервативны и монархичны. Среди людей искусства были кое-какие отклонения – вот вроде толстовского Николая Палкина. Среди людей науки, кажется, даже и отклонений не было. Но эти верхи «политикой не занимались» – политика была в руках профессиональных прогрессистов, революционеров, нечаевых, савинковых, милоковых и азэфов. Профессионалы давали тон. Я очень хорошо знаю быт дореволюционной сельской интеллигенции. Она жила очень плотно и сытно. Всем своим нутром она тянулась к Церкви и к Царю. Все «Русские Богатства» настраивали ее против Церкви и против Царя. Но «Русские Богатства» были, конечно, прогрессом. Церковь и Царь были, конечно, реакцией. Так шаталось сознание низовой интеллигенции. Так оно было разорвано на две части: в одной был здоровый национальный и нравственный инстинкт, в другую целыми толпами ломались властители дум. И люди не знали, что почать: «ложиться спать или вставать». Поднимать агротехнику и тем подрывать возможности «черного передела» или агитировать за черный передел и для этого тормозить агротехнику как только можно. Нужно ведь революционизировать деревню. Так – оно и шло, через пень в колоду.

Но низовая интеллигенция была искренняя. С моей личной точки зрения, властители дум были почти сплошной сволочью – в буквальном смысле этого слова. Они, в общем, делали то же, что в эмиграции делали профессора Милоков и Одинец: звали молодежь на каторжные работы и сами пожинали гонорары. Молодежь – бросала бомбы или возвращалась в СССР, и ее «жертвы» властители дум записывали на свой текущий счет. Никто из них повешен не был, и почти никто не попал даже и на каторгу. Что же касается ссылки – то она играла решительно ту же роль, как развод для киноартистки: реклама, тираж и гонорары.

* * *

Известные представления всасываются с молоком всех философских ослиц. Они становятся частью и умственного и – что еще хуже – эмоционального багажа: «старый режим», «тюрьма народов», «кровавое самодержавие», «отсталая царская Россия», – вся эта потерянная мелкая и фальшивая монета котируется на интеллигентском черном и красном рынке и сейчас. Не совсем по прежнему паритету, но все-таки котируется. Да, конечно, так плохо, как при Сталине, не было и при старом режиме. Даже при старом режиме. Но зачем же возвращаться к

«старому режиму». Попробуем новый. Какой новый? А какой-нибудь. По Иванову, Петрову, Степову. По Бердяеву, Шестову, Сартру. Или по Бухарину, Левицкому. Или по Махно, Григорьеву, Улялаеву. Только не по живому опыту одиннадцати веков.

В наших русских условиях на страже настоящего прогресса стояла монархия – и только она одна. Это она защищала Россию от таких прогрессивно мыслящих людей, как Батый или Наполеон, и от таких философски образованных рабовладельцев, каким был вольтеррианский помещик или марксистский чекист. И в те периоды, когда монархия слабела, для России наступала катастрофа. Это есть очевидный исторический факт. Носители прогрессизма делали, делают и будут делать все от них зависящее, чтобы эту очевидность замазать или по крайней мере извратить. И у всякого из них будет своя «специальная программа», рожденная в схоластической реторте, как был рожден гетевский Гомункулус. И у всякого будет своя специальная галлюцинация. Иногда – и по несколько галлюцинаций...

Гомункулус поумнеть, конечно, не мог. Профессиональные прогрессисты тоже не могут. Одни из них, философы, будут заниматься фабрикацией призраков, другие – приват-доценты, будут Добчинскими и Бобчинскими, вприпрыжку, «петушком, петушком» трепать за каждым Хлестаковым каждого варианта «самой современной» философии: только бы не отстать от века. Никаких методов общественной санитарии, которые охранили бы всех нас от философов, гомункулусов, призраков, приват-доцентов, галлюцинаций и просто от общественной хлестаковщины, – современная общественная медицина еще не придумала. Старая русская эмиграция в ее подавляющем большинстве нашла достаточно эффективный способ: просто не принимать ничего этого мало-мальски всерьез. Но с новой эмиграцией дело обстоит значительно хуже.

Старая эмиграция – в ее массе – имела время кое о чем подумать. У новой этого времени не было. Старая эмиграция за эти тридцать лет могла сравнить: Россию мирного времени и границу мирного времени. Новая из лагерей ГУЛАГа попала в лагерь УННРы. Старая эмиграция эти тридцать лет жила в условиях свободы печати – новая очутилась в атмосфере цензуры, лицензий и партийности. В старой России свобода печати была ограничена левыми кругами – не правительством – об этом писал еще и А. Герцен. На территориях новой эмиграции свободы печати нет. Одна партийная жвачка об одном невыразимо прекрасном будущем заменена другой партийной жвачкой о другом невыразимом будущем. Никаких фактов о прошлом России, революции и эмиграции – новым русским беженцам не сообщено. Не сообщено – как готовилась и как родилась великая и бескровная, не сообщено о том, так что же за эти тридцать лет думали и писали обо всем этом Деникин и Троцкий, Алданов и Бунин, Керенский и Милюков, Черчилль и Гитлер, евразийцы и фашисты, сменовеховцы или даже такие, как я. Нет истины кроме истины и гомункулус – пророк ее: он уж знает, как помудрее приспособиться к философии. И вместо старой дюжины призраков строится новый – порядкового номера чертовой дюжины. Есть в мире головы, в которых все тринадцать переплелись в одну единую неразбериху...

В течение одиннадцати веков русской истории русская национально-политическая традиция была воплощена в русской монархии. Если бы традиция была неудачна – удачна не всякая традиция – то в данных исторических и географических условиях великая нация вырасти бы не могла. Она – выросла. В течение последних десятилетий русской истории эта традиция была воплощена в Николае Втором. Если Николай Второй был так плох, как его рисуют профессиональные гомункулы, то Россия не имела бы самого быстрого в мире хозяйственного роста, и война 1914 – 1916 годов не остановилась бы на границах Царства Польского. Николая Второго можно рассматривать как личность – это, может быть, было бы очень интересно с точки зрения исторического романиста. Его можно рассматривать как носителя традиции – и тогда придется установить тот исторический факт, что носители этой традиции – за очень немногими исключениями – были ее рабами. Но также – и ее героями, и ее мучениками. Что ни Павел Первый, ни Александр Второй не были убиты «за реакцию» – они были убиты за прогресс. Павел, который взялся за освобождение крестьян, и Александр, который это закончил. Что никакими тиранами, деспотами и прочим никто из них не был, но что все они стояли поперек дороги гомункулам и философам, профессиональным прогрессистам и профессиональным революционерам. Цареубийства 1801, 1881 и 1918 годов, – все они были победой реакции. 1801 год отбросил освобождение крестьян, 1881 – восстановление народного представительства, 1918 закрепостил русский народ на основе комбинированного метода Батя и Салтычихи.

Что сейчас сказать о личности и о работе Николая Второго?

Президент французской республики Лубе писал о Нем:

«Он предан своим идеям. Он защищает их терпеливо и упорно. У него долго продуманные планы, которые он постепенно проводит в жизнь. Царь обладает сильной душой и мужественным, непоколебимым верным сердцем. Он знает, куда он идет и чего он хочет».

Уинстон Черчилль пишет:

«Представление о царском режиме, как об узкосердечном и гнилом, отвечает поверхностным утверждениям наших дней. Но один только взгляд на тридцатимесячную войну против Германии и Австрии должен изменить это представление и установить основные факты. По тем ударам, которые Российская Империя пережила, по катастрофам, которые на нее свалились – мы можем судить о ее силе... Почему можем мы отрицать, что Николай Второй выдержал это страшное испытание? Он наделал много ошибок – какой вождь не делает их? Он не был ни великим вождем, ни великим царем. Он был только искренним простым человеком со средними способностями... На тех высотах человечества, где все проблемы сводятся к “да” или “нет”, где события перерастают человеческие способности, решение принадлежало ему: война или не война? Направо или налево? Демократия или твердость? Справедливость требует признания за ним всего, чего он достиг. Жертвенное наступление русских армий в 1914 году, которое спасло Париж, упорядоченный от-

Государь Император принимает доклад у генерала Брусилова у границы Буковины

ход, без снарядов, и снова медленно нарастающая сила. Победы Брусилова – начало нового русского наступления в 1917 году – более мощного и непобедимого, чем когда бы то ни было. Несмотря на большие и страшные ошибки, тот строй, который был в нем воплощен, которому он давал жизненный импульс – к этому моменту уже выиграл войну для России... Пусть его усилия преуменьшают. Пусть чернят его действия и оскорбляют его память – но пусть скажут: кто же другой оказался более пригодным? В талантливых и смелых людях, в людях властных и честолюбивых, в умах дерзающих и повелевающих – во всем этом нехватки не было. Но никто не смог ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависели жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями...» (К сожалению, приходится цитировать по немецкому переводу книги «Мировой кризис», том I, стр. 221 – 222).

Президент Лубе был республиканцем, Черчилль был монархистом. Третий вариант «формы правления» представлял собою Гитлер. О монархах он отзывался в тоне крайнего презрения: все они были дураками – один он, Гитлер, умный. Это писалось, конечно, до 1941 года. До обсуждения личности и деяний Николая Второго Гитлер не снисходит. Но в его «Майн Кампф» есть формулировка того положения, в котором очутилась Германия в 1916 году. Вот она:

«Победу России можно было оттянуть – но по всем человеческим предвидениям она была неотвратима».

Гитлер даже не пишет о «победе союзников», он пишет только о победе России. Собственно, он повторяет то, что говорит и Черчилль: в 1917 году Россия стояла на пороге победы. И средний человек – Николай Второй – несмотря на его «страшные ошибки» – вел и почти привел Россию к этой победе. Где были бы мы с вами, если бы черви не уготовили нам всем – всему миру – катастрофы февраля 1917 года? И как мы можем исторически, политически и, в особенности, морально квалифицировать тех людей, которые еще и сейчас что-то талдычат о народной революции 1917 года – о двух или даже четырех народных революциях? В феврале 1917 года свершилось заранее и задолго обдуманное величайшее преступление во всей истории России: черви профессиональных прогрессистов, сознательно и упорно подтачивали «жизнь и славу России». Подточили. Никак не меньше шестидесяти миллионов русских людей заплатили своими жизнями за этот философский подвиг. «Слава России» стала «притчей во языцех и поношением человеков». Когда-то Святая Русь стала предметом ужаса, отвращения и ненависти – собственно, во всем мире. Оставшиеся – миллионов то ли двести, то ли только сто восемьдесят – вот уже три десятка лет проводят на каторжных работах – во имя призрака. Что ждет их завтра? Сталинская коммунизация или атомная ликвидация? И что возникнет послезавтра? Какие новые философские и партийные колодки будут навязаны на шею двумстам миллионам, которые тридцать лет подряд ничего, кроме колодок, не знали?

Самая основная, самая решающая проблема нашего национального бытия заключается в отказе от всяких призраков – то есть от всякой лжи. И активной и тем более пассивной лжи. Лжи, которая замалчивает – как замолчаны были планы декабристов или как замолчала вся наша историография роль русских царей. Мы обязаны знать факты, от этого и почти только от этого зависит все наше будущее – и личное, и национальное.

Николай Второй есть факт, взятый, так сказать, вдвойне. И как личность и как представитель традиции. Он – средний искренний человек; «со средними способностями», верно и честно – до гробовой доски – или до Ипатьевского подвала делал для России все, что Он умел, что Он мог. Никто иной не сумел и не смог сделать больше. Его «убрали». Но, хотя и не таким способом, были убраны и Вильгельм, и Клемансо, и Вильсон, и даже тот же Черчилль, но всем им была дана возможность довести русскую победу до западного ее конца. Для России никто не делал и не сделал больше, чем сделали ее цари. Но и для всего мира никто не делал и не сделал больше, чем сделали они. Николая Первого звали жан-дармом, и Александра Третьего назвали «Миротворцем» – в сущности, оба названия совпадают. Все они – от Александра Первого до Николая Второго – честно хотели мира и для мира могли сделать больше, чем кто бы то ни было другой. Совершенного мира не было и при них – но без них мира стало намного меньше. И их ненавидели все, кто в грядущей каше «эпохи войн и революций» видел спиритическую материализацию своих философских призраков. С их памятью будут бороться все те, кто строит новые призраки и на этих новых призраках планирует строить свою власть. И все те, кто против монархии, – есть сто-

ронники своей власти. Во имя своего призрака. Может быть – с нас всех всего этого уже хватит?

Проблема Николая Второго, как и проблема русской монархии вообще, есть, главным образом, моральная проблема. Это – не вопрос о «форме правления», «конституции», «реакции», «прогессе» и всяких таких вещах. Это есть вопрос о самой сущности России. О нашем с вами духовном «я».

Что в самом деле может предложить Россия миру? Самую современную систему канализации? – В этом отношении мы никогда не сможем конкурировать с немцами. Самую совершенную систему накопления долларов? – Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с американцами. Самую лучшую систему торговли с людоедами? – Мы в этом отношении никогда не сможем конкурировать с англичанами. Мы всегда будем отставать и в канализации, и в долларах, и в людоедах. Просто потому, что и канализация, и доллары, и людоеды интересуют нас меньше, чем немцев, американцев и англичан. «Не имей сто рублей, но имей сто друзей». Нас главным образом интересуют человеческие отношения с людьми. И, в общем, при всяких там подъемах и спадах – человеческих отношений человека к человеку в России было больше, чем где бы то ни было. И, в общем, наша Империя отличается от всех иных именно тем, что – от времени колонизации волжского междуречья до 1917 года – в этой Империи не было завоеванных народов. В этой «тюрьме народов» министрами были и поляки (гр. Чарторийский), и греки (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на бакинской нефти делали деньги порабощенные Манташевы и Гукасовы, а не порабощители Ивановы и Петровы. В те времена, когда за скальп индейца в Тексасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в три доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле. Была «завоевана», например, Финляндия. С Финляндией получился фокус, какого никогда с сотворения мира не было: граждане этой «окраины» пользовались всеми правами русского гражданства на всей территории Империи – а все остальные граждане всей остальной Империи – не пользовались всеми правами в Финляндии. В частности, Финляндия запретила въезд евреев – по какому бы то ни было поводу. Это в свое время ставило перед нашими профессиональными прогрессистами истинно головоломную задачу: защищая независимость Финляндии, им приходилось защищать и еврейское неравноправие. Вообще, если вы хотите сравнивать быт тюрьмы и быт свободы – то сравните историю Финляндии с историей Ирландии.

Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, какие когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человеческая государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрыть. Тогда придется сказать, что не Николаю Второму нужно было учиться у Гегеля, а Гегелям нужно было учить-

Император Николай II

ся у Николая Второго. Этого не может признать никакой приват-доцент. Ибо – что же он будет жрать без Гегеля? И чем будет он соблазнять свое шашлычное стадо?

В течение одиннадцати веков строилось здание «диктатуры совести». Люди, которые это здание возглавляли, были большими рабами этой совести, чем кто бы то ни было из нас. Они несли большие потери, чем пехота в Первой Мировой войне: из шести царей – от Павла I до Николая II – три погибли на посту: Павел I, Александр II и Николай II – ровно пятьдесят процентов. И Павел, и Александр, и Николай были убиты, конечно, вовсе не за реакцию, сумасшествие, проигрыш войны и прочее: они все были убиты главным образом за русское крестьянство. Павел начал его освобождение, Александр – кончил и Николай ликвидиро-

вал последние остатки неравноправия. Павла объявили сумасшедшим. В моей книге я привожу все его законодательные мероприятия, среди всех них нет ни одного неразумного, ни одного реакционного, ни одного, под которым мы и сейчас, полтора года спустя, не могли бы подписаться обеими руками. Но его сделали сумасшедшим, как Александра Второго реакционером и Николая Второго – пьяницей и дураком. Это было необходимо для вящей славы науки. И НКВД.

Русский царизм был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политическая оформлена чисто религиозная мысль. «Диктатура совести», как и совесть вообще, – не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта «наука» пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права – в истории Московской Руси и даже петербургской империи ничего нельзя было понять – русская наука ничего и не поняла. В «возлюбии ближнего своего, как самого себя» никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?

Я должен сознаться совершенно откровенно: я принадлежу к числу тех страных и отсталых людей, русских людей, отношении которых к русской мо-

нархии точнее всего выражается ненаучным термином: любовь. Таких же, как я, чудачков на русской земле было еще миллионов под полтора. Под полтора миллионов есть их и сейчас. Нужно, кроме того, сказать, что термин «любовь», во-первых, страшно затрепан и, во-вторых, совершенно неясен. Любовь к Богу и любовь к севрюжине с хреном, совершенно очевидно, обозначают разные вещи. Я очень охотно могу себе представить, что ряд русских монархистов питали и питают к монархии точно такие же чувства, как и к севрюжине: хороша была севрюжина! К числу этих людей я не принадлежу: никаких севрюжин у меня в царской России не было. Как не было их и у остальных полтора миллиона чудачков. Мы были самым бедным народом Европы или, точнее, самыми бедными людьми Европы. И в то же время мы были самыми сильными людьми мира и самым сильным народом истории. Мы были бедны потому, что нас раз в лет сто – жгли дотла, и мы были сильны потому – и только потому, – что моральные соображения у нас всегда перевешивали всякие иные. И если люди в течение одиннадцати веков обломали всех кандидатов в гениальные и гениальнейшие – от оброров до немцев и от Батыя до Гитлера, – то потому и только потому, что в России они видели моральную ценность, стоящую выше их жизни. Ценность, стоящая выше жизни, может быть истерией или религией. Можно, конечно, доказывать, что все одиннадцать веков русский народ пребывал в состоянии перманентной истерики и, как истерическая баба, требовал над собою кнута. Эту точку зрения очень охотно разрабатывала немецкая общественная мысль. Если судить по д-ру Шумахеру, то истоки этой мысли не иссохли и сейчас.

Стоя на общепринятой научной точке зрения, мы можем сказать, что русский царь был «властителем» над ста восьмьюдесятью миллионами «подданных». Юридически это будет более или менее верно. Психологически это будет совершеннейшим вздором. Русский царь был единственным в России человеком, который не имел свободы совести, ибо он не мог не быть православным, не имел свободы слова – ибо всякое его слово «делало историю», и не имел даже свободы передвижения – ибо он был, конечно, русским царем.

Да, цари жили во дворцах. Это кажется очень соблазнительным для людей, которые во дворцах не живут. Люди, которые по долгу службы обязаны иметь дворцы – предпочитают из них удирать. Николай Второй не стоял, конечно, в очередях за хлебом и икрой, – я сильно подозреваю, что даже и м-р Уинстон Черчилль имеет в своем распоряжении что-то кроме официальных 2500 калорий, полагающихся по карточкам. Вероятно, м-р Труман шлет ему посылки КАРЕ. Николай Второй был, вероятно, самым богатым человеком в мире. Ему «принадлежал», например, весь Алтай. На Алтае мог селиться кто угодно. У него был цивильный лист в 30 миллионов рублей в год; революционная пропаганда тыкала в нос «массам» этот цивильный лист. И не говорила, что за счет этих тридцати миллионов существовали императорские театры – с входными ценами в 17 копеек – лучшие театры мира, что из этих тридцати миллионов орошались пустыни, делались опыты по культуре чая, бамбука, мандаринов и прочего, что на эти деньги выплачивались пенсии таким друзьям русской монархии, как семья Льва

Толстого. И когда Русская Династия очутилась в эмиграции, то у Русской Династии не оказалось ни копейки, никаких текущих счетов ни в каких иностранных банках. Другие династии о черном дне кое-как позаботились...

Но пока что мы с очень большой степенью точности переживаем судьбу нашей монархии: погибла она – гибнем и мы. Страшное убийство Царской Семьи было, так сказать, только введением в тридцатилетнюю работу ВЧК – ОГПУ – НКВД. Я никак не склонен ни к какой мистике: но вот эта тридцатилетняя работа – не является ли она каким-то возмездием за нашу измену нашей монархии, нашей Родине, нашему собственному национальному «я». Платим, впрочем, не мы одни: весь мир тонет в грязи и в свинстве, какие при наличии русской монархии были бы немыслимы вовсе, как немыслима была бы и Вторая Мировая война. Русская революция была для Гитлера «указующим перстом Провидения», это именно она указала ему путь к войне, к славе и к виселице. Сколько людей, кроме Гитлера, видят в ней тот же указующий перст – и в том же направлении? – Начиная от Милюкова и кончая теми еще даже и не новорожденными идеями, которые так скромно и так жертвенно собираются усесться на престоле русских царей.

Я недавно отправил в САСШ рукопись моей новой книги. Моя первая книга – «Россия в Концлагере» – была переведена на 16 иностранных языков и имела общий тираж что-то около пятисот тысяч экземпляров. Следовательно, можно рассчитывать и на какой-то успех этой книги. Но можно рассчитывать и на полный провал: я пытаюсь доказать республиканским янки, что все их представления о русской монархии есть совершеннейший вздор. Вообще говоря, люди не любят доказательства такого рода: каждый считает, что уж он-то никаким вздором не одержим. Может быть – другие, но только не он. У него, у каждого данного человека в мире, достаточно и информации, и ума. Так, конечно, считает и американский фермер, голосовавший против войны с Гитлером за несколько месяцев до вступления Америки в эту войну. Очень большие запасы и информации, и мозгов находились в распоряжении германской интеллигенции в 1938 году. И еще больше – у русской до 1917 года. А дела с каждым годом идут все хуже и хуже. Попробуйте вы доказать янки, что с чем-то у него не в порядке: или с информацией, или с мозгами, или с тем и другим одновременно!

Тема о русской монархии может похоронить книгу. Можно ли отказаться от этой темы, «молчанием предать истину», нейтрально смотреть на всю ту ложь, которую – увы, наша же интеллигенция пустила по всему миру о наших «коронованных зверях» – о Царе-Освободителе Александре Втором и о Царе-Искупителе Николае Втором? И я пишу: от этой темы я отказаться не могу, ибо это вопрос совести. А вопрос о совести есть вопрос о жизни или смерти России. Но может быть – и не только России. Что станет со всем миром, если диктатуре бессовестности дадут время для массовой продукции атомных бомб?

Очень многие из моих читателей скажут мне: все это, может быть, и правильно – но какой от всего этого толк? Какие есть шансы на восстановление монархии в России? И я отвечаю: приблизительно все сто процентов.

...Из всех доводов против монархии имеет самое широкое хождение такой: «а с какой же стати я, Иванов Самый Седьмой, стану подчиняться Николаю Второму?» Иванов Самый Седьмой забывает при этом, что, живя в государстве, он все равно кому-то подчиняется. Забывает и еще об одном: он подчиняется не Николаю Второму, а тому принципу, который в Николае Втором персонифицирован и которому Николай Второй подчинен еще в большей степени, чем Иванов Самый Седьмой. Царь есть только первый слуга монархии, и это очень тяжкая служба: пятьдесят процентов потерь за 116 лет! Нигде в мире, кроме России, такой службы не было, и нигде в мире, кроме России, люди не старались в меру юридической и моральной возможности отказаться от бремени Мономахова Венца. Обычно это было технически невозможно. Но когда появлялась лазейка – то вот, Николай Павлович усердно присягал Константину Павловичу, а Константин Павлович столь же усердно присягал Николаю Павловичу. Можете ли вы себе представить такое же соревнование между Троцким и Сталиным?

Если у нас, не дай Господи, произойдет то, что эмигрантские простецы называют «национальной революцией», то к власти придут наследники нынешней коммунистической банды – в СССР больше некому, и бывшая Святая Русь в октябре 2017 года будет праздновать столетний юбилей взятия Зимнего Дворца – и никакой историк не посмеет сказать о шестидесяти миллионах убитых и замученных русских людей: ибо у власти будут сидеть наследники убийств и убийц. Что к этому времени останется от бывшей Святой Руси – для наследников банды будет так же безразлично, как сегодняшним политическим наследникам Конвента совершенно безразлично, что осталось от Франции и что еще останется. Да, миллионы моих «братьев» пали жертвой в борьбе роковой. Зато я, Иванов Самый Седьмой, унаследовал их штаны – не снимать же мне их в самом деле? Да, были муки рождения новых штанов, сшитых по последнему слову философской моды – вот, видите, какие замечательно свободные просторные штаны! Штаны, наполненные свободой, равенством и братством – четыремья сотнями правительств, из которых за полтора столетия ни одно не в состоянии удержать страну от распада – может быть, самую талантливую страну в истории человечества, страну, которая как в 1914, так и в 1948 году может держаться только: на русской крови или американских долларах. Уберите русскую кровь в 1914 или в 1942 году или американские доллары в 1918 или 1948 – и с прекрасной Францией будет кончено: ее разорвут на клочки ее собственные налогоплательщики.

Но это – ничего. В 1948 году Франция празднует годовщину революции 1848 года. И никто не краснеет – ни за себя, ни за Францию. Так при «национальной революции» наши внуки, может быть, не будут краснеть за золотое сердце товарища Дзержинского. Найдутся деньги, найдутся профессора и найдутся исторические объяснения: муки рождения новых штанов...

Всех ста процентов нигде в мире нет. Всегда остаются какие-то проценты или доли процента, каких не может учесть никакое человеческое предвидение. Но по всему человеческому предвидению республиканская форма правления у нас не-

возможна никак. Для нее не было почвы в 1917 году, когда еще оставались земское и городское самоуправление, Церковь, буржуазия и прочее. Что останется для нее в 195? году? Совершенно атомизированная масса, которая если не пойдет за «веру, царя и отечество», то совершенно неизбежно влипнет в новый тоталитарный режим. И вовсе не потому, что в эмиграции имеются тоталитарные партии – а только потому, что единственным сырьем для какой бы то ни было «организации» в России окажутся остатки коммунистической партии и советской бюрократии. Если не будет монархии – то тогда к власти придут они. Они будут называть себя «советской интеллигенцией». Они будут: «советской бюрократией». И всеми силами постараются воссоздать режим, который в наилучшей степени пристроит бюрократию – то есть тоталитарный режим.

Настоящая угроза будущему России – если исключить внешние опасности – заключается только и исключительно в тех последышах ВКП(б), которые под всякими «национальными» и даже «демократическими» восклицательными знаками продолжают нынешнюю традицию ВКП(б). Это, кажется, начинают понимать даже и наши социалисты. Это значит, что даже и Р. Абрамович чему-то научился. Может быть, можно было бы кое-кого научить и еще вот чему.

Русское «самодержавие» было «куполом», под которым уживались чисто республиканская форма правления в Финляндии и чисто абсолютистская форма правления в Бухаре. Мирно потрясали кулаками перед самым носом друг у друга – самые крайние монархисты – вроде Пуришкевича, и самые левые социалисты вроде Ленина: пускать в ход эти кулаки монархия не позволяла ни Пуришкевичу, ни Ленину. При монархии было хозяйство капиталистическое, но при той же монархии у нас был такой процент социалистического хозяйства, какого не было нигде в мире. Как нынче доказать м-ру Эттли, что Николай Второй был большим прогрессистом и даже социалистом, чем лидер английской рабочей социалистической партии?

Раньше всего условимся: если под национализацией, социализацией или социал-демократизацией чужих кошельков понимать истинный социализм, то ни Николай Второй, ни м-р Эттли социалистами не являются. Оба они с точки зрения чистого марксизма являются «социал-соглашателями». Эттли «национализует железные дороги». Николай Второй их «скупал в казну». М-р Эттли национализует Английский банк – русский всегда был государственным. Эттли проектирует бесплатное обучение – оно у нас при Николае Втором было уже фактически бесплатным. М-р Эттли заводит государственное хозяйство – такого государственного хозяйства, как при Николае Втором и в Его время, ни у кого в мире не было, да, вероятно, нет и сейчас: были казенные заводы, казенные имения, было огромное земское хозяйство, были артели, кооперация, были церковные поместья, которые стояли на очень высокой технической ступени, и были «удельные имения», которые играли роль лабораторий для всего русского сельского хозяйства. Если под социализмом подразумевать «общественный сектор народного хозяйства», а не грабеж сре-

ди красного дня, то тогда с совершенной неизбежностью нужно будет сказать, что Николай Второй был не меньшим социалистом, чем м-р Эттли.

Если вам попадется моя книга «Диктатура импотентов», то вы, вероятно, установите тот факт, что я занимаю самый крайний фланг непримиримости по адресу всякого социализма. Но здесь я хочу констатировать то совершенно очевидное обстоятельство, что режим царской России давал свободу конкуренции всем людям и всем хозяйственным формам страны: и капиталистической, и земской, и государственной, и кооперативной, и даже общинной.

Свобода конкуренции есть свобода жизни. Свобода конкуренции есть свобода проявления вашего творческого «я». Всякая государственность как-то ограничивает и свободу конкуренции и свободу «я» – вводит таможенные пошлины и воинскую повинность. Но всякая разумная форма государственности ограничивается пределами самого необходимого, крайне необходимого. Но когда возникает ИСТИНА из шести больших букв, то за тем забором из восклицательных знаков, которым она себя окружает – неизбежно организуется застенок, в котором святые отцы философской инквизиции будут определять мое право пахать землю, шить сапоги, писать книги или компонировать оперы. И тогда пропадет хлеб, обувь, литература и вообще – все.

Задача объединения всей разумной части эмиграции заключается в ее объединении против всякого тоталитарного режима – режима ВКП(б) или ХУ – это совершенно безразлично. Задача всякого разумного русского человека заключается в том, чтобы смотреть в лицо фактам, а не в рожу – галлюцинациям. Сговориться мы можем только относительно фактов – пусть с оговорками, разницей в оценках и оттенках. Но нет никакой возможности сговориться о галлюцинациях – тех вариантах невыразимого будущего, каких еще никогда не было, какие ни на каком языке действительно не выразимы никак.

Я призываю людей следовать украинскому лозунгу: «Волим под Царя московского православного», – ибо это есть единственная, единственно реальная, веками проверенная гарантия того, что мы и дальше не будем катиться – почти по Горькому: все вперед – и ниже, все вперед и ниже, как мы фактически катимся уже тридцать лет. Никакой иной гарантии нет. И все нынешние обещания стоят столько же, сколько нам уже обошлись все предшествующие. Давно забытый Автор сказал нам: «Берегитесь волков в овечьих шкурах – по делам их узнаете их». Сравните то, что нам обещали овечьи шкуры и сто, и пятьдесят, и тридцать, и десять лет тому назад – со всем тем, что сейчас реализовано и во Франции, и в России, и в Германии. Не верьте никаким обещаниям. Не стройте никаких галлюцинаций. Не слушайте никаких философов ни с какими писаными торбами: в этих торбах ничего, кроме спирохетов, нет.

«НИКОЛАЙ II – ПОСЛЕДНИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ЦАРЬ»

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОКАМИ ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II

Вот уже около ста лет в официальной историографии, в церковной, общественной и культурной среде не утихают споры о личности и деятельности последнего Императора Всероссийского, святого страстотерпца Николая II. За прошедший век было написано множество исторических исследований и романов, сняты документальные и художественные фильмы.

После того, как в 2000 году на Поместном Архиерейском соборе император Николай Александрович вместе со своей семьей был канонизирован как святой царь-страстотерпец, появилось его житие. Конечно, любой правитель всегда находится под пристальным вниманием как современников, так и историков, но, пожалуй, ни один правитель России не имеет столь противоречивых оценок, какие высказываются в адрес святого царя-страстотерпца Николая II. Интерес к последнему императору, по нашему мнению, вызван несколькими причинами.

Игуменья Нина (Механикова) – настоятельница Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Родилась 1 июля 1978 г. в г. Чебоксары.

В 1999 г. окончила Чебоксарское художественное училище. В 1999 – 2000 гг. была вольнослушательницей курсов при Санкт-Петербургском Государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

В 2001 г. переехала в Самару, была корреспондентом «Православной Народной газеты».

В марте 2003 г. приняла монашеский постриг, который по благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Самарского и Сызранского Сергия совершил архимандрит Мирон (Пепеляев).

С момента создания в 2003 г. женского скита при храме св. Илии Пророка, на основании которого в 2006 г. был открыт Заволжский Свято-Ильинский женский монастырь, была в обители на должности Благодичной. Также несла клиросное послушание и занималась иконописью (ею написаны иконы иконостасов для храмов свт. Нектария Эгинского и сщмч. Константина Самарского, Троице-Сергиева храма и др.).

Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 2 октября 2013 года назначена на должность настоятельницы Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря в селе Подгоры Волжского района Самарской области. 10 декабря 2013 г. возведена в сан игумении Высокопреосвященнейшим митрополитом Самарским и Сызранским Сергием.

В 2014 г. окончила заочное отделение Самарской Православной Духовной семинарии. Является слушательницей Высших Богословских Курсов Московской Православной Духовной Академии.

Во-первых, правление Николая Александровича пришлось на слом эпохи, когда Россия свернула со своего исторического пути. В течение многих веков Российская империя была Православной цивилизацией. После уничтожения монархии в нашей стране был поставлен эксперимент по созданию государства с коммунистической и атеистической идеологией. Сегодня, после многомиллионных человеческих жертв двадцатого столетия, Советская Россия ушла в небытие, а перед русским народом встали те же вопросы, которые волновали людей и в начале двадцатого века: можно ли строить благополучие своего государства, отношения с другими странами, не поставив в основание Божественные законы? Как наладить отношения между государствообразующим православным русским народом и многочисленными народностями, проживающими в России и исповедующими другие религии?

Во-вторых, император Николай II, по свидетельству всех, кто был к нему близок, был человеком искренне верующим и глубоко церковным. Это очень важно, ведь жизненная позиция человека-христианина, его мировоззрение и поступки диаметрально отличаются от образа жизни человека неверующего. Говоря еще более определенно, проповедь Христа распятого *для иудеев соблазн, а для еллинов безумие**. Так и жизнь множества христианских мучеников, преподобных и святых царей для мира выглядела безумием. Здесь уместно вспомнить жития первых русских святых Бориса и Глеба, как и царь Николай II прославленных в лике страстотерпцев. Подвиг их заключался в том, что они покорились воле Божией и власти своего брата Святополка Окаянного, не подняли на него руку и приняли смерть от посланных им убийц.

Можно ли, осмысляя личные качества императора Николая II и его государственные деяния, опираться на суждения о нем людей неверующих и не понимающих исторического пути России. Сегодня нам особенно важно выяснить, сколько ложных обвинений возведено на последнего русского царя. Многие из распространенных мифов родились еще в годы его правления и, просуществовав целое столетие, продолжают жить на страницах книг, школьных учебников и вводить в заблуждение с телеэкранов.

Большинство претендующих на историческую правдивость исследований об императоре Николае II основано на мемуарной литературе. Среди них можно выделить три рода источников. Это дневниковые записи, эпистолярное наследие и воспоминания, написанные через много лет после крушения монархической России и гибели Императора.

Письма и дневники на первый взгляд кажутся нам самыми подлинными источниками, так как написаны непосредственно во время происходящих событий. Но, как отмечают исследователи, многие документы после февральского и октябрьского переворотов попали в руки новой власти и могли быть сфальсифицированы. Сегодня уже достоверно известно, что дневники близкой подружки императрицы Анны Александровны Вырубовой, которые изда-

*1 Кор. 1, 23.

вались в СССР – подделка, совместный «труд» двух советских писателей. То же можно сказать и о напумевших «Дневниках Распутина» (см. работы А. Н. Боханова)*. Другая категория источников – воспоминания, написанные по прошествии многих лет после крушения царской России, гибели императора и всей его августейшей семьи. Почти все мемуаристы стали изгнанниками и рассеялись по всему миру. Многие из них понимали, что при их молчаливом участии, а часто и активном содействии подрывались основы монархической государственности, что неизбежно наложило отпечаток на их мемуары. Чтобы оправдать себя, хотелось найти виноватых там, в Российской империи. Одним из таких «достоверных» источников, на который часто ссылаются при оценке личности императора Николая II, являются воспоминания Александры Викторовны Богданович.

Книга дневниковых записей А. В. Богданович «Три последних самодержца»¹ выдержала множество переизданий в двадцатом веке. Появившись в печати в 1924 году, она многократно переиздавалась и сегодня привлекает множество читателей. По словам известного историка А. Н. Боханова, после первого издания «сам оригинал дневника исчез без следа, и все воспроизведения дублируют первую публикацию»².

Александра Викторовна, жена Евгения Васильевича Богдановича, генерала от инфантерии, члена Совета министров внутренних дел, в течение тридцати с лишним лет принимала многих влиятельных людей своего времени. Богданович Е. В., видный правый государственный деятель, хозяин одного из крупнейших правых салонов Санкт-Петербурга, издатель и публицист, был известен как автор патриотических и монархических брошюр, которые распространялись среди народа и войск. Обладая небольшим состоянием, супруги жили первое время на Большой Морской, а позже поселились в собственном доме (особняк И. П. Мятлева, современный адрес – Исаакиевская площадь, д. 9), где и принимали своих многочисленных гостей. По словам А. Н. Боханова, Богдановичи «не принадлежали к кругу аристократической или бюрократической элиты. Владелец особняка получил свой генеральский чин не за военные заслуги, хотя в далекой молодости и участвовал в нескольких военных кампаниях, а за усердие на ниве пропаганды монархизма. Любезный, услужливый, Богданович умел ладить с совершенно разными людьми, которые занимали посты министров внутренних дел в конце XIX – начале XX века»³. По воспоминаниям людей, посещавших их салон, это были обыкновенно завтраки и званые обеды. Завтраки бывали более демократичными, за столом собирались люди разные, от министров и депутатов Государственной Думы до священников и простых рабочих. На обеды приглашались люди более представительные. Около тридцати лет Александра Викторовна скрупулезно записывала в свой дневник все, что попадало в поле ее

* Боханов А. Н. Распутин. Быль и небыль. М.: Вече, 2006; Боханов А. Н. Правда о Григории Распутине. Изд. Русский издательский центр, 2011; Боханов А. Н. Григорий Распутин. Авантюрист или святой старец? М.: Вече, 2012.

зрения, все знаменательные события, происходившие в политической и общественной жизни страны. В разные годы среди посетивших ее салон были: действительный тайный советник, русский дипломат, член Совета министров иностранных дел Н. Д. Остен-Сакен; обер-камергер Высочайшего Двора, правый государственный и общественный деятель, председатель Совета министров, член правой группы Государственного Совета, член Русского Собрания Б. В. Штюрмер; генерал-адъютант, военный министр, публицист В. А. Сухомлинов; военачальник, придворный чиновник, генерал-лейтенант лейб-гвардии конного полка А. А. Мосолов; генерал от кавалерии, генерал-адъютант, Петербургский градоначальник, дворцовый комендант, покровитель монархического движения В. А. Дедюлин и Обер-Прокурор Св. Синода, камергер Высочайшего Двора, тайный советник, видный правый государственный деятель В. К. Саблер, а также высокие церковные иерархи и деятели культуры.

На свои приемы супруги Богдановичи тратили немалые средства, сохранились описания меню и блюд, которые подавались на стол, стоит упомянуть, что вино, например, заказывали из Франции. Многие из современников поговаривали, что средства они получали из секретных фондов Министерства внутренних дел и Министерства Двора.

По словам исследователя М. М. Леонова, отношение к Евгению Васильевичу было двойственным: с одной стороны, его уважали за монархические убеждения, в искренности которых было бы сложно усомниться, а с другой, некоторые считали человеком хитрым, изворотливым, ищущим популярности. Святой праведный Иоанн Кронштадтский называл Евгения Васильевича Богдановича «сеятелем доброго слова», а Лев Тихомиров писал о нем: «Богданович любил царей той преданной, безграничной любовью, какую уже перестали понимать новые поколения моего времени. Но это не было холопство. В Царе он любил свой идеал». А вот А. С. Суворин* в своем дневнике охарактеризовал его как «удивительного плута и лицемера». Об Александре Викторовне говорили иначе. Многие отмечали ее скромность. Эта полная женщина ординарной внешности не претендовала на восторженное внимание поклонников, не давала балов и даже не ездила в театры. Она держалась в тени мужа и выглядела послушной исполнительницей его воли. Товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, по его собственному признанию, преклонялся перед этой «святой женщиной», «удивительной по кротости и любви к ближнему», «умевшей согреть своей русской лаской и большого и маленького человека». Магическое обаяние Александры Викторовны развеялось для них лишь после революции, когда был частично издан ее дневник. В мемуарах Джунковский оговорился, что после знакомства с дневником он разочаровался в своем кумире⁴.

* Суворин Алексей Сергеевич (1834 – 1912) – издатель и общественный деятель, редактор «Нового времени», один из учредителей Русского Собрания и Всероссийского Национального Клуба.

Записи Александра Викторвна вела для себя, в них много откровенностей и личного отношения к происходящим событиям. Являясь людьми правого толка, супруги при этом имели всегда свое мнение относительно этого круга и даже тех, которые являлись опорой консервативной мысли и неограниченного самодержавия. К примеру, на протяжении многих лет близкого знакомства Е. В. Богдановича с К. П. Победоносцевым об этом неординарном человеке в заметках мемуаристики нет ни одного хорошего слова.

После восшествия на престол императора Александра III она размышляет: «Кто-то будет главным советчиком молодого царя? Не дай Бог, чтобы остался один Победоносцев. Он вреден России и царю, у него мелкая душа, он завистливый, в нем течет поповская кровь, кроме того, он сильно боязлив, везде старается действовать позади, чтобы в случае неудачи он не был бы виноват». Еще несколько нелестных отзывов. – «Кавелин рассказывал про Победоносцева, что он любит деньги. У жены его в четырех верстах от Смоленска есть маленькое имение, в нем флигель о пяти комнатах. Суворова, желая видиться и сблизиться с Победоносцевым, зная, что они там проводят иногда месяц, а иногда и более, наняла у них этот домик за 800 руб., ему же красная цена 100 руб., – достигла своей цели и подружилась с ними. Что деньги делают!» «Один наш знакомый сказал однажды Победоносцеву, как он взял к себе в Синод такого чиновника, которого все считают подлецом. Победоносцев схватился за голову и воскликнул: “Да кто же теперь не подлец?” – типичный ответ, значит, сознает, что и он такой же».

Конечно, во всех этих замечаниях видно, что о Победоносцеве судили не как об общественном деятеле и мыслителе, а по личным причинам, и скорее всего, личная неприязнь вызвана тем, что К. П. Победоносцев был Обер-Прокурором Святейшего Синода и Е. В. Богдановичу приходилось пересекаться с ним по службе. Стоит особо отметить, что все лица, упоминаемые в записках, очень четко делятся на «хороших» и «плохих», отсюда и соответствующие характеристики этих лиц.

Прежде чем перейти к заметкам Богданович о Царственных особах, во времена которых ей довелось жить, хочется остановиться на ее отношении к церковным иерархам. Семья Богдановичей считалась глубоко верующей. Евгений Васильевич несколько лет состоял старостой Исаакиевского собора. Каждый год супруги совершали паломничество в Троице-Сергиеву Лавру к преподобному Сергию. Тем более удивляют заявления Александры Викторовны относительно дел церковных. В ее заметках можно прочитать такие небылицы, которые были бы уместнее в журнале советского периода «Безбожник». Удивительно, но мы не встречаем ни одного светлого воспоминания или слова о Церкви, ни одной душеполезной мысли у человека, казалось бы, церковного. В записках только пошлые откровенности сомнительного характера. «Сегодня поехала к митрополиту. Швейцар хотел доложить, но предупредил, что занят, двусмысленно дав понять, что сегодня вторник, а по вторникам у него бывает какая-то дама. Говорят, даже жидовка, кото-

рая проделывает такие дела, что многие даже возмущены. Когда она бывает, никого не принимают». «Рассказывают, что когда Лизандер бывает в соборе во время служения митрополита, при входе она бойко идет через всю толпу к месту, где он служит, а при выходе подходит к благословению со словами: “Ну, благословите меня теперь чистенькими лапками”. Все это делается с шумом и говорится громко. Что должен думать народ, который пришел помолиться в Александро-Невскую Лавру и получить благословение митрополита, 90-летнего старца?»

Удивительно, что при таких вопиющих фактах нет ни одной достоверной ссылки. Откуда берется такая информация? Хочется отдельно сказать о митрополите Исидоре, о ком цитируется выше со страниц дневника. Митрополит Исидор (Никольский) (1799 – 1892) родом из семьи диакона, умершего вскоре после рождения сына. Благодаря своим исключительным способностям он получил хорошее образование сначала в Тульской семинарии, а затем в Санкт-Петербургской Духовной академии.

По окончании академии юноша был пострижен в монашество. В августе 1825 года митрополитом Санкт-Петербургским Серафимом (Глаголевским) инок Исидор был рукоположен в иеродиакона, а в сентябре – в иеромонаха. Тогда же началась его преподавательская деятельность в должности бакалавра богословских наук Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1829 году указом Св. Синода иеромонах Исидор был возведен в сан архимандрита и назначен ректором и профессором богословия Орловской Духовной семинарии. Будучи на этом посту, он, сам в детстве испытавший сиротство и бедность, снискал себе всеобщую любовь и уважение за отеческую заботу о своих питомцах, за постоянную помощь сиротам и беднякам. В 1833 году по ходатайству Московского митрополита Филарета (Дроздова) архимандрит Исидор был переведен в Московскую Духовную семинарию с назначением настоятелем Московского Заиконоспасского монастыря. Видя его выдающиеся способности, митрополит Филарет пожелал иметь его своим ближайшим помощником, и в октябре 1834 года архимандрит Исидор был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. Хиротония была совершена в Чудовом монастыре высокопреосвященнейшим Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским. Будучи впоследствии епископом Полоцким и Виленским, а позже епископом Могилевским, епископ Исидор своей мудрой и миролюбивой деятельностью присоединял униатов к Православию. Он был экзархом Грузии, митрополитом Киевским и Галицким, в течение 32-х лет управлял Санкт-Петербургской епархией и здесь, входя во все нужды, был покровителем вдов и сирот.

В 1860 году митрополит Исидор был назначен митрополитом Санкт-Петербургским и членом Святейшего Синода. Из его многочисленных трудов во славу Русской Церкви нужно особо отметить синодальный перевод Библии на русский язык. И такой достойнейший пастырь стал объектом злоязычия в дневнике Богданович.

Но не только церковные иерархи попадали под пристальный и придирчивый взгляд. Вот еще одна запись от 10 декабря: «Было много народу. Рассказывали случай с княжной Львовой, которая поехала помолиться в Тихвинский монастырь. Ей там сделалось дурно, монахи ее окунули в один источник, который якобы исцеляет, но после этого на другой день она умерла. Теперь об этом так рассказывают. Версий много, есть очень грязные. Говорят, Манасеин затеял дело, но Победоносцев старается это потушить, чтобы скрыть невежество и ужасный поступок монахов».

В царствование императора Николая II при его деятельном участии прошли торжества по канонизации и обретении мощей преподобного Серафима Саровского. Сколько чудес и благодатных утешений пережил русский народ в эти дни. Очевидцы писали, какой любовью и единением со своим монархом наполнялись сердца людей. Император и многие представители царственной династии шли Крестным ходом вместе с простыми людьми. Читаем записи о событиях тех дней от 20 июля 1903 года. «Художник Чикин, которого посылали на открытие мощей св. Серафима Саровского, сказал, что там давка до того была невероятная, что казаки действовали нагайками». На этом все. Ничего более примечательного, на взгляд верующей Богданович, в этом событии не было.

Хотя, может быть, эта особенность связана с тем, что дневники были значительно сокращены советскими издателями в связи с новой атеистической идеологией и оставлены лишь записи, порочащие Церковь и ее служителей.

Переходя к заметкам Богданович о Царской фамилии и, в частности, о личности последнего императора, хочется особо отметить, что Александра Викторовна представлена ко двору не была, права входа во дворец не имела, более того, не была знакома ни с кем из представителей Царствующего Дома. Супруг ее, находившийся на государственной службе, бывал на аудиенции у двух последних императоров, но личных отношений с ними иметь не мог.

Записи о Великих Князях также не отличаются благородством, бесконечно обсуждаются любовные похождения ближайших родственников царя. Конечно, жизнь Великих Князей в период царствования Александра III и Николая II далеко не безупречна, но многие детали, описанные мемуаристкой, вызывают сомнения. Например, запись от 10 ноября 1889 года: «Рассказывал Комаров причину болезни Великого Князя Николаевича (рак на щеке), которую так рассказывают его приближенные. Когда была объявлена помолвка сына Великого Князя Петра, Числова так рассердилась на него, упрекая его, что сыну невесту нашел, а ее дочери нет, что неожиданно для него бросилась на него и дала ему пощечину. Он не удержался, ударился щекой об острый угол камина. С тех пор у него заболела щека и явилась раковая опухоль, затем рак. Долгое время у него был синяк, и он никуда не мог показаться. Все это Комаров рассказывал за достоверное».

Следующая запись от 3 декабря, касающаяся царской фамилии: «Рассказывают нам, что великий князь Алексей расстроен, что у него седеют воло-

сы: сидит перед зеркалом и с остервенением выдергивает их, то из головы, то из бороды».

Запись от 5 декабря: «Жена великого князя Александра Петровна чудит в Киеве. Устроив свой монастырь, она решила туда переселиться. Монастырь находился далеко от ее дворца. Она решила, что ее перенесут в обитель, и не иначе желала, как чтобы ее несли женщины, так как она уже несколько лет притворялась, что у нее нет ног. Это своеобразное шествие совершилось в 4 часа ночи. По глухим улицам Киева ее понесли бабы, сопровождал ее Томара (киевский губернатор). На подходе к монастырю, она вскрикнула: “Кажется, совершилось чудо, я чувствую, что могу ходить!” – встала с кресла и вошла в монастырь. Тут же она телеграфировала Государю: „Господь совершил чудо. Я получила ноги”. Это она проделала комедию».

Вообще, хочется отметить, что год от года заметки, касающиеся монархов, их жизни и окружения, становятся все более неуважительными. Если Александр II в записях Александры Викторовны Помазанник Божий, то Александр III удостаивается лишь подробностей бытового характера. Запись от 2 ноября: «Из всех петербургских разговоров выносишь тяжелое впечатление. Особенно это ярко заметно теперь. Все чувствуют, что неправильно ведется дело, что назначения на высшие места не заслуживают критики».

Об императоре Николае II некоторые современники говорили как о человеке слабом и полностью подвластном супруге, но читая заметки Богданович, находим, что и об Александре III говорили то же самое.

Запись от 2 марта 1893 года: «Сейчас говорил Самойлович, что слышал, что царица [Мария Федоровна] очень нервна, когда одевается куда-нибудь ехать, – булавками колет горничных, все сердится, так что царь должен за это всех одаривать, чтобы выносили эти капризы». От 23 марта: «Иванова говорила, будто царица, имеет такое огромное влияние на царя, что князь Хилков будет вместо Кривошеина*, и это, наверно, будет, так как Хилков пьет у нее чай, проводит вечера, словом, – принят интимно».

Как все эти пересуды похожи на те, которые будут вестись позже о последней императрице Александре Федоровне. Но в то время они уже выйдут из столичных салонов на улицу, те же обвинения будут звучать из газет и с Думских трибун**. Чем дальше читаешь дневник Богданович, тем больше утверждаешься в мысли, что десакрализация Царской власти началась задолго до правления последнего императора. Целое столетие всякого рода революционеры и либералы, а с ними вместе и многие представители высшего

* Кривошеин Александр Васильевич (1857 – 1924) – гофмейстер Высочайшего Двора, статс-секретарь, действительный статский советник, главноуправляющий землеустройством и земледелием, член Совета Русского Собрания первого состава, член Государственного Совета, в годы Гражданской войны – глава правительства Юга России.

** Лидер кадетской партии П. Н. Милуков 1 ноября 1916 года произнес речь, в которой приводил «факты», обвинявшие императрицу Александру Федоровну в государственной измене. Факты не подтвердились, но подлая клевета разошлась по стране, достигла солдатских окопов.

общества, кажется, делали все, чтобы подорвать основу жизни великой России, Богом установленную Царскую власть.

Одни разглагольствовали ради красного словца, другие действовали с определенной целью. И тех и других, и прошлых и будущих ниспровергателей и прожектеров предупреждает в своей книге «Мировая революция, или новое изгнание из рая» И. Л. Солоневич: «Не флиртуйте ни с какой революцией. Не щеголяйте ни в каких гостиных никакими фейерверками революционного красноречия. Сгорит ваша гостиная – это бы еще полбеда. Но сгорит и ваша детская».

Проанализировав записи Богданович, можно заметить, что почти все ее заметки начинаются словами: «рассказывали», «слышала», «говорят», при этом часто даже не упоминается, кто именно распространял ту или иную информацию. На этом моменте хочется остановиться подробнее. Ведь если не ясен источник, можно ли считать его достоверным? Тем более, что часто одна новость сменяется на следующий день на совершенно противоположную.

Даже после смерти императора Александра III о правителе, которого называли Миротворцем и память которого почитается всеми патриотами России, в записях Богданович от 6 июня 1896 года читаем: «Селифонтов говорил, что в России, особенно между крестьянами, память Александра III не чтима; они его не любили, радуются, что он умер, что живи он – снова они были бы закрепощены и снова бы их пороли розгами».

Перейдем, наконец, к заметкам о последнем императоре Николае Александровиче. Еще в бытность Николая II цесаревичем мы встречаем у Богданович нелицезнующие заметки о нем. В записи от 6 ноября 1889 года читаем: «Был Кушелев. Говорил, что царица последние дни что-то не весела, что возможно, что ее тревожит предстоящая женитьба цесаревича на Маргарите*, которая нехороша собой. И наследник невидный. Это навело Кушелева на мысль, что у нас выродятся царские типы. Он также говорил, что цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет встать, говорит же очень приветливо и развивается физически, но не умственно».

Сегодня эти слова приводятся как достовернейшее доказательство умственной неполноценности императора, хотя нет никаких фактов, которые бы подтверждали это мнение. Напротив, даже недоброжелатели, не питавшие симпатии к Николаю II, говорили об удивительном обаянии Государя.

Один из самых глубоких на сегодняшний день исследователей жизни и правления императора Николая II, П. В. Мультигули, пишет: «Вопреки большевистской пропаганде, Император Николай II еще до своего вступления на престол имел четкие представления о главных направлениях своей будущей геополитики»⁵.

* Принцесса Маргарита Прусская. Дочь германского императора Фридриха III и императрицы Виктории, сестра будущего императора Вильгельма II.

После кончины Александра III Николай Александрович восходит на престол. Коронационные торжества проходят в Московском Кремле. Сохранилось множество воспоминаний о том, как красивы и величественны были эти дни, но у Александры Викторовны свои осведомители: «Курис говорил, что в Москве беспорядку было много. Корона царя так была велика, что ему приходилось ее поддерживать, чтобы она совсем не свалилась...» (22 мая 1896 года). Про Ходынскую трагедию упоминается вскользь и в самых ужасающих подробностях. Запись от 29 мая: «Стеблин-Каменский говорил, что во время народного гуляния не успели убрать все трупы задавленных с Ходынского поля. Вследствие этого, так как публика наезжала, не зная о случившемся, на виду у всех запикивали умерших под лавки балаганов, на которых сидел народ, смотревший на представления клоунов и другие зрелища».

Николай и Александра

Пока великосветская чернь обсуждала подробности трагедии, бросая тень подозрения на императора, Николай II, молодая и вдовствующая императрицы, искренне переживая о погибших, посещали больницы, где находились раненые, присутствовали на панихидах. Из личных средств императора была выделена материальная помощь пострадавшим. В этой трагедии проявились истинно отеческие чувства русского царя, который воспринимал погибших не как безликую массу, а как любимых чад. По распоряжению императора умерших похоронили за его счет в отдельных гробах, а не в общей могиле, а их семьям и семьям пострадавших было выплачено по тысяче золотых рублей.

Императрица Мария Федоровна писала в это время: «Я была в отчаянии при виде в госпитале всех этих бедных раненых, наполовину раздавленных, почти каждый из них потерял кого-нибудь из родных. Это было ужасно! Но в то же время они были так велики и возвышенны в своей простоте, что очень хотелось встать перед ними на колени. Они были так трогательны, не обвиняя никого, кроме самих себя. “Мы сами виноваты”, – говорили они и сожалели, что огорчили царя! Да, они были прекрасны, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу. Остальным классам следовало бы брать с них пример, а не грызться между собой и, особенно, не возбуждать своим буйством, своей жестоко-

стью умы до такого состояния, которое я еще никогда не видела за 30 лет моего пребывания в России»⁶.

В современном учебнике истории о последнем императоре пишется, как о человеке безвольном. Цитируем дословно: «Его считали слабым правителем, находившимся сначала под влиянием матери, а потом жены Александры Федоровны. Говорили, что последнее слово всегда оставалось за последним советником, с которым он разговаривал. На самом деле последнее слово оставалось за тем, кто разделял взгляды императора»⁷. Авторы учебника, чувствуется, хорошо знакомы с воспоминаниями А. В. Богданович, потому что слова эти взяты из ее записок от 25 февраля 1898 года: «...Общее мнение о царе, что у него нет своего мнения: всякий, кто последний с ним говорит, тот и прав в его глазах». От 30 апреля: «...Про царя все одно и то же говорят, что он с каждым, кто с ним поговорил, соглашается».

Но в записях есть и другие мнения, о которых умалчивают сегодняшние «специалисты»: «По словам Клейгельса, царь, хотя всех и выслушивает, но действует самостоятельно», – запись от 24 февраля 1899 года.

Можно ли довольствоваться мнением света в оценке личных качеств государя Николая II? Когда в Русской Зарубежной Церкви готовились материалы для канонизации царственных страстотерпцев, в свет вышла небольшая книга Е. Е. Алферьева «Император Николай II как человек сильной воли». В ней он проводит несколько параллелей, сравнивая монархов Европы с русским императором. «К примеру, Король Эдуард VII, унаследовавший от своей матери, королевы Виктории, великую империю, окончательно свел роль английского конституционного монарха к нулю. Но, несмотря на то, что он вошел в историю лишь как законодатель мужских мод, почти не занимался государственными делами и отличался исключительной ленивостью и весьма сомнительной нравственностью, он никогда не подвергался критике, как неспособный, слабовольный и безответственный монарх, но, напротив, до сих пор пользуется в англо-саксонском мире положительной оценкой»⁸.

А вот как отзывался об императоре Николае II в своих воспоминаниях президент Французской Республики Эмиль Лубе. «О русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится безпрестанно»⁹.

Рассматривая взгляды представителей общества того времени, особенно входивших в т. н. элиту, не перестаешь удивляться, как люди все более и более отдалялись от монархических настроений. Их недовольство выражалось во всем. Осуждались внешняя политика, внутренние реформы, назначения министров. Не ограничиваясь государственными делами, переходили на личные. Не нравилось, как ведет себя царь, как он выглядит, что говорит. Думается, что это постоянное недовольство всем и вся и привело к катастрофе 1917 года. Осмысляя то время, церковный историк протоиерей В. Ас-

мус констатировал, что «отречение было вынужденным, и можно говорить по существу не столько об отречении Николая II от царской власти, сколько об отречении русского народа в лице самых видных своих представителей от Николая II и от монархии»¹⁰.

Вернемся к кропотливому труду А. В. Богданович. Запись от 22 февраля 1898 года: «Романченко говорил, что проходивший возле сада Зимнего дворца мальчик рассказал ему, что посмотрев в щелку забора, он увидел в саду царя с двумя собаками; царь бросал палку, которую собаки ловили, при этом царь тоже бегал с собаками. По всему видно, что царь еще молод, что подобные развлечения ему интереснее, чем доклады министров, которые ему приходится выслушивать».

Император Николай Александрович

От 12 августа 1905 года: «Сегодня в “Правительственном вестнике” напечатана следующая речь царя во Пскове на приеме псковского дворянства: “Господа, от имени государыни императрицы и моего выражаю вам нашу искреннюю благодарность за сердечный, радушный истинно русский прием, который мы нашли в этих стенах. Пью за дальнейшее процветание псковского дворянства. За ваше здоровье, господа”. Е. В. [супруг А. В. Богданович] нашел, что царь взял слишком уж приподнятый тон, не надо было так много благодарить, а особенно – говорить “пью”. Е. В. не любит, когда это слово встречается в депешах и словах царя, а оно у царя очень часто встречается; без преувеличения можно сказать, что во всех почти его речах и телеграммах».

По этим замечаниям последний монарх предстает перед нами недалеким, слабым, инфантильным человеком. Но в действительности все было совсем не так. Стоит рассмотреть правление императора Николая II с точки зрения фактов, и картина становится совершенно иной. П. В. Мультипули пишет: «В царствование Николая II явно произошел демографический взрыв. <...> За 22 года его царствования население Российской империи выросло на 50 миллионов! Мы сейчас говорим об удвоении ВВП – в царствование Николая II Россия входила даже не в пятерку, а в тройку самых экономически сильных государств мира». «К эпохе Николая II как нельзя лучше подходит слово “первый”: первая кинохроника, первый трамвай, первый самолет, пер-

вый автомобиль, первая гидроэлектростанция, первый электроплуг, первая подводная лодка. Все это появлялось в России впервые, и каждое техническое новшество не оставалось без внимания Государя, а то и вводилось по его инициативе»¹¹.

Но несмотря на это, люди, которые, должны были быть опорой монархии и помазанника Божия, не стесняясь писали в своих дневниках в феврале 1904 года: «Прямо противно это теперешнее настроение якобы “положительных”, “уравновешенных” патриотов, людей известного возраста. С ними творится что-то необычайное, они верят в “неограниченное” самодержавие, о котором говорит безвольный, малодушный царь, радуются этим словам, как первой победе над либералами-конституционалистами и революционерами, не понимая, что эти слова приближают только час кровавой развязки. Все эти пустые восторги над пустыми словами царя мне кажутся такими жалкими, смешными, и мне совестно слышать все это от серьезных людей».

Приведем здесь высказывание известного русского философа о. Сергия Булгакова об отношении к монархии, которое неразрывно связано с почтительным отношением лично к монарху. В автобиографической повести мыслителя читаем: «Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется, в 1909 году. Когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной, я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение ему тоже может быть крестом Христовым во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали как самоцветы черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была низвергнута во имя теократии в образе царской власти»¹².

Даже поступки царя, которые с человеческой точки зрения говорят о его милосердии и показывают его истинным христианином, в записях Богданович глумливо осуждаются. По слову апостола: *для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных ничего чистого, но осквернены ум их и совесть* (Тит. 1, 15). «Рассказывают, что теперь фаворитом является адъютант Бирилева Погуляев, которого цари возлюбили донельзя. Он себе на днях повредил ногу и по этому случаю получил из Петергофа депешу, что там за него тревожатся, как он провел ночь, лучше ли ему? Депеша подписана: “Николай и Александр”. Это ли не самодурство!» – 5 октября 1906 года.

К сожалению, А. В. Богданович была не одинока в своих взглядах. Множество людей, стоявших рядом с престолом и благодетельствованных монархом, не имели ни благодарности, ни уважения к царю. «Вчера А. Г. Вишняков был у царя, благодарил за алмазы на Александра Невского, говорит, что царь не находчив – если человек ему мало знаком, он стесняется с ним говорить», – читаем в записи от 31 января 1908 года.

Позднее, когда всю русскую историю перепишут, царскую власть назовут тяжким гнетом, а императора – главным угнетателем, тогда уже не будут стесняться в выражениях и императора Николая II назовут в учебниках для детей «кровавым». Много будет там сказано о несметных богатствах царя, которые он нажил за счет трудового народа, но начало эта ложь берет из источников, подобных приводимому нами дневнику. Читаем далее: «Молодая царица так избалована, что ей не по вкусу самые дорогие бриллианты и прочее – все ей мало, все не нравится. Ванновский сказал про молодую царицу, что в Петербурге ее называют горбом царя, что ее терпеть не могут, что маленький сад, который по ее желанию устроили возле Зимнего дворца, сделал ее еще более ненавистной народу, так как город ради этого сада обложил лишним рублем мещанское сословие», – запись от 1 ноября 1897 года. Интересно, что тут же, через несколько страниц, мы встречаем мнение автора записок о самом Ванновском: «20 февраля 1898 года. Пантелеев доволен, что председателем комиссии по расследованию назначен Ванновский, он думает, что он будет беспристрастен. По-моему, вряд ли. Ванновский – мелочный, дрянной человек».

«Только вчера царь с семьей прибыл в Ялту. Зелень и цветы на набережной были подновлены. Сколько это стоило городу!» И все это пишется несмотря на то, что сами супруги не были обойдены монаршей милостью. «В честь 80-летия Богдановича император назначил ему пожизненно негласное пособие в размере двух тысяч рублей в год. А чтобы оплатить долги юбиляра, из казенных сумм было ассигновано единовременно двадцать тысяч рублей».

Рассматривая проблему десакрализации монархической власти и намеренное искажение личности государя Николая II, нельзя не обратиться к образу его благочестивой супруги, императрицы Александры Федоровны, которая понесла вместе с ним тяжкий крест бремени царской власти. Немецкая принцесса по крови, она смогла стать истинно русской царицей. Она сохранила верность своему супругу-императору, стране, которая стала ее второй родиной и горячо любимому народу до мученической кончины. Тем не менее, наверное, никто из представителей царской семьи не испытал на себе столько неприязни и клеветы, сколько перенесла ее последняя императрица. Дневники Богданович один из ярчайших примеров измышлений, порочащих святую царицу.

Императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, в первый раз побывала в России, когда ей исполнилось двенадцать лет. Родная сестра Алисы Элла [будущая преподобномученица Елизавета] выходила замуж за Великого Князя Сергея Александровича, тогда Алиса и познакомилась с шестнадцатилетним наследником, цесаревичем Николаем. Со временем детское чувство влюбленности переросло в настоящую любовь. Сегодня изданы их дневники и переписка, и мы можем проследить, как с годами крепили их чувства и сколько препятствий им пришлось преодолеть, чтобы соединить свои жизни.

Император Николай II. Санкт-Петербург. 1894 г.

Принцесса Алиса Гессенская. 1894 г.

В записях Богданович имя будущей последней российской императрицы появляется еще до помолвки. Она записывает 31 мая 1893 года: «Мокринская рассказывала, что цесаревич ведет очень несерьезную жизнь, что про это говорят все в Петербурге. Говорила она также, что цесаревич не желает царствовать, не желает жениться». «Датская королева хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника». В то же время в дневнике наследника 8 апреля 1894 года читаем: «Чудесный, незабываемый день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой Аликс. После 10 часов она приехала к тете Михен, после разговора с ней мы поговорили между собой. Господи, какая тяжесть спала с моих плеч, какую радость мы доставим Папе и Маме. Я хожу весь день словно вне себя, не вполне сознавая полностью, что со мной происходит!»¹³. Вот еще выдержка из письма цесаревича к своей августейшей матери: «Милая, дорогая, безценная Мама. Ты не можешь представить, как я несказанно счастлив. Свершилось, я жених Аликс... Сегодня утром нас оставили одних, и тут с первых же слов она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной. Я плакал как ребенок, и она тоже. Но лицо ее выражало полное довольство. Нет, дорогая Мама, я не могу выразить Вам, как я счастлив, и в то же время, как мне жаль, что я не могу прижать к своему сердцу Вас и моего дорогого Папа»¹⁴.

Почти в те же самые дни Богданович пишет: «Валь говорил, что была большая сцена между царем и цесаревичем перед отъездом за границу. Сын не хотел ехать. Теперь телеграфировал, что исполняет волю царя – женится». На этом примере можно увидеть, насколько мнения окружающих царскую семью людей далеки от реальности.

В 1894 году принцесса Алиса Гессенская прибыла в Россию помолвленной невестой Цесаревича. Она приехала к одру умирающего императора Александра III. Помолиться о здравии императора призвали святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн совершил чин присоединения к Православию принцессы Алисы, и она получила новое имя Александры Федоровны. После безвременной кончины Государя императора Александра III цесаревич Николай становится императором Николаем II.

Трудно представить те чувства, которые испытала юная царица, за столь короткий срок ставшая супругой всероссийского императора. Все для нее было новым, почти неизвестным: родина, религия, родственники, – все это совпало с горем, которое постигло царскую семью. Позже Александра Федоровна вспоминала: «Так я въехала в Россию. Государь был слишком поглощен событиями, чтобы уделять мне много времени, и я холодела от робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была как бы продолжением панихид, только что меня одели в белое платье».

Высшее общество встретило новую императрицу настороженно, даже с неприязнью, что отразилось в заметках Богданович от 26 ноября 1894 года: «Новую царицу не хвалят, находят, что у нее злое выражение лица, и что смотрит она исподлобья». От 6 июня 1896 года: «Молодую царицу считают “человеком, приносящим несчастье”, что всегда с ней рядом идет горе». От 29 апреля 1898 года: «Шамшина много говорила про непопулярность молодой царицы, которая с каждым днем все менее и менее любима». От 25 апреля 1905 года: «Про молодую царицу кто-то недавно сказал, Палтов (адмирал) или Путьтин (Н. С.), что только ее одну царь слушает. Это печально, так как она Россия и русских людей не любит и им не симпатизирует».

В воспоминаниях младшей сестры императора Николая II великой княгини Ольги Александровны описана эта нелюбовь света к молодой царице: «Из всех нас, Романовых, Алики наиболее часто была объектом клеветы. С навешенными на нее ярлыками она так и вошла в историю. Я уже не в состоянии читать всю ложь и все гнусные измышления, которые написаны про нее. Даже в нашей семье никто никогда не пытался понять ее. Исключение составляли мы с моей сестрой Ксенией и тетя Ольга. Помню, когда я еще была подростком, на каждом шагу происходили вещи, возмущавшие меня до глубины души. Что бы Алики ни делала, все, по мнению Двора, Мама, было не так, как должно быть. Однажды у нее была ужасная головная боль; придя на обед, она была бледна. И тут я услышала, как сплетницы стали утверждать, будто она не в духе из-за того, что Мама разговаривала с Ники по поводу назначения каких-то министров. Даже в самый первый год ее пребывания в Аничко-

вом дворце – я это хорошо помню – стоило Алики улыбнуться, как злойки за-являли, будто она насмешничает. Если у нее был серьезный вид, говорили, что она сердится»¹⁵.

Многие исследователи жизни последнего императора и его семьи писали о нелюбви в высшем обществе к Александре Федоровне, но мало кто задумывался, отчего это происходило. Говорили о том, что царица холодна и высокомерна, не любит многолюдных собраний и всю любовь сосредоточила на своей семье и узком круге близких людей.

Причины же нелюбви к царице крылись в том, что жизнь и духовный её облик были чужды и непонятны тем людям, которые сочиняли о ней грязные небылицы. В воспоминаниях последнего товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова описано впечатление от встречи с Царицей.

«Я сделал низкий поклон и, подойдя к Ея Величеству, поцеловал протянутую мне руку.

– Я уже давно слышала о Вас и следила за вашей работой в Белгороде и Бари, и хотела познакомиться с вами... Садитесь, пожалуйста, сюда, – встретила меня Императрица, указывая кресло подле себя.

Это было сказано так просто, так естественно, как не говорила со мною ни одна из тех светских дам столичного beau-mond'a, с которыми мне приходилось встречаться... Я сразу почувствовал ту искренность, которая дала мне уверенность в себе и позволила говорить без той связанности, которая является, когда нет уверенности в ответной искренности собеседника. Впрочем, и с внешней стороны Императрица не была похожа на этих дам. Главное, что отличало Императрицу, было это отсутствие напыщенности и рисовки, чистота и непосредственность движений, отсутствие заботы о производимом впечатлении... Я видел перед собой простую, искреннюю, полную бесконечно-го доброжелательства женщину, кроткую и смиренную. «Где же надменность и высокомерие?» – пронеслось в моем сознании в этот момент моей первой встречи с Государыней»¹⁶.

Вспоминая эту встречу с императрицей, Н. Д. Жевахов писал: «Как люди злы! Не знаю даже, чего больше, злобы или слепоты. Чего только не говорят об Императрице, а, право, я еще не видел большей искренности, простоты, более горячей любви к России, более сознательного служения ей... Кто мне поверит, если я скажу, что Царь и Царица даже не похожи на наших современных аристократов, что если бы они не были Царями, то наше великосветское общество даже не приняло бы их в свою среду. Они слишком хороши, слишком просты и естественны, слишком искренни, и в гостинной Императрицы нет ничего, что бы напоминало специфический запах салонов, где под личиною светскости и “такта” кроется так много лжи, лукавства, зависти, интриг и всякого рода нечисти...»¹⁷.

Из года в год записи про императрицу становятся все более безжалостными и похожими на базарные сплетни. Особую неприязнь и осуждение вы-

Семья Николая II. 1913 г.

зывала чистая вера императрицы. В обществе, отступившем в большинстве своем от Бога, вера царственных мучеников считалась фанатизмом. Обратимся вновь к записям Богданович, которые, как в зеркале, отражали мнения «света». От 9 марта 1909 года: «Сегодня у Е[вгения] В[асильевича] был Радциг. Когда зашла речь про царицу, он только махнул рукой, сказав при этом, что она уж через край богомольна, ездит теперь все в собор».

Особым нападкам подвергалась искренняя дружба императрицы с Анной Александровной Танеевой-Вырубовой. Какое-то время Вырубова была фрейлиной императрицы, затем она вышла замуж. Брак оказался очень неудачным, муж ее страдал психическим расстройством, и вскоре они развелись. Александра Федоровна искренне жалела молодую женщину. У Анны Александровны было чистое сердце, искреннее отношение к людям и, что еще более роднило ее с императрицей, – горячая православная вера. Когда в февральскую революцию ближайшая подруга государыни будет арестована, и на допросе ей станут задавать странные вопросы о том, «когда она была “захвачена” религиозным настроением, то она с улыбкой будет отвечать: “Я всегда верила в Бога, ... никакого религиозного экстаза у меня нет. Я верю в Бога,

Фрейлина императрицы Анна Вырубова

Император Николай II,
императрица Александра Федоровна,
великие княжны Ольга и Татьяна

как все православные женщины”». Вот именно эти слова могут раскрыть то, почему сама Анна Александровна и ее отношения с государыней Александрой Федоровной вызывали столько неприязни и клеветы: потому, что среди высшего общества, интеллигенции простая вера, простые дружеские отношения не существовали. О том, что творилось в умах и сердцах этих господ, мы читаем в записках А. В. Богданович и ей подобных.

Чем дальше читаешь эти записи, так называемый документ эпохи, тем более погружаешься в атмосферу беспросветной лжи, которая царил в умах и сердцах. Не хочется продолжать эти пасквили на царскую семью, которая претерпела мученичество и ныне у престола Божия молится за всех нас.

Нужно заметить, что записи Богданович с годами становятся все более отталкивающими. Если в первые годы она пишет о политике, о том, что происходит в литературе, прессе, то в последние годы все интересы сосредоточены на грязных слухах вокруг престола.

Как справедливо заметил лейб-медик Е. С. Боткин, который разделил с царственными страстотерпцами арест, ссылку и мученический венец, «если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи, подготовители революции, создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубой, из меня, из кого хочешь»¹⁸.

Подходя к окончанию разбора записок А. В. Богданович, хочется выделить несколько аспектов в их анализе.

Во-первых, можно ли верить воспоминаниям о Николае II современников, чей нравственный облик вызывает сомнение. Ведь в зеркале своих записок А. В. Богданович отразилась как человек, который неуважительно относится к церковным иерархам, верит всяческим сплетням и слухам, не видим мы в ней и человека верующего. Называясь монархистами, она и ее супруг постоянно сомневаются в своих монархах, считают их жизнь достойной порицания, а государственные деяния подвергают безконечной критике. А ведь правление последних императоров XIX века – это время расцвета и мощи Российского государства. Во время правления Николая II Россия поднялась до невиданной высоты экономического развития.

Отношения в семейной жизни последних государей можно ставить в пример, что доказывают многочисленные источники, их переписка и дневниковые записи. Ничего из этого нет в записях А. В. Богданович.

Во-вторых, как уже упоминалось ранее, «достоверная информация» бралась из недостоверных источников. Многие «корреспонденты» имеют репутацию не очень порядочных людей. Обратимся вновь к А. Н. Боханову. «Покидая дворцовые пределы, “служители престола”, от горничных, лакеев и камердинеров до фрейлин, камергеров и гофмейстеров включительно, отправлялись в Петербург к знакомым, кто познатнее, – в столичные салоны, где смачно, с множеством придуманных “живописных” деталей разглагольствовали об “ужасных” нравах при Дворе»¹⁹.

Теперь хочется задать вопрос, можно ли доверять тому, что так красочно описано в книге, переизданной множество раз? Можно ли полагаться на такие воспоминания, если мы пишем о последнем российском императоре? Скорее, это картина вырождения самого российского общества, а записи Богданович – отражение состояния элиты перед катастрофой 1917 года. Этим объясняется, откуда взялись все ужасы революции, а затем гражданской войны. Все зарождалось в умах людей, потерявших сначала веру, затем благоговейное отношение к монархии, а после и элементарное уважение к власти

*Император Николай II и цесаревич Алексей.
1913 г.*

вообще. И на фоне этого безумия еще чище и выше становится образ нашего последнего Государя Николая II и его прекрасной семьи. Нужно ли вообще читать книгу Богданович? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Думается, что люди, которые интересуются жизнью последнего императора, могут через нее почувствовать, как тяжел был крест царской власти, и что мученический подвиг государя и его супруги начался задолго до 1917 года. Но, к сожалению, сегодня часто выдержки из дневников А. В. Богданович подаются в современной литературе как истина в последней инстанции. Особенно же недопустимо то, что даже без ссылок на этот «дневник» мнение с его страниц о царе переходит в учебники истории, по которым учатся наши дети, и в книги о Николае II, по которым судят о царе-страстотерпце наши современники.

По словам А. Н. Боханова, «Николай II – последний христианский Царь в мировой истории. Человек и Христианин в Нем слились неразделимо. Это – выдающийся пример нравственной гармонии, имеющий надвременное значение, пример простой, высокой и неразделенной любви к Богу и России. У него можно было все отнять, можно было подвергать любым истязаниям, но его нельзя было принудить изменить Богу и предать любовь к Отчизне. Он был “выточен” из той же кремневой породы верующих, что и первохристиане»²⁰.

Закончить же это небольшое исследование хочется словами апостола Павла из его послания к ефесянам: *Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть. Посему сказано: «встань спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос»* (Еф. 5,11 – 14). Эти слова сквозь тысячелетия обращены ко всем людям. Современники императора Николая II уже сделали свой выбор. Сегодня эти слова обращены к нам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.-Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924.

² Боханов А. Н. Оклеветанная Анна // М.: Вече, 2013. С. 78.

³ Боханов А. Н. Указ. соч.

⁴ Леонов М. М. А. В. Богданович и ее салон // Научные ведомости. 2009. №15 (70). С. 131.

⁵ Мультатули П. В. Император Николай II. Крестный путь. М.: ФИВ, 2013. С. 217.

⁶ Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. М.: Вече, 2013. С. 88.

⁷ Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России XX – начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2007. С. 19.

⁸ *Алферьев Е.Е.* Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления жития Св. Благочестивейшаго Царя-Мученика Николая Великаго Стратотерпца. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1983. С. 21.

⁹ *Алферьев Е. Е.* Указ. соч. С. 60.

¹⁰ *Неизвестный император.* Беседа с протоиереем Валентином Асмусом // Портал «Православие.Ру», 2000 г. 21 мая.

¹¹ *Мультатули П. В.* Мифы красных о Белом Царе // Журнал «Духовный Собеседник». 2014. №4(72). С. 60, 62.

¹² *Кудрина Ю. В.* Указ. соч. С. 143.

¹³ *Дивный свет.* Дневниковые записи, переписка, жизнеописание Государыни Императрицы Александры Феодоровны Романовой. М.: Издательский дом «Русский Паломникъ», 2014. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ *Воррес Йен.* Мемуары последней Великой Княгини Ольги Александровны, 1960.

¹⁶ *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища Обер-прокурора Святейшего Синода. Спб.: Царское дело, 2014. С. 311.

¹⁷ *Жевахов Н. Д.* Указ. соч. С. 90.

¹⁸ *Боханов А. Н.* Указ. соч. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ *Боханов. А. Н.* Последний Царь. М.: Вече, 2006. С. 5.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ НАРОД» В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

В данной главе будет рассмотрена тема оценки состояния русского народа и идеологии черной сотни. Успешное решение поставленной задачи может быть достигнуто только при определении содержательной трактовки понятий «народ» и «нация», присущих правомонархической доктрине. Крайне правые не приняли получившее распространение на Западе определение, смысловое содержание и трактовку понятия нации. Консервативные корни и русоцентричный характер черносотенной доктрины заставляли их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшегося как сугубо национальная категория, ограниченная национальными традициями. Отказавшись от решения всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности, в русском консерватизме, а не в западных учениях.

Воспринятые русскими националистами идеи европейских мыслителей о неравенстве рас и народов были отвергнуты отечественной консервативной мыслью, стоявшей на позициях признания социальной иерархии, а не этнической¹. А. В. Репников отмечал, что русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа и не рассматривали развитие комплекса идей национальной исключительности как панацею от социальных бед². Данная мысль находила свое отражение и на страницах правомонархической прессы, в которой нередки были случаи жесткой критики русского народа как основного виновника собственных проблем из-за утраты религиозности.

Препятствующим фактором для восприятия крайне правыми расистских идей был присущий им религиозный подход, ставивший приоритет духовного очищения субъекта (нация, человек) перед социально-политическими преобразованиями социума на основе умозрительных доктрин, т.к. источниками нестроений рассматривались причины морального порядка, а не социальные условия жизни³. Идеи расового превосходства и этнической чистоты не могли быть восприняты черносотенцами в силу их антихристианского характера, поэтому плодородную почву для их утверждения представляли секуляризированные сегменты российского политического сообщества, черпавшего идейные новации за рубежом.

Размолodin М. Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Монография / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: Ньюанс, 2-е издание, доп. и перераб., 2013.

Концепция русской народности в теоретических построениях идеологов правомонархических организаций рассматривалась как защитно-охранительный комплекс идей, выполнявший мобилизующую функцию по защите основ традиционного русского общества, но не фундамент для разжигания ксенофобии и ненависти к представителям других этносов. Включенная в основополагающие документы крайне правых организаций формула «Россия для русских» в «Обращении» Союза русских людей расшифровывалась следующим образом: «Державные права русской народности суть: первенство Православной Церкви, самодержавная власть русского царя, единство строя и подчиненности Государю императору сухопутных и морских военных сил Российской империи и общегосударственное значение русского языка»⁴. С этой точки зрения лозунг утверждал Россию как духовно-территориальное пространство для лиц, рассматривавших Русь как оплот святости и место спасения во Христе. Приоритетом здесь выступала проблема сохранения незабываемости духовных ценностей русского культурно-исторического сообщества от влияния чуждых идеологий.

Пытаясь дистанцироваться от националистов, правомонархисты отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина «нация», заменив его народностью. Руководствуясь необходимостью сохранения «единой и неделимой России», идеологи черной сотни осудили этнический национализм, видя в нем конфликтный потенциал осложнения межнациональных отношений в стране. Не желая безоговорочно опираться на теории западных националистов и расистов, они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов. Их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений, поэтому даже сам термин «национализм» черносотенцы считали несостоятельным и неприменимым к России. Он был привнесен с Запада, будучи рожден в других социокультурных условиях и среде. Его иностранное происхождение как проявление антиправославной западной мысли пугало их, а потому, по мнению правомонархистов, он был малопригоден для реализации практических задач по стабилизации социальных и гармонизации межнациональных отношений в России⁵.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия «нация». В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по крови и единства этнического происхождения черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» националистов крайне правым казалось недостаточным: «Националисты не считают единство, религию и политический строй за устои государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет, так пусть и понимает», – писало «Русское знамя»⁶.

Занятия в русско-туземной школе

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы использовали теоретические наработки славянофилов. Народность рассматривалась в нераздельности с Православием и самодержавием и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (самодержавие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанном в мае 1912 года IV Всероссийским съездом Союза русского народа и V Всероссийским съездом русских людей: «...народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своеобразной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)»⁷.

Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как исторически сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всею русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального самодовления (удовлетворения своих нужд). Культурный компонент народности определялся как идентичность самознания народа, обусловленная общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в Отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому имела второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских

монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаев и просвещения (культуры), единство: 1) веры, 2) царства и 3) земли»⁸.

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политико-идеологическое, культурно-историческое и соборное единство русских людей⁹. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в которое националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более общим по объему и менее содержательным по сути: «Нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разно верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя эти два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности. «Национальность может обходиться без веры и вероисповедания (французы), рода и племени (австрияки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыгане, жиды)», – утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «нацию». «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною, не русскою национальностью», – говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов¹⁰.

Народности противопоставлялся и космополитизм, давая определение которому, крайне правые делали акцент на отсутствии у него каких-либо атрибутов, присущих как понятию народности, так и нации: «Учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое охватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности»¹¹. По мнению черносотенцев, в утверждении космополитизма были заинтересованы «паразитное жидовство и масонство», которые посредством внедрения его в сознание народов пытались ликвидировать охранительно-защитную функцию нации-народности и обеспечить себе доступ к власти и национальным богатствам страны. В этой связи повсеместное внедрение на Западе понятия нации в вышеуказанной трактовке рассматривалось ими как переходный этап к космополитизму: на пути «прогресса» нация постепенно теряла бы один за другим свои защитные компоненты, разлагалась и превращалась в лишенную национальных черт людскую массу – объект для эксплуатации еврейских банкиров и промышленников. Космополитизму противопоставлялось христианство, которое «объединяет все народы без разрушения народного облика, масонство же стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». Исходя из вышеизложенного, заявлялось, что и национализм

и космополитизм для русской народности одинаково вредны, так как разрушают «народность русскую, уничтожают, в конце концов, русскую государственность и русскую церковность»¹².

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: Православия, самодержавия и народности. В мае 1907 года газета «Русское знамя» кратко, но емко утверждала: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском»¹³. Они стали идентификационными чертами истинно русского человека. «...Три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае, твердо начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге», – утверждалось в постановлениях III Всероссийского съезда русских людей¹⁴. Состоявшийся в ноябре 1911 года в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа к истинно русским относил лиц, «твердо, до самоубийства исповедующих наши святыя основоположения, единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя»¹⁵.

Рассмотрим подробнее систему аргументации, предлагаемую черносотенцами при определении понятия русской народности.

1. Принадлежность к Православию как трактовка русскости. Основной характеристикой русскости являлась православная религиозная традиция, сформировавшая за тысячелетнюю историю русский народ, систему его взглядов и определившая его национальный облик. По заявлению состоявшегося в 1909 году в Москве Монархического съезда, Православие «создало сущность русской национальности, всегда являлось единственно прочным и жизнеспособным началом...»¹⁶. Черносотенное «Русское знамя» писало, что Православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него»¹⁷. Тезис о роли Русской Православной Церкви был заимствован у русских консерваторов и почвенников, в частности, у Ф. М. Достоевского, писавшего: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие – все»¹⁸. Данное мнение позже поддержал И. А. Ильин в работе «О России. Три речи», заявивший: «Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания – и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета*»; и в короновании Царя, и в борьбе за единство и свободу Отчизны. Оно научило нас желанию быть Святою Русью»¹⁹.

Черносотенцы рассматривали Православие как национальную веру, ставшую стержневым элементом складывания самобытного облика русского на-

*«Свет Христов просвещает всех» – слова, начертанные на здании Императорского Московского университета.

рода. Исходя из разработок консервативных мыслителей Ф. М. Достоевского и И. А. Ильина, народ в крайне правой системе взглядов воспринимался не только как субъект истории, социальный организм, но как духовная общность. Черносотенцы подчеркивали, что влияние Православия и русского народа друг на друга было обоюдным. За многовековую историю взаимоотношений Православие, по выражению крайне правой прессы, «прониклось духовными запросами русского племени, став его народной верой». Сохранив неприкосновенную чистоту догматов, Русская Православная Церковь приобрела национальный характер...», – заявлял в марте 1907 года на монархическом собрании студент-академик Б. Надеждин²⁰.

Из данного посыла следовал тезис об определяющей роли Православия в формировании самой русской народности и выработке ее отличительных от других народов черт. «Русское народное самосознание верой православной, которая и положила в основу русской государственности не деспотическую (варварскую) силу, а начала христианской любви и нравственности, рождено, воспитано, укреплено и освящено», – говорилось в официальном документе Союза русского народа²¹. Русская Православная Церковь выработала единую систему нравственных идеалов и духовных принципов русского народа, в частности, понятия совести, справедливости, святости, греха, правды, добра и зла, милосердия, братства, чувство достоинства, сочувствие к бедному, слабому, больному, ответственность гражданина перед царем и Богом²².

Вслед за основоположниками славянофильской и «официально народной» доктрин черносотенцы указывали на православную религиозность как фактор, обеспечивающий наличие у русского народа таких духовно-нравственных качеств, как верность, взаимоподдержка, жертвенность, соборность, солидарность, терпение, позволивших России выстоять в тяжелые исторические периоды, выдержать внешний натиск, создать великую империю: «Прошедший тяжелый исторический путь, не раз оказываясь на краю гибели, русский народ выработал в себе непреодолимую стойкость и крепость духа, готовность к перенесению невзгод и готовность к страданиям»²³. Православие проникло во все сферы жизни русского народа, став основой его политической, общественной и семейной жизни, что давало огромную нравственную силу и христианское терпение переносить страшные потрясения русской истории: удельное время, монгольское иго, Смутное время, крепостное право, нашествие Наполеона²⁴.

Успех Православия объяснялся его соответствием характеру и духовным потребностям русского народа, которому черносотенцы приписывали природную религиозность и вечный поиск божественной истины. Идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев* утверждал, что христианское учение пу-

*Бартенев Юрий Петрович (1866 – 1908) – публицист-славянофил, общественный деятель, участник монархического движения в Москве, один из организаторов и руководителей Союза русских людей и Всенародного Русского Союза, член Русского Собрания и Русского Монархического Собрания.

стило глубокие корни в менталитете русских: «Русский народ, глубоко проникшись бытовою стороною Православия, смотрит на жизнь земную как на подготовку к бытию загробному...»²⁵. Присущая русскому национальному типу религиозность как психологическая черта подчеркивалась и «Русским знаменем»: «Русский народ – религиозный по преимуществу, начиная крестьянином и кончая дворянином. Искание Бога живого составляет ту характерную особенность русского человека, которую не отрицают и враждебные духу народному выродки русского общества, всевозможные “левые”»²⁶. Соответствие православного вероучения духовным исканиям восточных славян утверждалось и в программных документах крайне правых организаций. «...Русский народ на заре народной своей жизни... воспринял христианство православное, а не инославное, и потому, что само Православие сохранило истину во всей ее целостности и неприкосновенности», – говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов²⁷.

По мнению крайне правых, Православие наиболее отвечало характеру и психологическим чертам восточного славянства, что сделало процесс восприятия «греческой веры» безболезненным. При выборе религии русский народ «инстинктивно почуял, что только Православие дает “полную свободу и господство совести”». Потребность в совести составляла уникальную черту восточного славянства, проявлявшуюся даже в их языческой мифологии: в ней нет вражды, крови, насилия, которыми проникнуты мифы западных народов. «Языческие боги славян были добродушными и бескорыстными, как и сами славяне», – писала черносотенная пресса²⁸.

Приоритет религиозного компонента над этническим при определении национальности распространялся и на другие народы. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания крайне правой литературы: «В Германии мужик и лютеранин, и католик, и реформатор, – как придется. Во Франции – мужик католик, кальвинист и гугенот. В России же мужик только православный». «И как русского человека нельзя представить себе иначе как православным, так и поляка иначе как католиком, татарина иначе как магометанином»²⁹.

Исходя из этого тезиса, черносотенцы делали вывод, что утрата духовного компонента приводила к потере принадлежности к народу. Вслед за Федором Достоевским, утверждавшим, что «неправославный человек не может быть русским», принадлежность к Православию провозглашалась черносотенцами как главный признак русскости. В несколько иной интерпретации эта мысль была озвучена видным черносотенцем Н. Е. Марковым* в ноябре 1915 года на Всероссийском монархическом совещании в Нижнем Новгороде: «Русский народ крепко связан своими верованиями, и если он пере-

*Марков Николай Евгеньевич (1866 – 1945) – политический и общественный деятель, публицист, председатель Главного Совета Союза русского народа, лидер фракции правых III и IV Гос. Думы, видный монархический деятель в годы Гражданской войны и эмиграции, руководитель Союза Верных, председатель Высшего Монархического Совета.

станет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»³⁰.

Данное положение было зафиксировано в большинстве программных и руководящих документов крайне правых, в частности, в «Памятке» Союза Михаила Архангела. Измена Православию неизбежно вела в стан врагов Родины, что было сформулировано одним из видных черносотенцев Густавом Шмидтом*: «Потеряв веру, русские становятся космополитами и революционерами»³¹. Даже принятие инославной христианской веры не могло спасти от данного приговора: «Русский человек, соvrащенный в баптизм или другую секту, перестает быть русским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма, его родиной становится Германия, и облик этого русского делается немецким»³².

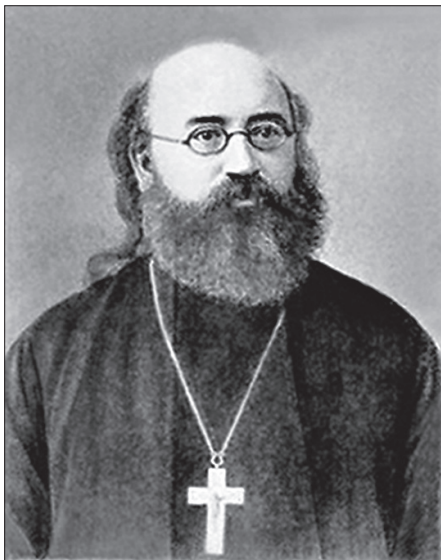

Николай Евгеньевич Марков

Лишенный православного ядра и самодержавного политического стержня народ превращается в многомиллионную этническую массу с разновекторными устремлениями, делающими его уязвимым для внешних и внутренних врагов. Наоборот, принятие Православия являлось пропуском в среду русского народа. «Когда спрашивают про кого-либо родом из Польши или с польской фамилией: “Он поляк?” – Отвечают: “Нет, православный”. Если он родился в Польше и поляк родом, но веры не католической, а православной, то он этим самым считается уже русским»³³, – разъясняла черносотенная пресса.

2. Самодержавный монархизм как трактовка русскости. Идентифицирующим признаком истинно русского человека являлся также проистекавший из Православия монархизм. Черносотенцы отстаивали тезис, что для подлинно верующего православного христианина признание неограниченной самодержавной монархии как единственно возможной формы правления являлось очевидным. Крупный исследователь черносотенного движения С. А. Степанов писал, что для «черной сотни принадлежность к господству-

* Шмидт Густав (в православном крещении Михаил) Карлович (1852 – 1909) – общественный деятель и публицист, член православной фракции III Государственной Думы, активный участник монархического движения в Западной Руси.

Священномученик
протоиерей Иоанн Восторгов

ющей нации определялась не столько национальностью или религией, сколько степенью преданности престолу»³⁴. В этом утверждении есть некоторое уничтожение принципа религиозности, что в отношении «коренных русских людей» не вполне верно. Если Православие рассматривалось правомонархистами как идейный фундамент самодержавия, то отношение к самодержавию определяло глубину веры индивида. По сути, это были две стороны одной медали, определявшие понятие русскости: Православие являлось его духовным проявлением, в то время как самодержавие – политикомировозренческим воплощением.

Отождествление понятия «русский» с верностью самодержавию постоянно подчеркивалось крайне пра-

выми идеологами. «Можно было бы указать отступников Православия, преданных отвлеченной идее монархизма, даже преданных лично тому или другому русскому государю, но изменника Православию, преданного идее русского царского самодержавия, не только указать, но и представить невозможно. С другой стороны, при иных исторических условиях существование людей православных, но отрицающих самодержавие или равнодушных к нему, вполне понятно и нормально. Другое дело – в России. Русскому нужно изменить самодержавию, нужно отречься от «всей родной святыни», искать исцеления у иных, мертвых и нелепых богов. Трудно совместить такое национальное отступничество с верностью Православию. И мы видим, что на деле даже лучшие из таких отступников быстро охлаждаются к народной вере, или, что еще чаще и хуже, пытаются отыскивать в православной вере и Церкви демократические и иные, любезные им начала», – заявлял на собрании монархистов Б. Надеждин³⁵.

Отказ признать самодержавие национальной формой правления с точки зрения правомонархистов автоматически вел к отрешению от принадлежности к русскому народу. Черносотенная печать всячески напоминала, что приверженность монархии является русской национальной чертой: «Тот, кто не православен, тот не русский: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский, потому что эта преданность есть наследие тысячелетних верований»³⁶.

По мнению русских консерваторов, благодаря Православию русский народ выработал отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма форму монархической власти, которая являлась наиболее приближенной к идеальному типу монархии вообще³⁷. Русское самодержавие рассматривалось правомонархистами как классическая монархия, в то время как существовавшие в мировой истории другие образцы являли собой пример отклонения от нормы. Главная отличительная черта самодержавия состояла в выражении им религиозно-нравственного и этического идеалов русского народа. «Монархия есть верховенство того самого этического начала, которое является сущностью всякой личности данной нации», – утверждал председатель Монархической партии И. И. Восторгов* в книге «Монархический катехизис». Иными словами, русская монархия являлась зримым политическим проявлением или производной мировоззренческих представлений русского народа. «Идея “Царь” есть идея стихийного всего многомиллионного русского народа. Эта идея – вне корысти и честолюбия, естественное ее движение – идея народного блага, и весь вопрос заключается в создании таких условий, при которых эта идея могла бы жить и своим светом правды и справедливости осенить жизнь народную и вести ее по пути прогресса и духа материального улучшения», – писало «Русское знамя» в январе 1908 года³⁸.

Аргументируя нравственную основу самодержавной власти, черносотенная пресса не скупилась на декларации о духовном родстве русского народа со своим православным царем, связь которых имела религиозно-духовную основу: «У царя и народа – одно сердце и одна душа. У нашего царя и русского народа – один учитель и наставник – Иисус Христос. У царя и народа – один Отец – Царь Небесный»³⁹. Доказательную базу составляли печатавшиеся на страницах «Русского знамени» поговорки, в которых проявлялось отношение русского народа к своему царю: «Русский народ инстинктивно понял общность своего мирозерцания с царским. В своих сказках он забитого Иванушку-дурачка делает царем, замарашка делается царицей. В своих пословицах он говорит: “Народ думает, царь ведает”, “Как весь народ вздохнет, до царя дойдет”. С другой стороны, расхитители царского самодержавия, кто бы они ни были, считаются русским народом одинаково опасными как для себя, так и для царя, что народ высказывает, говоря: “Жалует царь, да не жалует псарь”, “Царево око видит далеко, а из-за тына и царю не видать”, “Приспешники царю застыт, народу напастят”, “Царские милости в боярское решето сеются” и т. д. Народ переносит всю свою ненависть в периоды гнета не на царя, а на временщиков, как, например, на Малюту Скуратова, на Бирона и других. На русского царя только тогда переносится народная ненависть, когда он уклоняется от Православия или от совести, – что, конечно, одно и то

*Митрофорный протоиерей, священномученик Иоанн Иоаннович Восторгов (30.01.1867 – 23.08.1918) – выдающийся проповедник, церковный и общественный деятель, один из руководителей монархического движения, член Главной Палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела, председатель Русского монархического союза.

же, что, например, и случилось с так называемым Лжедмитрием и с Борисом Годуновым, который народом назывался царем-иродом»⁴⁰.

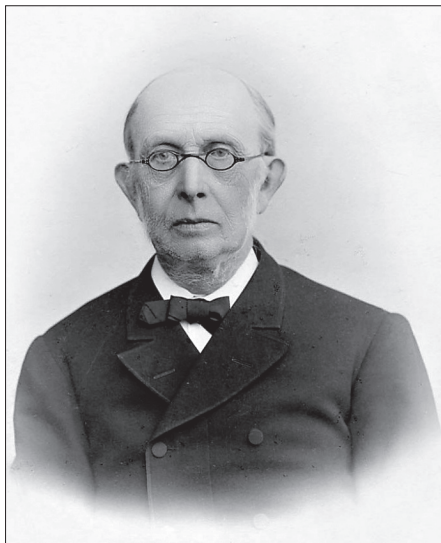
В воззрениях русских консерваторов и правомонархистов самодержавие в наибольшей, чем какая-либо иная форма правления, степени соответствовало характерным чертам русского народа, которые определялись как особые монархические качества: политический консерватизм, врожденный монархизм, покорность властям, аполитичность, неприятие инакомыслия и правового государства⁴¹. Рассмотрим эти черты подробнее.

Аполитичность. Черносотенцы приняли идеи государственников-охранителей и славянофилов об аполитичности русского народа, являвшейся следствием присущей ему религиозности. Утверждая, что народные массы не стремятся участвовать в управлении государством, крайне правые часто использовали в своих программных документах и на страницах печати рожденную славянофилами формулу: «Внешняя правда – государству, внутренняя правда – земле; неограниченная власть – царю, свобода мнения и слова – народу»⁴². Представления о предназначении русского народа жить на земле и в Боге четко выразил Д. А. Хомяков*, утверждавший: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, т.е. устранения от политиканства, в котором видит лишь “необходимое (или неизбежное) зло”, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо – государя...»⁴³.

Следуя этим размышлениям, крайне правые идеологи пропагандировали идею о том, что русский народ, добровольно отрекаясь от власти, передает правление царю: «Народ может наслаждаться полным счастьем, когда вся власть над ним сосредоточена в одних руках, когда им управляет одно лицо, то есть монарх, который своей могучею властью устраняет противоречия, все различия во взглядах мелких начальников», то есть также нейтрализует противостояние внутри бюрократического аппарата⁴⁴. Помимо отвлеченно религиозной аргументации монархисты применяли и аргументацию из практической области, указывая, что для решения государственных вопросов народ не обладает достаточной компетенцией, уровнем образования и временем в силу занятости производством материальных благ⁴⁵.

Повиновение власти как этическому принципу. Исходя из присущей консервативной идеологии установки об иерархическом строении общества, повиновение и покорность государству определялись правомонархистами как неотъемлемые черты русского национального характера. «Ты один, государь, должен стоять выше всех законов и умягчать своей властью несовершенство их и должен стоять, никем не заслоненный, пред своими подданными...», – говорилось во всеподданнейшем адресе собрания Монархической партии⁴⁶. А. В. Репников отмечал, что консерваторы приписывали русскому

* Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841 – 1919) – действительный статский советник, православный мыслитель и общественный деятель, один из основателей Союза русских людей, член Предсоборного Присутствия.

Константин Петрович Победоносцев

Лев Александрович Тихомиров

народу высокий уровень ожиданий от государства, персонифицированного в лице его главы. Со времен Иоанна Грозного в народе культивировался сформулированный им тезис о повиновении православному царю как часть христианского благочестия. Это трактовалось как утверждение патриархально-семейных отношений между царем-батюшкой и его народом, но не проявление рабской покорности⁴⁷. Утверждая, что потребность в смирении и послушании рассматривалась консерваторами не как аномалия, а норма, исследователь приводит мнение К. П. Победоносцева*, отмечавшего, что «искание над собой власти» представляет естественную психологическую черту людей и является проявлением не «рабской сущности», а следованием нормам Нового Завета. В контексте данных представлений «государство и власть защищают народ, монарх подобен “отцу”, а его подданные “детям”»⁴⁸.

Мнение К. П. Победоносцева развито Л. А. Тихомировым** в книге «Монархическая государственность»: «Это очень глубоко подмеченная черта нашей психологии – черта, которую можно назвать женственной... Она вовсе не есть выражение слабости, по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных во-

* Победоносцев Константин Петрович (1827 – 1907) – выдающийся правый государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода, член Совета Русского народа. Сотрудник трех последних императоров, он был ближайшим советником и сподвижником Александра III. Церковно-приходская школа – излюбленное его детище, дело, которое он считал самым важным в становлении и спасении души народа.

** Тихомиров Лев Александрович (1852 – 1923) – мыслитель, публицист, теоретик монархизма, редактор «Московских ведомостей», общественный деятель монархического толка.

площениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться как высшему для нас началу»⁴⁹.

Данная черта выражала присущие русскому народу государственно-политические достоинства: смирение, скромность, искание идеального, вековая терпеливость, подчеркивая которые, черносотенная пресса писала: «Русский народ – аскет, народ-страстотерпец... Стремление страдать во Христе создало в русском народе и вообще в православных свойство безропотно нести свой крест, быть твердым в своих убеждениях и не употреблять против насилия насилие... русский народ безропотно и твердо нес татарское иго, век Ивана Грозного, боролся с суровой природой и нашествиями иноплемеников, а со времен Петра начал нести иго рабства и попрания всех его человеческих прав, как, например, во времена Бирона – иго, перед которым бледнеет весь татарский гнет»⁵⁰. Следствием способности к повиновению власти был исторический успех русского народа: «Народ беспрекословно повиновался воле государя и с помощью самодержавия и Церкви Православной развил свою национальность, подчинил сотни племен, даже культурнее себя, и укрепил русский дух на шестой части земного шара»⁵¹.

Врожденный монархизм. Черносотенцы выдвинули тезис о том, что единоличная власть отвечала природе русского народа. Естественный монархизм славян проявился еще до принятия христианства призыванием варягов, от которых потребовали установления сильной власти и прекращения беспорядков⁵². Монархия объявлялась производной от национальных интересов народа. «Не верю в коллективный ум, а потому и в парламентаризм. Верую только в монархизм»⁵³, – отражал мнение миллионов своих соратников на съезде монархистов в 1906 году священник Василий Пестряков*.

В воззрениях черной сотни только неограниченная самодержавная монархия могла обеспечить условия для следования Россией предначертанным свыше самобытным путем, обеспечить порядок и стабильность функционирования православного социума, обуздать внутренние и внешние деструктивные силы, раскачивавшие лодку государственного корабля. Неприятие западноевропейских демократических институтов, правового государства и инакомыслия зафиксировано в обращении к царю собрания Монархической партии, которое в августе 1906 года заявляло: «Но ни в каком случае народ твой не признает над собою власти никаких парламентских безответственных властителей, а только единого ответственного пред Богом и историей царя, и скорее погибнет в кровавой смуте, нежели даст надеть на себя ярмо конституции»⁵⁴. Такая же мысль была высказана и в мае 1911 года в «Русском знамени». «Кому будет с радостью повиноваться русский православный народ – царю ли самодержавному, помазаннику Божьему, или пятистам самодурам, с деятельностью которых и благожелательством к себе он уже познакомился?» – задавались вопросом редакторы газеты «Русское знамя»⁵⁵.

*Василий Мелетьевич Пестряков (25. 12. 1877 – 1920) – священник, общественный деятель, член Киевского отдела Русской монархической партии.

С точки зрения черносотенных идеологов, представляя самобытную форму государственного управления, самодержавие вытекало из национальных качеств русского народа и его религиозных верований, что порождало у православного социума внутреннее стремление к истинно монархической власти. «Главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно – симптом известного духовного строя народа», – тиражировал высказанное славянофилами утверждение на своих страницах печатный орган Союза русского народа газета «Русское знамя»⁵⁶. У славянофилов правомонархистами была заимствована идея о том, что неограниченная монархия соответствовала социальному строю русского народа, в основе которого лежала связь царя и народа через Православие, сословность и патриархальные устои общества. Важным качеством русской монархии называлось служение интересам православного социума, всему русскому народу, а не интересам отдельных социальных групп. Таким образом, по мнению правомонархистов, сформировавшееся на русской почве самодержавие было тесно связано с мирозерцанием народа и всем его бытом⁵⁷.

В славянофильском духе черносотенцы доказывали, что имевшие место в истории России бунты и мятежи никогда не были направлены против института неограниченной самодержавной власти, не ставили целью получение либеральных свобод и расширение прав, а имели экономическую подоплеку, стремление обуздать злоупотребления бюрократического аппарата и всегда носили религиозно-нравственную окраску. Крайне правая пресса заявляла, что на протяжении всей своей истории русский народ никогда не изменял монархической форме правления: «Загляните бегло в русскую историю, и вы найдете... что от интриг, неправды и лихоимства “приказных”, от духовного убожества и гнета правительства народ бежал в дремучие леса, и там, оставаясь верным своим вековым идеалам, он воздвигал святые православные монастыри – будущие оплоты государства – и молился за Россию и самодержавного царя»⁵⁸. Данное обстоятельство отмечалось и А. В. Репниковым при анализе взглядов русских консерваторов⁵⁹, что еще раз подчеркивает существенные консервативные черты правомонархической доктрины.

По мнению крайне правых, особые монархические качества русского народа проявлялись в критические моменты русской истории, когда появлялась возможность смены формы правления. Указывая на естественный «монархизм» русского народа, черносотенцы заявляли о возможной республиканской альтернативе России после смерти Иоанна Грозного и прекращения династии Рюриков: «...свободный народ мог установить конституцию, республику, завести выборных царей, сильно ограниченных в своей власти, как в соседней Польше. Но народ оставил самодержавие...»⁶⁰. Такая же альтернатива возникла и двумя столетиями позже – в 1812 году, когда русский народ имел возможность «сменить свое позорное рабство на ту, золотую якорь, республиканскую свободу, которую им предлагал Наполеон...»⁶¹.

Необходимость сохранения самодержавия, по мнению крайне правых, остро актуализировалась в связи с имевшими место в России в начале XX века

модернизационными изменениями, приводившими к росту социальной напряженности, что создавало благоприятные условия для деятельности либеральных и революционных организаций. Черносотенные идеологи указывали, что успех левой агитации носил временный характер и не имел перспектив стать настоящей системой взглядов русского народа, так как рано или поздно столкнулся бы с его внутренним мировоззрением: «Набить революционной трухой голову какой-нибудь курсистке левые могут, взбунтовать полуграмотных рабочих они тоже могут, но изменить пути внутреннего развития русской национальной души, опровергнуть хотя бы Тютчева и Леонтьева и лишить их действенной силы – для этого у жидов силенки не хватит»⁶².

Правомонархисты считали увлечение революционными идеями некоторой части народа явлением мимолетным и обусловленным переходным этапом: «Русский мужик – монархист и черносотенец; прикоснувшись к современному “образованию”, он становится “критиканом” и отчасти революционером; но достигнув настоящей образованности, русский человек опять становится монархистом и черносотенцем, какими были Достоевский, Тютчев, Леонтьев»⁶³. Глубоко укорененное Православие и врожденный монархизм проявятся, как только человек подойдет к так называемой «точке невозврата»: «Интеллигентные безбожники долгое время могут путать простого русского человека и таскать его по “окольным путям”, но когда они, наконец, подведут его к иконе и скажут: “Плюнь на икону”, то простой русский человек забудет все “окольные пути”, по которым его водили, размахнется и трахнет плюгавенького интеллигентишку по уху своим могучим трудовым кулаком»⁶⁴. Черносотенцы приводили в пример Максима Ковалевского, судьба которого показала, что влияние левых идей не носит безграничного характера и не имеет глубокого укоренения. Ковалевский всю сознательную жизнь был врагом Православной Церкви, критиковал русские народные идеалы и традиции. В конце жизни он ужаснулся содеянному, пересмотрел свои взгляды и вернулся в лоно Церкви, что вызвало бурю негодования левых и заявления П. Н. Милюкова* о его сумасшествии⁶⁵.

Постоянство национального характера приводило черносотенных идеологов к мысли о перманентности самодержавия как отвечающего природе русского народа. «Народ, создавший самодержавие, глубоко национальный образ правления, прекрасно уживающийся со свободой граждан и с участием в государственных делах по форме Земских соборов, остался и в XX веке таким же убежденным сторонником единоличной власти повсюду», – утверждала черносотенная пресса⁶⁶. Теоретическое обоснование этому факту дал глава Русской монархической партии И. И. Восторгов: «Основными элементами государственной структуры являются нация или народ и верховная власть. Под именем нации объединяется вся масса групп и лиц, порождающая данный государственный порядок, организуемый верховною властью. Тем не менее, нация и государство не тождественны

* Милюков П. Н. (1859 – 1943) – лидер кадетской партии, которого многие монархисты считали виновником крушения самодержавной России. Член III и IV Государственной Думы.

по своему содержанию: государство есть только один из союзов, связующих членов данной нации, и нация только некоторую часть своего существования живет в государстве, не будучи поглощаема им всецело. Нация не только способна перестраивать формы образуемого ею государства, но способна и пережить его полнейшее крушение и восстановить его много веков спустя»⁶⁷.

Из природной свойственности самодержавия русскому народу следовал вывод о недопустимости искажения верховной власти, что может повлечь угрозу для существования самого русского народа: «Россия как носительница идеи совершеннейшей формы монархии, идеи православного царя, может и должна заимствовать, перенимать, усваивать и развивать все истины чистой науки. Но высшие государственные учреждения, через которые проявляется воля верховной власти, законы, формы обложения и все общественные учреждения, она должна развивать самобытно, строго сообразуясь с народным духом, так как нации и государства развиваются, крепнут и гибнут исключительно благодаря только своему государственному праву»⁶⁸.

Для национальных меньшинств именно верность самодержавию (а не Православию) оказывалась определяющей при идентификации принадлежности к русскому народу. Если для коренного русского Православие и монархизм являлись необходимыми требованиями для признания их истинно русскими людьми, то инородец мог исповедовать свою традиционную религию, но если он принимал самодержавие как единственно допустимый в России способ правления, то имел шанс называться истинно русским человеком.

Таким образом, термин «истинно русский» в отношении инородцев означал прежде всего политическую принадлежность. Поэтому руководство СРН предпринимало меры по созданию Мусульманского союза русского народа из казанских татар. В ряде мест функционировали отделы крайне правых союзов, состоявших исключительно из представителей национальных меньшинств. Так, по данным И. Е. Алексеева, в 15 процентах отделов крайне правых союзов Казанской губернии большинство членов составляли чуваша, а три отдела Царско-народного русского общества состояли из мусульман. Помимо этого в губернии действовало самостоятельное Царско-народное мусульманское общество⁶⁹.

Полной противоположностью выступали евреи, которым правомонархисты приписывали враждебное отношение к устоям русского традиционного общества и стремление революционными методами установить в России свое господство. Впрочем, некоторая часть евреев пыталась доказать свою лояльность властям. В Одессе в феврале 1910 года возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса, пытавшееся примкнуть к черносотенному движению⁷⁰.

3. Культурно-психологическая и историческая общность как трактовка русскости. В дополнение к конфессиональному и политическому элементам принадлежности к русской народности черносотенцы добавляли также культурно-психологическую и историческую составляющие, под которыми понималось служение русскому государству, принятие базовых ценностей

русской культуры и традиций, жертвенное участие в судьбе страны, верность ее историческим заветам, принятие ее прошлого.

В первую очередь, культурно-психологический и исторический критерии относились к представителям нерусских по этническому происхождению лиц, чьи предки ратным трудом доказали преданность России и разделили историческую судьбу страны: «Да где же вспомнить, хотя бы приблизительно, всех инородцев, всех, рожденных мусульманками, грузинками, французенками, поляками, литвинками, гречанками, шведками, немками и даже финляндками и все же ставших настоящими русскими людьми, готовыми отдать, да и отдавших всю свою жизнь, всю свою кровь, все свое состояние в пользу родины»⁷¹.

Трактовка принадлежности к русскому народу в категориях религиозного и политического факторов давала правомонархистам возможность преодолеть присущую националистам узость этнического или «кровного» критерия и войти в состав державного народа представителям других этносов, признававших имперские интересы России приоритетными по отношению к своим собственным и не проявлявших к ним враждебности в какой бы то ни было форме. Расширительная трактовка русскости была зафиксирована в программах большинства черносотенных организаций. В официальном документе Союза Михаила Архангела сынами России признавались «лица других вероисповеданий, кроме иудейского, но с тем непременным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противопоставляли, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства»⁷².

Данная трактовка культурно-психологического фактора и исторического служения России обеспечивала, по мнению правомонархистов, интеграцию в состав русского народа представителей достаточно широкого спектра нерусских этносов. Крайне правая пресса писала: «Как сметь, наконец, не признавать русскими мучеников долга, отдавших родине свою жизнь, свое время, свое состояние. Понадобился бы целый том, чтобы перечислить нерусские имена русских патриотов от петровского Лефорта и Ганнибала до современных Алиханова и Каравгоzona, от Екатерины Великой до супруги Александра I, от Карамзина до Тагиева, от князя Цицианова, завоевателя Кавказа, – до Меллер-Закомельского, от генералов Дибича, Багратиона, Барклай-де-Толли, Кауфмана до Реннекампа*, Рейнбота** и фон дер Лауница***, от Пушкина до Лермонтова...»⁷³.

4. Соборность как форма организации русского народа. Одним из признаков принадлежности к русскому народу для черносотенцев являлась со-

* Реннекамф, фон, Павел (Павел-Георг) Карлович (17. 04. 1854 – 19. 01. 1918) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник подавления революционного движения в Восточной Сибири, монархист.

** Рейнбот (с 1914 – Резвой) Анатолий Анатольевич (4. 02. 1868 – 1918) – генерал-майор, московский градоначальник, член Русского собрания и Русского окраинного общества.

*** Лауниц, фон-дер, Владимир Федорович (10. 08. 1855 – 21.12.1906) – шталмейстер Высочайшего Двора, генерал-майор Свиты ЕИВ, правый государственный деятель, действительный статский советник, Санкт-Петербургский градоначальник, борец с революционной смутой, покровитель черной сотни.

борность, которая в широком смысле подразумевала единение народа, выражаемое «в слове и деле всеми его членами вместе и каждым в отдельности». Она охватывала все сферы жизни народного организма, став одним из компонентов определения понятия народности, которая «есть соборность рода, языка и быта страны (отечества, родины), связанная верою, просвещением и предопределенною Господом Богом целесообразностью»⁷⁴. Соборность выполняла интегративную и охранительно-защитную функции, исходя из которых приобретала следующие основные формы.

Гражданско-правительственная соборность как форма единения народа с царем, то есть своеобразный патриархальный демократизм, обеспечивавший коммуникацию между верховной властью и подданными. Противопоставляя ее западноевропейским парламентским учреждениям, крайне правые указывали, что член собора – не представитель народа в стане царя, а «свидетель о жизни народной перед лицом самого народа, возглавляемого царем»⁷⁵.

Церковная соборность как форма организации и единения православных верующих: «Церковно-соборное деяние есть свидетельство представителей Церкви о вере Богом врученной им паствы. Правое веры свидетельство перед лицом Церкви вводит ее в общественное сознание, утверждает и расширяет ее во все концы»⁷⁶.

Земская народно-общественная соборность, отвечавшая за обеспечение связи русского человека со своим социальным слоем, обществом и народом в целом. Данный вид соборности рассматривался как «свидетельство всех чинов людей о правде народной: о его жизни, нуждах, думах и чаяниях» и имел преимущества перед партийностью, так как обеспечивал возможность реализации качества (истины) перед количеством (большинством). Здесь черносотенцы исходили из мнения, что сила соборных постановлений заключалась не в численности их провозглашающих, а в истинности провозглашаемого как «вечного проявления неизменной правды Божией». Ссылаясь на опыт демократических стран, крайне правые указывали, что «большинство голосов» часто обеспечивается умышленной подтасовкой, а иногда складывается неразумною случайностью⁷⁷.

Другой функцией земской народно-общественной соборности являлась охранительно-защитная. Исходя из положения о том, что русский человек принадлежит русской цивилизации до тех пор, пока сохраняет связь с малой родной и своим социальным слоем, черносотенцы указывали, что в отрыве от своей среды русский человек подпадает под соблазны западничества, духовно и физически разлагается. «Пожив в городе или где-нибудь на “шахтах”, – мужик очень часто возвращается в деревню хулиганом, ни к селу ни к городу толкует о “швабодах” и поносит начальство», – писала в январе 1916 года черносотенная пресса⁷⁸.

Согласно исследованию А. В. Репникова, русские консерваторы традиционно рассматривали общину как основу охранительства в государстве, так как отношения в ней были построены на особом, религиозном понимании бытия⁷⁹. Вслед за ними ортодоксальное крыло правомонархистов считало необходимым консервацию общины как преграду на пути внедрения капиталисти-

ческих отношений в деревне, вызывавших расслоение крестьянства и создававших основу для подрыва самодержавной системы. Одна из причин первой российской революции виделась в том, что проведенная в 1861 году крестьянская реформа, во-первых, лишила помещиков возможности оказывать воспитательное влияние на крестьян, во-вторых, открыла дорогу для проникновения в сельский мир «неблагонадежных» элементов, что в совокупности создало условия для ослабления внутриобщинных связей, приведших к стремлению крестьян решать возникающие вопросы нередко незаконными мерами⁸⁰.

Исходя из вышеизложенных критериев, черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, что определило его триединый характер. «Под именем “русской народности” мы понимаем: великороссов, малороссов и белорусов...», – заявляла черносотенная пресса⁸¹. Принятие указанных народов в русскую семью обуславливалось общностью православной религии, истории, национальной культуры и психологии, что констатировали в своих программах крупнейшие крайне правые организации – Союз русского народа и Союз Михаила Архангела. В данном случае черносотенцы следовали официальной идеологии, считавшей русским все православно-славянское население Российской империи и отказывавшейся видеть в украинцах и белорусах отчужденные от великороссов народы. Наличие у последних собственной национальной культуры и языка трактовалось как локальные проявления единого целого⁸².

Как видим, данные выше характеристики фиксировали размытость этнического компонента в определении понятия «русский». Трактую народность в религиозном, политическом и культурном контексте, черносотенцы делали в этой связи вывод о том, что истинно русским человеком можно стать, приняв базовые ценности русского культурно-исторического сообщества. О малозначимости для черносотенцев этнического происхождения говорит то, что они признавали немецкое происхождение царской династии. На страницах «Русского знамени» указывалось, что предки бояр Романовых вели свою родословную от прусского короля Войдевита, внук которого, Гландус Камбила, в 1283 году спасаясь от немецких крестоносцев, бежал к русскому князю Дмитрию Александровичу. При крещении прусака Гландуса, ставшего родоначальником Романовых, назвали Иваном, а прозвище дали по созвучию с прежним – «Кобыла» (Камбила)⁸³.

Для черносотенцев пример династии Романовых, веками верой и правдой служивших России, являл собой ошибочность националистического подхода определения русскости по крови. Иными словами, русскость являлась не генно-этнической конструкцией, а категорией духовного порядка, подразумевавшей православное и самодержавно-государственное миропонимание. Данный подход подтвердил видный черносотенец И. Восторгов, который в своем труде «Монархический катехизис» вообще не включил этнический компонент в определение понятия народности, рассматривая ее как «общество, объединенное на основах единства духовных и материальных интересов – территории, географических условий, языка, верований, исторических условий развития и т. п.»⁸⁴.

Черносотенная идеология исходила из фундаментальных ценностей консерватизма, среди которых народ (нация) рассматривался сакральной общностью, предопределяющей судьбу составляющих ее социальных слоев, групп, личностей. Для консервативной идеологии народность формировала определенный тип личности через систему нравственных норм, человеческих взаимоотношений, способ жизни и ведения хозяйства.

Для крайне правых слова «черносотенец» и «русский» являлись синонимами. Данную мысль четко сформулировало в январе 1916 года «Русское знамя»: «Русский человек должен быть православным – правым, и если русский не православный, то он – не русский»⁸⁵. Данная трактовка русскости неизбежно включала всех носителей вышеуказанных религиозных и политических взглядов как сторонников крайне правых организаций. «Нам не приходится пропагандировать свои идеи в народе, как то делают все политические партии почти без всякого успеха, если не считать обман и насилие за успех», – заявлялось в 1906 году в Киеве на III Всероссийском съезде русских людей.

Таким образом, в черносотенной идеологии под народностью понималось духовно-религиозное, политическое, культурно-психологическое и соборное единство русских людей. Националисты делали приоритет на этнической идентичности (родстве), а либералы на государственно-гражданском единстве. В современной литературе также встречаются подходы рассмотрения нации и как культурно-исторической и языковой общности (общности исторической судьбы, религии, языка и культуры), и как этнической общности, основанной на кровном родстве. С этой точки зрения в своих подходах к понятию нации черносотенцы опередили свое время, так как понятие народности в правомонархическом варианте трактовки несло прежде всего идеологическую начинку, что позволяло преодолеть фактор этничности.

Идеологию правомонархических организаций России начала XX века достаточно сложно отнести к националистической и шовинистической, поскольку главными качествами русскости в их представлении было православное вероисповедание и верность самодержавным устоям. Этническое происхождение имело гораздо меньшее значение, что стало идеологическим новшеством, так как черносотенцы предлагали основу единения народов империи на базе самосовершенствования в христианском духе и укрепления основ общего государства – Российской империи. Преодолеть этнический фактор при формировании новой общности – советского народа – впоследствии пыталась и КПСС, но уже на других идейных основах.

Как показывает вышеизложенный материал, отрицательно относясь к распространённым в то время на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы определяли принадлежность к русскому народу принятием базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества – Православия, самодержавия и народности. Несмотря на многочисленные обвинения либерального и революционного лагерей в национализме и шовинизме, присущий черносотенной иде-

ологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял правомонархическому движению преодолеть узкий национализм и интегрировать в него представителей других национальностей, что определило интернациональный характер черной сотни. Дистанцирование от националистических идей расовой чистоты, национального превосходства и этнической сегрегации, чреватых возникновением напряжения с населением окраин страны, объяснялось стремлением сохранить единую и неделимую Российскую империю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 58.
- ² Там же. С. 55.
- ³ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 130.
- ⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ⁵ Русское знамя. 1912. 13 октября.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001. С. 305.
- ¹⁰ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Русское знамя. 1907. 13 мая.
- ¹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№№ 8913 и 13315).
- ¹⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября – 1 декабря 1911 года в г. Москве. Спб., 1912. С. 28.
- ¹⁶ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября – 4 октября 1909. М., 1910.
- ¹⁷ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 75.
- ¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001. С. 273.
- ²⁰ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ²¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²² Алексеев А. В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX века: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- ²³ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 3.
- ²⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ²⁵ Бартнев Ю. П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.
- ²⁶ Русское знамя. 1909. 10 сентября.
- ²⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁸ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ²⁹ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁰ Труды Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ³¹ Русские ведомости. 1909. 2 октября.
- ³² Там же. 1916. 9 января.
- ³³ Там же. 1907. 13 мая.
- ³⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России, 1905 – 1914 гг. М., 1992. С. 22.
- ³⁵ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ³⁶ Там же. 1913. 2 апреля.
- ³⁷ Репников А. В. Там же. С. 75 – 78.
- ³⁸ Русское знамя. 1908. 20 января.
- ³⁹ Земщина. 1910. 10 июня.
- ⁴⁰ Русское знамя. 1908. 25 июля.

- ⁴¹ Репников А. В. Там же. С. 86 – 89.
- ⁴² Аксаков К. С. Собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 18.
- ⁴³ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 125.
- ⁴⁴ Русское знамя. 1907. 5 ноября.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁴⁷ Репников А. В. Русский консерватизм: pro et contra // Хронос. М., 2011. Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/parus/rep_pro.php.
- ⁴⁸ Репников А. В. Русская консервативная мысль о проблемах государственности // Хронос. М., 2011. Режим доступа: <http://www.hrono.info/proekty/romanov/1rc08.php>.
- ⁴⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. 1. М., 1905. С. 12.
- ⁵⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ⁵¹ Там же. 1907. 13 мая.
- ⁵² Там же. 1908. 15 января.
- ⁵³ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 162.
- ⁵⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁵⁵ Русское знамя. 1911. 18 мая.
- ⁵⁶ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. 1907. 12 апреля.
- ⁵⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87.
- ⁶⁰ Русское знамя. 1907. 16 октября.
- ⁶¹ Там же. 1913. 5 февраля.
- ⁶² Там же. 1916. 1 декабря.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. 25 декабря.
- ⁶⁵ Там же. 1 декабря.
- ⁶⁶ Там же. 1913. 16 марта.
- ⁶⁷ Иоанн Восторгов, прот. Полн. собр. соч. В 5 т. М., 1914. Т. 4. С. 516.
- ⁶⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁶⁹ Алексеев И. Е. Царско-народное мусульманское общество в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Казань: «Kazan – Kазань», 1995. С. 18.
- ⁷⁰ Союз русского народа. М. – Л., 1929. С. 296 – 297.
- ⁷¹ Русское знамя. 1912. 6 октября.
- ⁷² Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ⁷³ Русское знамя. 1912. 6 октября.
- ⁷⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ⁷⁹ Репников А. В. Там же. С. 89.
- ⁸⁰ Русское знамя. 1909. 17 октября.
- ⁸¹ Там же. 1907. 9 декабря.
- ⁸² Степанов С. А. Черная сотня. С. 31 – 32.
- ⁸³ Русское знамя. 1913. 19 февраля.
- ⁸⁴ Иоанн Восторгов, прот. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 515.
- ⁸⁵ Русское знамя. 1916. 9 января.

Размолодин Максим Львович, 1972 года рождения, уроженец г. Ярославля, выпускник исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, в настоящее время – военнослужащий. В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 – 1914 гг.», а в 2012 г. – докторскую по теме: «Идеология правомонархических организаций в России в начале XX в.». Область научных интересов – история России кон. XIX–XX вв. Автор более сорока научных работ по исторической тематике.

«СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ»

Поэзия Великой Отечественной войны

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ОБЛАКА КРИЧАТ

По земле поземкой жаркий чад.
Стонет небо, стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.

Хлеб дотла, и все село дотла.
Горе? Нет... Какое ж это горе...
Полплетня осталось от села,
Полплетня на взгорье.

Облака кричат. Кричат весь день!..
И один над теми облаками
Я трясу, трясу, трясу плетень
Черными руками.

1941

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали укладкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.
Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся

За в Бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, все-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.
Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».
«Мы вас подождем!» – говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» – говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.
По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,

Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,
Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.
Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало – надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться –
Земля бы крепостью была.
Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.
Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.
Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

1942

* * *

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду –
На всех. На все четыре года.
Она такой вдавила след,
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы.
И к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких.
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого-то нет.
И ставит, ставитobeliski.

1970

Юлия Друнина

Зинка

*Памяти однополчанки – Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

1

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, сырой земле.
– Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет.
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет...
Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг неожиданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше,
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,

Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

– Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала...

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.
И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Ты должна!

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться,
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.
Хоть вернешься едва ли,
Хоть «Не смей!»
Повторяет комбат.
Даже танки

(Они же из стали!)
В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.
Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
«Сестрица!»
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

* * *

Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Курганами славы покрыта родная равнина.
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река.
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь славянина,
Что в грозные годы душа славянина кротка.

От нас убегали монгольские орды Мамаю.
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли.
На полчища Гитлера кованый меч поднимая,
Мы грудь прикрыли просторы славянской земли.

От Волги и Дона до Савы, Моравы и Дравы
Коврами цветов мы над пеплом покроем луга.
Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахаря плуг разровняет могилы врага.

* * *

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покатила вспять
Немецкая железная волна.

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

1941, под Москвой

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую ляжку тяну.
Черета лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня, –
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Под Ржевом, 1942

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрочки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне – наяву.
И сказал пехотинец: «Отмаялись! Баста!»
И приметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые –
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

1945

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества – недалекого дня –
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку...
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.
Лет десяти-двенадцати. Бедовый.
Из тех, что главарями у детей.
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас, как дорогих гостей.
Машины обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами не труд.
Выносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...
Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен.
Мы прорывались к площади вперёд,
А он гвоздит, – не выглянуть из башен, –
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.
Тут угадай-ка, за каким домишком

Он примостился – столько всяких дыр!
И вдруг к машине подбежал парнишка:
«Товарищ командир! Товарищ командир!
Я знаю, где их пушка... Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду»...
– Да где же? Где?.. – А дайте, я поеду
На танке с вами, прямо приведу!
Что ж, бой не ждёт.
– Влезай сюда, дружище! –
И вот мы катим к месту вчетвером,
Стоит парнишка, мимо пули свищут,
И только рубашонка пузырём.
Подъехали. – Вот здесь. – И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём,
И эту пушку заодно с расчётом
Мы вмяли в рыхлый жирный чернозём.
Я вытер пот. Душила гарь и копоть.
От дома к дому шёл большой пожар.
И помню, я сказал: «Спасибо, хлопец!»
И руку, как товарищу, пожал.
Был трудный бой. Всё нынче как спросонку.
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрывки.

И во всем этом мире
До конца его дней –
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.

Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облаком пыли
Ходит рожь на холме.

Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.

Где – травинку к травинке –
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Летом горького года
Я убит. Для меня –
Ни известий, ни сводок
После этого дня.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю –
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?
Этот месяц был страшен.
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за *ним* уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался *он*?

Нет, неправда! Задачи
Той не выиграл враг.
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому – как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.
<...>

1945 – 1946

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Вы нашей земли не считаете раем
А краем пшеничным, чужим караваем,
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем, –
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам – за ворованный хлеб умереть.

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.
Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.
Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».
Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,
И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,
И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,
И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.
Что до врага, то все известно мне,

Как ни одной разведке на войне.
Я говорю – не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,
Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.
И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.
Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

* * *

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, –
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.
Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,
У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток –
Бездомовный напиток –
В жестяной котелок.
Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темной засыпая,
Ничего не хотеть –
Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, –
Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

Юрий Воронов

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем

Выдали медали,
И только в сорок пятом –
Паспорта.
И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...

* * *

Наш город в снег до пояса закопан.
И если с крыш на город посмотреть,
То улицы похожи на окопы,
В которых побывать успела смерть.
Вагоны у пустых вокзалов стыннут,
И паровозы мёртвые молчат, –
Ведь семафоры рук своих не вскинут
На всех путях, ведущих в Ленинград.
Луна скользит по небу одиноко,
Как по щеке холодная слеза.
И тёмные дома стоят без стёкол,
Как люди, потерявшие глаза.
Но в то, что умер город наш, – не верьте!
Нас не согнут отчаянье и страх.
Мы знаем от людей, сражённых смертью,
Что означает: «Смертью смерть поправ».
Мы знаем: клятвы говорить непросто.
И если в Ленинград ворвётся враг,
Мы разорвём последнюю из простынь
Лишь на бинты, но не на белый флаг!

* * *

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь».
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.

И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда –
Не права!
Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все – без конца и без счета –
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе – волей-неволей –
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась – какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралась без страха.
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела – иглой и пилой.

Рубила, возила, копала –
Да разве всего перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв – и умирает друг.
И значит – смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черёд,
За мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год,
и вмёрзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

Октябрь 1942

МИХАИЛ ЛЬВОВ

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.

Готовность к смерти – тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому в веках живут они.

1943

ВЛАДИМИР ПАВЛИНОВ

ХОЛОДА

Маме

К печи поленья поднеси, оладьи замеси.
Трещат морозы на Руси, морозы на Руси.
Безмолвен лес, безлюден сад, и в поле ни следа –
такие холода стоят, такие холода!
Ах, мама! Ты едва жива. Постой, ты вся в снегу.
Оставь тяжёлые дрова, давай я помогу.
Зачем ты всё – сама, сама? Не стой на холоду...
Какая долгая зима в сорок втором году! –
Не тает иней по углам, а ночь – над головой.
Мука – с картошкой пополам, над полем – волчий вой.
Дымятся снежные холмы, и ночи нет конца.
Эвакуированы мы, и нет у нас отца. –
Так страшно дует из окна, и пруд промёрз до дна.
Так вот какая ты, война!.. Что говорить? Война.
Забыл я дом арбатский наш, тепло и тишину.
Я брал двухцветный карандаш. Я рисовал войну.
Шли танки красные вперёд. Под ливнем красных стрел
вниз падал чёрный самолёт и чёрный танк горел... –
Лютее, снежнее зимы не будет никогда.
Эвакуированы мы из жизни навсегда.
Метёт, а небо так черно, что кажется: сейчас
на нас обвалится оно – да и придавит нас.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

НАС ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ

От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабываемых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снятся молодыми,
И мальчиками снятся матерям.
А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.
Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.
Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.
И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то
И перед осуждением вины.
Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.
Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.
И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.
Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув, вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.

И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.
Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству сопричесть,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.
Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Перевод Я.Козловского

АННА АХМАТОВА

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941, Ленинград

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942, Ташкент

БОРИС ПАСТЕРНАК

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.
Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.
Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.
Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

1941

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия –
Даже дым не долетает к ней!

1945

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Ну что с того, что я там был

Ну что с того, что я там был. Я был давно, я все забыл.
Не помню дней, не помню дат. И тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат. Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолет. Я лед кровавый в январе.
Я крепко впаян в этот лед. Я в нем как мушка в янтаре.
Ну что с того, что я там был. Я все забыл. Я все избыл.
Не помню дат, не помню дней, названий вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней. Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня, я бой на дальнем рубеже.
Я пламя вечного огня, и пламя гильзы в блиндаже.
Ну что с того, что я там был. В том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл, я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне, война участвует во мне.
И пламя вечного огня горит на скулах у меня.
Уже меня не исключить из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить от тех снегов, от той зимы.
И с той зимой, и с той землей уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже моих следов не различить.

ВЯЧЕСЛАВ ПОПОВ

СЫН И ОТЕЦ

Я отца попросил:
– Расскажи, как сражался,
Как поганых фашистов
В боях убивал.
Но отец о войне
Говорить отказался,
Только брови нахмурил
И тихо сказал:
– Ты что думаешь, сын,
Убивать очень просто?
Так в кино лишь бывает
И то не всегда.
– Но ведь это ж враги?!
Я б их всех шашкой острой
Покрошил, если б только
Был взрослым тогда.
– Да, то были враги,

Но они тоже люди,
И у каждого дома
Детишки и мать.
Их погнали, как скот,
К нам фашисты-паскуды
И заставили силой
Всех нас убивать.
Но уж тут кто кого.
Жить нам тоже хотелось,
Да к тому же свой дом нам
Пришлось защищать.
На войне было все –
Кровь, жестокость и смелость.
И поверь, нелегко мне
Войну вспоминать.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.
Глядел на нивы и опушки,
Но лезли мысли прежних дней:
Как лучше здесь поставить пушки,
Где вырыть линию траншей.
У каждой речки мимоходом
Глаза, как требовал устав,
Искали «скрытые подходы»
И «ось» десантных переправ.
Боями бредил в сновидениях,
Порой все ночи напролет,
То отдавал распоряжения,
А то командовал: «Вперед!»
Жене, что в бок меня толкала:
«Да не шуми, проснись, чудак»,
Хрипел тревожно и устало:
«А ты сюда попала как?»
Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.

ГЕОРГИЙ РУБЛЕВ

ПАМЯТНИК

Это было в мае на рассвете,
Нарастал у стен рейхстага бой.
Девочку немецкую заметил
Наш солдат на пыльной мостовой.

У столба, дрожа, она стояла,
В голубых глазах застыл испуг.
А куски свистящего металла
Смерть и муку сеяли вокруг.

Тут он вспомнил, как, прощаясь летом,
Он свою дочурку целовал,
Может быть, отец девчонки этой
Дочь его родную расстрелял...

Но сейчас, в Берлине, под обстрелом,
Полз боец и, телом заслоня,
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня.

Скольким детям возвратили детство,
Подарили радость и весну.
Рядовые Армии советской,
Люди, победившие войну!

И в Берлине в праздничную дату
Был воздвигнут, чтоб стоять в веках,
Памятник советскому солдату
С девочкой спасенной на руках.

Он стоит как символ нашей славы,
Как маяк, светящийся во мгле.
Это он, солдат моей державы,
Охраняет мир на всей земле!

ДАВИД САМОЙЛОВ

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдет на стон к нему сестрица,
Поднесет родимому напиток.
Даст водицы, а ему не пьется,
А вода из фляжки мимо льется.
Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни крова,
Только облака гуляют в небе.
И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы...

1940

* * *

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять –
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле –
Лежать навтыжку и приоткрыв гробы, –
Мы слышим гром предутренной пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ВОСПОМИНАНИЕ

...На скрещенье путей непреложных
дом возник из сырой темноты.
В этой комнате умер художник,
и соседи свернули холсты.

Изумляли тяжелые рамы
бесполезной своей пустотой
на диковинных зорях, пока мы
были счастливы в комнате той.

Как звучит эта строчка нелепо!
Были счастливы... Что за слова!
Ленинградское бедное небо,
беззащитна твоя синева.

Ты не знаешь минуты покоя.
Бьют зенитки, сгущается дым.
Не чудесно ль, что небо такое
было все-таки голубым?

Что оно без оглядки осталось
с бедным городом с глазу на глаз?
Не чудесно ль, что злая усталость
стала доброю силою в нас?

Может, нас потому не убили
ни снаряды, ни бомбы врага,
что мы верили, жили, любили,
что была нам стократ дорога

та сырая весна Ленинграда,
не упавшая в ноги врагам...
И почти неземная отрада
нисходила нечаянно к нам.

Чем приметы ее бесполезней,
тем щедрее себя раскрывай.
...Осторожно, как после болезни,
дребезжит ослабевший трамвай.

Набухают побеги на ветках,
страшно первой неяркой траве...
Корабли в маскировочных сетках,
как невесты, стоят на Неве.

Сколько в городе терпких и нежных,
ледяных и горячих ветров.
Только жалко, что нету подснежных,
голубых и холодных цветов.

Впрочем, можно купить у старушки,
угадавшей чужие мечты,
из нехитро раскрашенной стружки
неживые, сухие цветы.

И тебя, мое сердце, впервые,
может быть, до скончания дней,
волновали цветы неживые
сверхъестественной жизнью своей.

...Быстро, медленно ли проходили
эти годы жестоких потерь,
не смирились мы, а победили,
и поэтому смеем теперь

нашей собственной волей и властью
все, что мечено было огнем,
все, что минуло, помнить, как счастье,
и беречь его в сердце своем.

1946

«Духовный Собеседник» в 2015 году

Публикации, посвященные 1000-летию преставления крестителя Руси, святого равноапостольного великого князя Владимира и 1200-летию со дня рождения св. равноап. Мефодия, первоучителя славянского, 70-летию Победы русского народа в Великой Отечественной войне.

1-я стр. обложки: Штурман Виктор Попов кормит голубей в минуты отдыха. Авторское название фото: «В перерыве между боями. Калининский фронт».

Виктор Васильевич Попов – штурман 263-го истребительного авиационного полка, капитан. Родился в 1913 году, на военной службе с 1931 г., участник советско-финской войны (тяжело ранен 28. 02. 1940). С 22 июня 1941 года в составе действующей армии. Старший лейтенант Виктор Попов к августу 1942 г. совершил 103 боевых вылета на Брянском, Калининском, Волховском и Западном фронтах. В должности штурмана полка за мужество, отвагу и героизм, проявленные в воздушных боях, в ходе воздушной разведки и при штурмовке войск противника был награжден медалью «За отвагу» (26 июня 1942 г.) и двумя орденами Красного Знамени (23 июля и 14 августа 1942 г.). Великую Отечественную войну закончил летчиком 523-го истребительного авиационного Оршанского Краснознаменного орденов Кутузова и Александра Невского полка. Всего совершил 149 боевых вылетов, в воздушных боях лично сбил 7 самолетов противника и 5 – в группе. 3 ноября 1944 г. был награжден медалью «За боевые заслуги», 30. 05. 1945 – орденами «Отечественной войны I степени» и орденом «Отечественной войны II степени». Фотография Ольги Игнатович. 1943 год.

2-я стр. обложки: Святой Георгий с усеченной главой в руке («Кефалор»). XVII в. Крит. ГИМ. Москва. Правая рука обращена к Спасителю, а в левой – собственная отсеченная глава. Ее впалые щеки, резко очерченные глубокие морщины говорят о пережитых мучеником жестоких пытках. Чистые яркие краски иконы несут энергию жизни, они говорят не о трудностях борьбы, а о радости победы, поднимают человека, пробуждают в нем любовь к Богу и ближнему. Икона символизирует: православный воин, отдавший жизнь на поле брани за веру и Отечество, обретает жизнь вечную и венец Спасителя мира – Христа.

Великомученик Георгий Победоносец (III в.) был прежде всего воин Христов. Высоко ценимый императором Диоклетианом как талантливый полководец, св. Георгий резко восстал против гонений, воздвигнутых на христиан. Подвергнутый за это жесточайшим мучениям, он был укрепляем небесными знамениями и не прельстился царской властью, которую обещал ему император-язычник за отречение от Христа, и был приговорен к усекновению главы. Св. Георгий является покровителем православного воинства и глубоко символично, что Акт капитуляции фашистской Германии был подписан в день праздника Георгия Победоносца – 6 мая 1945 г.

3-я стр. обложки: Монумент «Воин-освободитель» в берлинском Трептов-парке. Скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я. Б. Белопольский, художник А. В. Горпенко. Открыт 8 мая 1949 г. Монумент является символом победы советского народа в Великой Отечественной войне и освобождения народов Европы от фашизма.

Прототипом для памятника стал солдат Николай Маслов, спасший немецкую девочку, прикрыв ее своим телом. Сам он был ранен при этом. Во времена ГДР были собраны свидетельства очевидцев по всему Берлину о множестве подобных случаев.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№3(77). Отпечатано в типографии ООО «Волга Принт Плюс», адрес: Самарская обл., Пестравский р-н, с. Пестравка, ул. Мира, д. 1Б. Подписано в печать 20.04.2015 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2015 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2015 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стоимость		по каталогу		683 руб. 04 коп.						кол-во комп.		1	
		за доставку		руб. коп.									
на 2015 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
						X		X		X			
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **220 рублей** за один экземпляр журнала с учётом доставки до адреса - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с №40702810400000016337 в ОАО «Первобанк» г. Самара

БИК 043601927 к/с 30101810100000000927

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2015 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2015 г.:					
№1(75) Январь - Февраль	№2(76) Март - Апрель	№3(77) Май - Июнь	№4(78) Июль - Август	№5(79) Сентябрь - Октябрь	№6(80) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи _____

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2015 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник